ЕДИНОЖДЫ ПРИНЯВ ПРИСЯГУ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге повествуется об участии на разных этапах истории Отечества чекистов Ворошиловградчины в борьбе против контрреволюции, политического бандитизма, происков иностранных разведок, о разоблачении военных преступников и предателей.

Рассчитана на широкий круг читателей.

- ЕДИНОЖДЫ ПРИНЯВ ПРИСЯГУ…
  - К читателю
  - ТЕОДОР ГЛАДКОВ
  - МУШЕГ ГАБРИЭЛЬЯН
    -
    - ТОВАРИЩ НЕИЗВЕСТНЫЙ
    - «АРТИСТ»
  - ИВАН РЫСЕНКО
    -
    - ПРИКАЗАНО НЕ СТРЕЛЯТЬ
    - НАЧАЛО
    - ДОНБАССКИЙ РУБЕЖ
    - ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ
    - ПОВЕСТВУЕТ ДОКУМЕНТ
    - ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
  - АЛЕКСАНДР РЕШЕТНИКОВ
    -
    - МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ СКРЕПКА
    - «Н» СООБЩАЕТ. ЧТО…
  - ВЛАДЛЕН ЛЕВЧЕНКО
  - ДМИТРИЙ ЕРОВАР
  - АЛЕКСЕЙ БОРИСОВ
  - ОЛЕГ ВОЛЬНЫЙ
  - ГЕННАДИЙ НЕМЦОВ
    -
    - НАЗНАЧЕНИЕ
    - ПО СЛЕДАМ ЗОНДЕРГРУППЫ
    - СВОЯКИ
    - ИСКУПЛЕНИЕ КРОВЬЮ
    - НОЧНОЙ ПОЛЕТ
    - ПРИВЕТ ИЗ КРАСНОГО ЛУЧА
    - ВЕСНА НА БАЛКАНАХ
  - АНАТОЛИЙ МОИСЕЕВ
    -

        - ЧАСТЬ 1-я
        - ЧАСТЬ 2-я
    - ВИТАЛИЙ ПАРФИЛЕНКО
    - ВИКТОР КАТЫРЕВ
    - ИВАН СОБКО
    - ВАЛЕНТИН ЗАНУРДАЕВ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

ЕДИНОЖДЫ ПРИНЯВ ПРИСЯГУ… РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТАХ

К читателю

Органы БЧК — КГБ под руководством Коммунистической партпи внесли достойный вклад в защиту завоеваний революции. С первых дней в основу их деятельности были положены ленинские положения о неразрывной и тесной связи с массами, строгом соблюдении социалистической законности. Этими положениями они руководствуются и сегодня, в условиях становления правового государства, давая решительный отпор попыткам определенных кругов Запада помешать реализации курса КПСС на ускорение социально-экономического развития и дальнейшую демократизацию советского общества, извратить характер революционных преобразований.

Свой вклад в решение задач по обеспечению государственной безопасности страны внесли и луганские чекисты, вписавшие немало ярких страниц в историю органов ВЧК-КГБ. Об этом и идет речь в очерках. В их основе подлинные события и факты, повествующие об участии луганских чекистов в борьбе против контрреволюции, политического бандитизма, происков иностранных разведок, о разоблачении и обезвреживании военных преступников и предателей Родины.

Время действий — 20-е годы, предвоенный период, Великая Отечественная война и послевоенные годы, место — Луганщина, западные области Украины, Германия, Польша, Болгария.

На Луганщине чекистские органы были сформированы в январе 1919 года после освобождения Красной Армией ее северных и восточных районов от белоказачьих войск генерала Краснова. В этот период их возглавил участник обороны Луганска, герой гражданской войны большевик Федор Романович Якубовский, в числе первых награжденный орденом Красного Знамени.

В 1920–1925 годах деятельность чекистов была направлена на пресечение подрывной работы вражеских разведок и белоэмигрантских антисоветских организаций, на борьбу с контрреволюционными заговорами и восстаниями, ликвидацию бандитизма. Был обезврежен ряд махновских приспешников, возвращены государству награбленные ими ценности.

Назначенный в 1921 году председателем Старобельской уездной ЧК легендарный Дмитрий Николаевич Медведев организовал операции по ликвидации контрреволюционных вооруженных банд Камешоки, Саенко, Маруси и Гавраша, за что коллегией ВУЧК был награжден золотыми часами.

В 20 — начале 30-х годов чекисты Луганского и

Старобельского округов провели значительную работу по пресечению антисоветской деятельности контрреволюционных элементов, пытавшихся сорвать экономическое возрождение районов области.

Отвечая на вопросы читателей республиканской «Рабочей газеты»,[1] председатель КГБ УССР Н. М. Голушко, касаясь трагического времени незаконных репрессий, отметил, что в тридцатые годы методы, диктуемые периодом борьбы с враждебным сопротивлением эксплуататорских классов, были механически перенесены на период мирного строительства, когда условия изменились кардинально. Отсутствие должного уровня демократизации и контроля сделало возможными нарушение законности, произвол и тяжелые преступления на почве злоупотребления властью.

Борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок и враждебных элементов была бы в то время намного эффективней, если бы работа органов государственной безопасности не была скована нарушениями законности, репрессиями в отношении большого числа их сотрудников.[2]

Не была исключением обстановка в органах госбезопасности и на территории нынешней Ворошиловградской области.

Лучшая часть чекистских кадров требовала наведения порядка, соблюдения норм советского законодательства в оперативной и следственной работе. Однако такие обращения к руководству УНКВД оказались бесполезными и опасными, целый ряд заслуженных работников управления были репрессированы по ложным обвинениям в измене Родине, повстанческой деятельности, обвинены в саботаже и вредительстве.

В годы Великой Отечественной войны, действуя под руководством партийных органов, чекисты Ворошиловградчины обезвредили около трехсот различных вражеских групп и 23 фашистские резидентуры, сорвали все их попытки совершить на территории области диверсионные и вредительские акть дезорганизовать работу тыла, способствовали демонтажу и эвакуации оборудования и запасов угля. Оставляя город последними, обеспечили вывод из строя промышленных объектов что лишило противника возможности воспользоваться донецким углем и другой промышленной продукцией. В пригороде Ворошиловграда в спецшколе НКВД чекисты готовили командиров партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп, разведчиков и радистов для борьбы с врагом в его тылу. Здесь прошла подготовку известная всему миру член штаба комсомольского подполья «Молодая гвардия», Герой Советского Союза Любовь Шевцова. В июле 1942 года она

была оставлена в оккупированном Ворошиловграде в составе разведывательно-диверсионной группы «Буря» в качестве разведчицы-радистки.

После освобождения области чекистами проделана большая работа по поиску и разоблачению фашистской агентуры, а также лиц, виновных в гибели подпольной организации «Молодая гвардия». Были разысканы предатели Кулешов, Громов, Почепцов, Мельников и другие, которые понесли заслуженное наказание.

В послевоенный период многие сотрудники управления принимали участие в борьбе с бандоуновским подпольем в западных областях Украины, выполняли свой интернациональный долг в Польше, Болгарии, Германии.

Как в первые мирные годы, так и в последующий период борьба с происками империалистических разведок, идеологическими диверсиями антисоветских центров Запада, розыск военных преступников заняли главное место в деятельности органов государственной безопасности.

Двенадцать сотрудников Управления КГБ стали почетными сотрудниками органов государственной безопасности, а И. А. Машков удостоен высокого звания Героя Советского Союза, 228 чекистов награждены боевыми и трудовыми наградами.

За прошедшее семидесятилетие сменилось не одно поколение чекистов Ворошшговградчиины. Но неизменно сохранялись и приумножались завещанные рыцарем революции Ф.Д. Дзержинским верность партии и пароду, глубокая коммунистическая убежденность, моральная чистота.

УКГБ проводится целенаправленная работа по поиску и осуществлению новых решений в практике оказания помощи партийным и советским органам в претворении в жизнь политики перестройки, выполнению оборонных и народно-озяиственных задач, в пропагандистских мероприятиях по усилению интернационального и патриотического воспитания молодежи. ˆОдновременно чекисты области ведут перестройку и в своей практической деятельности.

Доверие трудящихся к деятельности сотрудников Управления КГБ придает силы и уверенность в том, что чекисты Ворошиловградчины надежно выполнят возложенные на них обязанности, вместе со всем народом претворяя в жизнь решения XXVII съезда и XIX партконференции КПСС.

Н. М. Шама,
начальник Управления КГБ УССР
по Ворошиловградской области.

ТЕОДОР ГЛАДКОВ СОТРУДНИК ЧК (Главы из повести)

Имя Д. Н. Медведева (1898–1954 гг.) — коммуниста, чекиста, выдающегося партизанского вожака Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза — еще при жизни стало легендой. Выходец из рабочей среды, Дмитрий Николаевич юношей активно участвовал в революционной борьбе, сражался на фронтах гражданской войны. 18 мая 1920 года он написал два заявления, определивших всю дальнейшую его судьбу: о зачислении в органы ВЧК и о приеме в ряды РКП(б). К моменту событий, о которых пойдет речь, Д. Н. Медведев, несмотря на молодость, был уже закаленным, проверенным в деле партийцем и чекистом, заместителем начальника особого отдела и членом коллегии Брянской ЧК.

…Завершилась война с белополяками. В третью годовщину Октября Красная Армия овладела Перекопом, а затем очистила от врангелевцев Крым. Но чекисты передышки пе получили. Уходя, белые и интервенты оставляли свою законспирированную агентуру, которая занималась шпионажем, устраивала диверсии, акты террора. Бывшие эксплуататорские классы перешли при поддержке реакционных кругов Запада к тайной войне против Советской власти.

В эмиграции оказались сотни тысяч бывших царских сановников, помещиков, заводчиков, чиновников, офицеров. В Париже, Берлине, Белграде, других столицах создавались организации, всем смыслом которых была подготовка нового крестового похода против Страны Советов. Они тесно сотрудничали со спецслужбами империалистических держав, поставляли им кадры шпионов и диверсантов.

Требовалось усилить, укрепить органы государственной безопасности. Партия и правительство предприняли для этого ряд мер. Одной из них стало изменение статуса сотрудников ЧК. До сих пор чекисты считались обычными гражданскими служащими. В качестве таковых они, например, могли на общих основаниях призываться в Красную Армию. Было признано, что такое положение мешает обеспечению государственной безопасности, и 17 сентября 1920 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Труда и Обороны, по которому сотрудники ЧК

приравнивались во всех правах и обязанностях к военнослужащим РККА. 24 октября руководство ВЧК в этой связи указало: «Работа ЧК отныне рассматривается как выполнение боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте».

…Осенью 1920 года в крайне тяжелом положении оказались чекистские органы Украины. Не хватало надежных, опытных кадров. Руководство УССР обратилось к правительству РСФСР с просьбой помочь укрепить органы безопасности республики проверенными и надежными товарищами. Призыв встретил понимание. По согласованию правительств двух братских республик начальником Центрального управления чрезвычайных комиссий Украины (Цупчрезкома) был назначен один из руководителей Московской ЧК В. II. Манцев.

Сотни чекистов из разных губерний России выразили желапие отправиться на работу в чрезвычайные комиссии Украины. Среди добровольцев был и ответственный сотрудник Брянской ЧК Дмитрий Медведев. Его заявление было удовлетворено. Через несколько дней Медведев и его сослуживцы Петрагнис и Померанцев выехали в Харьков.

Здесь Дмитрий получил назначение: Донбасс, Донгубчека…

…К запорошеппому снегом дощатому перрону Бахмутского вокзала харьковский поезд прибыл ранним утром. Ополоснув лицо тепловатой водой из фляжки (в вагонном титане не то что горячей — и холодной не было ни капли), Медведев съел яблоко, единственное, что оставалось у него из еды после долгой, хотя и недлинной, если мерить на версты, дороги, вдел в рукава долгополую кавалерийскую шинель, натянул на лоб фуражку, поправил голенища сапог, которые благоразумно на ночь не снимал, и вышел из вагона.

Было еще совсем темно, единственный тускло желтеющий во мгле фонарь не в силах был осветить что-либо, кроме тумбы. Народ, невзирая на ранний час, толкался на площади. Уже который год вокзалы и станции являлись больше даже, чем базары и рынки, центрами жизни десятков и сотен таких вот провинциальных городков, разбросанных по необозримым просторам бывшей Российской империи.

Что знал он прежде о Бахмуте?[3] Пожалуй, что ничего.

Пролетарскую улицу долго разыскивать не пришлось, как туда пройти, толково указал первый же встречный. Что что, а где располагается Донгубчека, привокзальная публика знала. Закинув за плечи тощий вещмешок, из тех, что давно уже заменили канувшие в небытие солдатские ранцы и получили неизвестно почему наименование «сидор», Дмитрий зашагал в указанном направлении.

Пройдя два-три квартала, приметил, что в одну с ним сторону топают еще несколько человек, все одного с ним примерно возраста. Двое были в потрепанной военной форме, один в матросском бушлате, но в лохматой папахе, еще один в гражданском. И у каждого за плечами точно такой же полупустой сидор, как и у него. Только матрос нес в руке фанерный сундучок с круглой фанерной же дверкой на проволочной петельке сбоку.

К длинному двухэтажному дому на Пролетарской улице они подошли почти разом и один за другим шагнули в дверь, прикрытую треугольным железным козырьком. Видать, не один Дмитрий Медведев прибыл этим промозглым утром в распоряжение Донецкой губчека, переведенной сюда, в бывший уездный город Бахмут, вместе с другими губернскими учреждениями из Луганска в силу сложившихся в Донбассе чрезвычайных обстоятельств.

Только очутившись внутри здания, Медведев понял, что донецкие чекисты вовсе не так уж беспечны, как это могло ему показаться, поскольку часовой у подъезда их и не думал останавливать. Все подходы к дому отлично просматривались из комнат, примыкавших к прихожей, свет в которых по ночам специально не зажигали. Барьер сразу за дверью был устроен так, что ворваться в здание с ходу было невозможно, равно как невозможно было сразу разглядеть и дежурного. Его пост так располагался, что вошедший обязательно оказывался к нему несколько сзади и правым боком. Чуть дальше находился второй постовой, который мог хорошо видеть входящих уже в лицо.

Проверив документы приезжих, комендант Донгубчека провел их в просторную комнату, посреди которой стоял большой стол и десяток разнокалиберных стульев, зажег двенадцатидлинейную керосиновую лампу, сработанную в виде мрачного Мефистофеля со светильником во лбу. Потом комендант прннес едва не ведерный жестяной чайник с кипятком и чуть поменьше — с морковной заваркой. Поставив чайники на стол, извлек из нагрудного кармана тяжелые часы на массивной цепочке, какие носили когда-то железнодорожные кондукторы, щелкнул тугой крышкой и зычно объявил:

— Заправляйтесь чаем, грейтесь. Председатель прибудет через сорок минут. Хлеба, не взыщите, нема. Пайки получите днем.

Наскоро перезнакомившись, вновь прибывшие чекисты вывалили на стол что у кого нашлось, позавтракали. Нацедив остатки кипятка, Медведев успел и побриться. Едва он убрал в мешок бритвенный прибор, как в комнату вошел крупный и грузный человек с темной бородкой-эспаньолкой на несколько

одутловатом лице. Поднеся крупную ладонь к козырьку кожаной фуражки, он прогудел глуховато:

— Здравствуйте, товарищи. — Затем, подумав, добавил: — Моя фамилия Карлсон, и я есть председатель Донгубчека.

Это и был знаменитый Карл Мартынович Карлсон (Огриетис), член РКП (б) с 1905 года, бывший рабочий-печатник и профессиональный революционер. Впрочем, старому большевику было в ту пору всего-навсею тридцать три года. Не один Медведев прибавлял Карлсону на глаз добрых два десятка. Такие уж тридцать три выпали на долю этого человека, что выглядел он действительно много старше.

Карлсон обменялся с каждым крепким, грубоватым рукопожатием, предложил всем сесть. Обвел чекистов тяжелым темным взглядом и спросил негромко, с явственным прибалтийским акцентом:

— Вы знаете, почему вас сюда прислали?

Кто-то поспешил ответить:

— Продолжать службу.

Карлсон отрицательно покачал головой.

— Вы ответили на другой вопрос — для чего. А я спросил — почему. — И сам же себе ответил, жестко, словно вырубая каждое слово: — Потому что Советская власть на пороге топливной катастрофы. То, чего не добились ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель, может случиться из-за того, что Донбасс, Всероссийская кочегарка, вот-вот сожжет, если уже не сжег, чтобы вскипятить этот чайник, — он ткнул в сторону стола толстым пальцем, — последний фунт угля.

Карлсон помолчал, потом продолжил:

— Конечно, рабочий класс Донбасса этого не допустит. Он выполнит свой долг перед страной. Ну а мы, чекисты, ие должны допустить, чтобы ему в этом помешали наши враги. Вот почему партия послала вас в Донбасс. А не просто продолжать службу.

В словах Карлсона не было, к сожалению, и грана преувеличения. Да, положение с каменным углем, основным тогда видом промышленного топлива, соответствовало словам председателя Донгубчека, и очень скоро Дмитрий Медведев получил возможность в том убедиться лично.

В те самые дни, последние дни уходящего 1920 года, когда VIII Всероссийский съезд Советов, собравшийся в давно не топленном огромном зале Большого театра в Москве, обсуждал, а затем и принимал фантастический, по мнению западного мира, план ГОЭЛРО, который В. И. Ленин полагал второй программой партии, советские республики буквально замерзали. Герберт Уэллс назвал свою знаменитую книгу «Россия во мгле».

Из-за отсутствия топлива в первую очередь, а также сырья, продовольствия, квалифицированной рабочей силы стояли заводы, фабрики, не отапливались жилые дома, школы, учреждения. Часть шахт Донецкого бассейна была взорвана или затоплена. Из общего числа 1816 выдавали на-гора уголек, да и то не в полную мощность и низкого качества, менее половины. Что же касается металлургических предприятий, то лишь на Петровском (Енакиевском) заводе еле-еле выплавляла чугун одна-единственная доменная печь.

Чтобы не помереть с голоду, многие шахтеры разбрелись по селам, где все-таки прожить было легче. Да и две войны унесли многие тысячи коногонов, забойщиков, крепильщиков.

С горечью заметил в эти дни В. И. Ленин: Донецкий бассейн подвергнут такому разорению, о котором мы не имеем и понятия. Правительство приняло крайнее решение: срочно для покрытия самых насущных нужд закупить за границей на золото 18,5 миллиона пудов угля.

Стране требовалось, чтобы Донбасс увеличил угледобычу по крайней мере вдвое, а пока что больше половины от того количества, что, невзирая на трудности, все же добывалось, разворовывалось.

В одной из чекистских сводок той поры сказано: «С приближением холодов стало увеличиваться и хищение угля. На шахтах и на складочных местах, погрузочных пунктах и на жел. дороге таковое хищение, безусловно, чем дальше будет возрастать. Беда в том, что имеющиеся в Донбассе части для борьбы с хищением и охраны угля не могут быть привлечены… за отсутствием обмундирования. Ощущаемый недостаток в обмундировании столь велик, что явствует из нижеследующего характерного обстоятельства: когда потребовался батальон для продработы, то из целой бригады удалось выделить 180 человек мало-мальски одетых. Все остальные разуты и голые. Если не будут приняты срочные меры в смысле снабжения обмундированием, то положение в отношении борьбы с хищением станет критическим. Группой по борьбе с хищением угля и соли за отчетный месяц конфисковано соли 3665 пудов, мешков 600, арестовано спекулянтов 124 чел.».

Карлсон рассказал чекистам, что совсем недавно по постановлению ЦК в Донбасс дважды приезжал Дзержинский. 4 февраля 1921 года он лично провел здесь, в Бахмуте, совещание с сотрудниками Донгубчека. В Донбасс потянулись из ближних и дальних губерний эшелоны с продовольствием, теплой одеждой, строительными материалами, техническим оборудованием. Из Красной Армии откомандировывались командиры и бойцы,

владеющие шахтерскими профессиями.

— Сообщаю вам, — сказал в завершение первой беседы Карлсон, — что решением Совета Труда и Обороны борьба с хищением донецкого минерального топлива возложена на органы ВЧК. Перевозки угля приравнены к перевозкам военных грузов. Эшелоны с топливом будет сопровождать вооруженная охрана…

В тот же день все новые сотрудники ознакомились с соответствующим приказом по Донгубчека, в котором, в частности, говорилось: «Безудержное хищение минерального топлива, столь необходимого для промышленности и транспорта, должно быть искоренено самыми решительными мерами, диктуемыми революционной необходимостью, без всяких колебаний…»

…Итак, меры, и энергичные, для восстановления работы шахт и металлургических предприятий Донбасса, облегчения невыносимо тяжкого материального и бытового положения шахтеров и их семей предпринимались. По этому активно и эффективно препятствовали многочисленные и сильные банды, бесчинствовавшие на территории края. Бандитизм…

После освобождения Крыма и фактического завершения гражданской войны на европейской территории страны в очередной раз изменил Советской власти Махно. Мариупольские чекисты установили, что 24 ноября 1920 года батька отдал по своей армии секретный приказ возобновить борьбу с Красной Армией и в первую очередь захватить важные в стратегическом отношении населенные пункты Синельниково, Павлоград, Юзовку, Гришино.

При всей авантюристичности этого плана предательские действия атамана могли причинить много бед. И Цупчрезком принял постановление: «Исходя из нарушения Махно соглашения немедленно под личную ответственность председателей губчека провести обыски и арестовать махновцев-анархистов».

В ночь па 26 ноября в разных местах было арестовано 346 видных анархистов. И все же Махно удалось вторгнуться в пределы Донбасса. Началась затяжная и изнурительная борьба чекистов и частей Красной Армии по окончательной ликвидации махновщины, участвовать в которой пришлось и Дмитрию Медведеву.

Батька метался. Ненависть и страх, надежда и отчаяние гнали его редеющие с каждым днем банды от села к селу, из уезда в уезд. Его люди превратились в обыкновенных бандитов люто ненавидящих Советскую власть. Всюду за ними тянулся густой кровавый след. Врываясь в населенные пункты махновцы устраивали кровавые бойни, убивали не только коммунистов,

советских работников, членов комитетов незаможных (бедноты), но и их семьи. Берегли патроны, а потому захваченных рубили шашками и топорами, сжигали заживо в избах.

Появление в Донбассе махновцев оживило и деятельность банд местного происхождения. Части Красной Армии вместе с чоновцами не давали бандитам передышки ни днем ни ночью.

В январе 1921 года Махно появился на севере губернии, в Бахмутском и Славянском уездах. 29 января Бахмут был даже объявлен на осадном положении. При попытке перейти железную дорогу у станции Переездная (дата и место перехода были своевременно установлены чекистами) Махно понес большие потери, бросил обоз с ранеными и ушел на юг, к Азовскому морю.

Еще несколько месяцев словно загнанный зверь будет метаться Махно по юго-западу Украины, с каждым днем теряя силы. Общеукраинская амнистия, объявленная в марте 1921 года, отмена продразверстки и замена ее твердым продналогом, новый декрет о земле, позволивший деревенской бедноте проводить передел кулацких угодий, оторвали от пего многих заблуждающихся и раскаивающихся, а то и просто уставших от многолетнего кровопролития крестьян. В конце концов в августе с горсткой приближенных — таких останется всего 77 человек — Махно уйдет за Днестр, в королевско-боярскую Румынию, чтобы еще много лет влачить на чужбине жалкое существование…

В такое тяжелое время начал службу в Донгубчека Дмитрий Медведев, определенный Карлсоном уполномоченным в особый отдел. В боевую работу ему пришлось включиться едва ли не на следующий день. Именно боевую — схватки чекистов с хорошо вооруженными, подвижными бандами следовали одна за другой.

Должность уполномоченного особого отдела была ниже той, которую Дмитрий занимал в Брянске. Впрочем, Карлсон приглядывался к новому особисту не так уж долго. Уже 19 марта его вызвали к председателю, и тот без лишних предисловии ознакомил его со своим очередным приказом по Донгубчека. Под параграфом 2 было лаконично записано: «Председателем Старобельской УЧК назначается тов. Медведев».

Крохотная примета времени: в ту пору в разного рода фициальных документах почему-то не принято было указывать ни имени, ни даже инициалов. Просто фамилии. Так мы и знаем сегодня некоторых самых давних сослуживцев Медведева лишь по фамилиям, без имен и отчеств.

В городе Старобельске и Старобельском уезде (из числа самых крупных в губернии) сложилась чрезвычайно опасная обстановка. Крупные и мелкие банды различного происхождения и численности буквально терроризировали уезд. В одном из

военных донесений той поры прямо указывалось: «Советская власть существует здесь лишь вдоль линии железной дороги на расстоянии орудийного выстрела из бронепоезда». А вот выдержка из чекистской оперативной сводки: «В Старобельском уезде в течение месяца рост бандитизма как местного значения, так и организованных банд, увеличился, вследствие чего Советская власть в уезде почти не существует».

Не встречая должного организованного сопротивления, бандиты наглели с каждым днем, 5 марта в Старобельске одна из банд совершила дерзкое нападение на съезд комнезамов, в числе убитых были председатель ревкома Зайко и председатель комнезама Скачко.

Самой серьезной из всех действовавших на территории уезда, а точнее — всего севера губернии была банда некоего Каменюки, выдававшего себя за идейного анархиста, а на самом деле лишь прикрывавшегося лозунгами махновского толка. У Каменюки был многочисленный отряд, он располагал большим количеством пулеметов и несколькими орудиями. Каменюка знал толк в военном деле, был решителен, дерзок, хорошо изучил местность, имел своих лазутчиков во многих селах, обладал звериным чутьем на опасность и такой же изворотливостью, что помогало ему не раз выходить из, казалось бы, безнадежных положений.

Следует разъяснить, что в описываемый период чрезвычайные комиссии в уездах на Украине были упразднены — в виду отсутствия достаточного количества подготовленных работников. Их заменили так называемые политбюро, входившие на автономных началах в милицию. Уездные ЧК были сохранены только в немногих, особо важных центрах, к примеру в Мариуполе. Руководили УЧК поэтому всегда известные работники, часто направленные на свой пост с достаточно высоких должностей в аппарате губчека.

Учитывая особое значение Старобельска в губернии и всю серьезность положения в нем, Цупчрезком Украины отдал распоряжение учредить в этом городе вместо политбюро уездную чрезвычайную комиссию, причем прежний руководитель был из уезда отозван.

Карлсон оказался в трудном положении, когда ему необходимо было срочно подобрать председателя вновь учрежденной УЧК. Самый сильный, пожалуй, его сотрудник — будущий краснознаменец (так в те годы называли кавалеров ордена Красного Знамени) Дмитрий Патрушев уже работал, и очень успешно, в не менее серьезном, нежели Старобельск, центре — Мариуполе. Между тем дело не ждало. И тут Карлсон пошел на известный риск — решил назначить председателем УЧК в

Старобельск одного из новых в аппарате, то есть фактически мало известного ему человека.

За назначение Медведева был его почти годичный опыт работы в Брянской ЧК, причем даже в составе коллегии, пребывание в Красной Армии и участие в боях, партийность. Наконец, уже здесь, в Бахмуте, Медведев, по словам начальника особого отдела Островского, при ликвидации бандгруппы проявил себя с самой лучшей стороны. Чувствовались в нем и хватка, и собранность, и хорошая школа. Наконец, Карлсону был известен и такой случай…

Прибыв из Брянска в Харьков, Дмитрий Николаевич и два его спутника вынуждены были две недели из-за отсутствия жилья ютиться на вокзале. При этом они столкнулись с рядом серьезных недостатков со стороны и железнодорожного начальства, и здешнего отделения транспортной ЧК. Кончилось все тем, что Медведев написал письмо в более чем резких выражениях на имя начальника Цупчрезкома Украины В. Н. Манцева. Письмо было признано, хотя, быть может, излишне запальчивым, но, по существу, правильным и справедливым, по нему незамедлительно приняли крутые меры. Обо всем этом Карлсон слышал от самого Манцева.

Такой шаг не мог не импонировать Карлу Мартыновичу. Он ценил и уважал людей, обладающих достаточным гражданским мужеством, чтобы честно высказать начальству правду в глаза, какой бы неприятной она ни была. Примечательно, что дальнейшие отношения Медведева с Карлсоном складывались отнюдь не самым безоблачным образом. Однажды Дмитрий Николаевич с резкими критическими замечаниями обрушился и на Карлсона. Однако никогда Карл Мартынович не пожалел о своем выборе, когда выдвинул двадцатидвухлетнего Дмитрия Медведева в число ответственных работников украинской ЧК. Кстати, постановлением ВУЦИК от 30 марта 1921 года после значительного укрепления органов государственной безопасности республики вместо Цупчрезкома была воссоздана, но уже в новом качестве, Всеукраинская чрезвычайная комиссия. Председателем ВУЧК был назначен Василий Николаевич Манцев, его заместителями — Ефим Георгиевич Евдокимов и Карл Мартынович Карлсон…

Прочитав приказ о своем новом назначении, Медведев растерялся. Даже в самых смелых предложениях Дмитрий никак не думал, что руководство пошлет его на столь ответственную работу. И он честно заявил Карлсону, что не считает еще себя готовым к должности председателя уездной ЧК. Карлсон внимательно посмотрел Медведеву в глаза и, словно не слыша

его слов, глухим голосом сказал:

— Неделю назад Каменюка ворвался в Старобельск. Триста сабель при восьми пулеметах… Банда бесчинствовала в городе два часа. В числе убитых секретарь уездного комитета партии Петр Нехороший и наш сотрудник Вишневский. Цель налета ясна — Каменюка решил поднять свой бандитский престиж и продемонстрировать свою неуязвимость. Ваша задача как председателя УЧК?

— В кратчайший срок ликвидировать банду Каменюки, — четко, не раздумывая, ответил Медведев.

— Правильно. Теперь о деле…

Беседа председателя Донгубчека с Медведевым продолжалась долго.

— Имей в виду, сейчас весна — самое благоприятное время года развития банд, — говорил Карл Мартынович, расхаживая по тесноватому для его крупной фигуры кабинетику. — Поэтому от тебя потребуется полная мобилизация всех здоровых сил уезда. Необходимо самым решительным образом ликвидировать все очаги бандитизма в тех местностях, которые им заражены. И в первую очередь там, где разрушен советский аппарат. Есть решение партийной организации мобилизовать на борьбу с бандитизмом каждого второго коммуниста. На них и опирайся в первую очередь. И еще: не зная броду, не суйся в воду. Помни, что ты чекист. Ставь широкую разведку. Для этого в первую очередь привлекай честнейших и безусловио преданных Советской власти членов комнезаможа. Через них собирай и анализируй сведения о лицах, поддерживающих бандитов…

С таким напутствием и отправился Медведев в Старобельск.

До революции это был не очень крупный, но достаточно известный в России торговый город на реке Айдар. Когда-то здесь ежегодно устраивалось пять ярмарок, на которые съезжались купцы из Москвы, Харькова, Белгорода, Воронежа и других мест. В огромном количестве — до миллиона пудов зерна и муки в год — вывозили отсюда отменную пшеницу-арнаутку. В городе была и кое-какая промышленность: пятиэтажная вальцовая мельница, пивоваренный завод, большие склады бензина и керосина, некогда принадлежавшие «бр. Нобель», мыловаренное предприятие и множество лавок и лабазов. Из достопримечательностей — лишь дом, в котором прошли детские годы известного писателя В. М. Гаршина.

Людей, мягко говоря, не симпатизирующих Советской власти, и в городе, и в окрестных селах хватало. Они-то и составляли опору свирепствовавшего в уезде бандитизма. Однако куда более волновало нового председателя УЧК другое: как найти в этом,

тогда обывательском городе, изведавшем все беды гражданской войны, терроризованном бандитами, таких людей, которые, презирая угрозу смерти, стали бы его опорой и надежными помощниками?

Такие люди, конечно, в уезде были. О том свидетельствовали факты. Так, в отчаянный, неравный бой с бандой Каменюки вступил комсомольский чоновский отряд, которым командовал начальник уездной милиции И. Лысенко. В живых от всего отряда осталось лишь пять израненных бойцов. Неужели же он, Дмитрий Медведев, не найдет путей к таким людям, без помощи которых не выполнить ему приказа партии и ЧК?

Познакомившись с сотрудниками Старобельской УЧК, Медведев направился в уком партии. Здесь его встретил неожиданно молодой паренек, явно моложе его, Медведева.

— Звенягин, Авраам, — представился он, крепко пожимая руку. — Садись, рассказывай, кури. — Секретарь укома придвинул гостю пачку моршанской махорки.

Авраамию Павловичу Звенягину[4] было в ту пору всего двадцать лет, но партийный стаж его исчислялся с 1917 года, и в губернии он считался работником опытным и сильным. Дмитрий понял, что секретаря укома сейчас интересуют не факты его биографии, а первые шаги на посту председателя УЧК.

— Самые пораженные бандитизмом места уезда, — начал Медведев свой доклад, — это Белокуракино, Новый Айдар, Беловодск, Мостки. Там я решил создать опорные участки, их возглавят уполномоченные УЧК. Они должны наладить связи с населением, подобрать себе помощников, в первую очередь из бедняков, демобилизованных красноармейцев. Партийцы и комсомольцы должны поддержать их.

— Поддержат, — кивнул головой Звенягин и черкнул что-то карандашиком в своем блокноте. — Что дальше?

А дальше самая работа только и начнется. Нам известно, что атаманы скрывают от своих людей документы об амнистии, замене продразверстки налогом, изменениях в земельном законодательстве.

И правильно делают, — откликнулся Звенягин. — Если рядовые бандиты и дезертиры, попавшие в банды по малосознательности, узнают о новых декретах, они порвут с контрреволюцией и вернутся домой.

— Точно. Значит, нужно распространить эти документы в первую очередь в тех селах, откуда крестьяне пошли в банды.

Звенягин одобрил и эту меру. Порекомендовал Медведеву людей, которые в больших и малых селах могли оказать чекистам помощь. Потом задал вопрос, который, как понял Дмитрий,

интересовал его особо:

— Когда намерен ликвидировать Каменюку? После того, что он тут натворил, люди утратили в нас веру…

Медведев помрачнел. Он понял, что имеет в виду Звенягин.

— Каменюка нам пока не по силам. Только потери понесем. Без разведки и подготовки его не уничтожить. На это нужно время.

Авраамий посуровел:

— Значит, будешь выжидать?

Дмитрий предвидел этот вопрос и был готов ответить на него:

— Ни в коем случае! К очистке уезда приступаю немедленно. Уничтожив мелкие банды, мы лишим Каменюку его баз, заручимся широкой поддержкой населения, завяжем связи. Политические меры начнут приносить свои плоды. А Каменюку разобьем, как только окрепнем, непременно разобьем!

Начал Медведев с широкого разъяснения крестьянам политики партии большевиков и Советской власти в земельном вопросе, и не только земельном. В селах, откуда, как он знал, особенно много людей подалось в банды, он выступал на сходках сам. Однажды уполномоченный УЧК предупредил Медведева, что на сходке, по его сведениям, будут присутствовать среди крестьян трое или четверо «из леса».

— Может, снимем их, товарищ председатель? — предложил он.

— Не нужно, — отказался Дмитрий Николаевич. — Пусть послушают. А там, глядишь, они своим расскажут, о чем говорилось на сходе. Может, кто и задумается, явится с повинной…

В ряде случаев Медведеву действительно удавалось обойтись без кровопролития. Так случилось с Гавришем. Дмитрию Николаевичу при посредничестве надежного помощника удалось убедить этого атамана в бессмысленности борьбы с Советской властью. Гавриш добровольно сдал свою банду без сопротивления. Но чаще приходилось неделями гоняться за бандами по лесам, выявлять их стоянки, опорные базы, связи в селах…

С годами у Медведева выработается и четко сформулируется твердое правило: «Если ошибок делать нельзя, их нельзя делать ни при каких обстоятельствах». Забвение этого чревато для чекиста самыми серьезными последствиями, вплоть до гибели.

И еще одного правила будет придерживаться всю жизнь чекист Дмитрий Медведев: не преувеличивать своих заслуг, тем более не выдумывать несуществующих… На Украине он

ознакомится с приказом руководителя украинских чекистов В. Н. Манцева и запомнит его на всю жизнь: «Задача чрезвычайных комиссий, особых отделов заключается в борьбе с врагами революции, решительной расправе с ними, но отнюдь не в создании „врагов революции“ там, где их нет. Горе тому чекисту, особисту, который станет на этот путь…»

Создание опорных пунктов полностью себя оправдало. Уже к концу апреля Дмитрий Николаевич мог с уверенностью сказать, что обладает достоверной информацией о бандах, существующих в Старобельском уезде, да и в сопредельных тоже. Как-то он получил донесение уполномоченного УЧК по Беловодскому району о том, что, по сведениям, полученным от верных людей в комнезаможе, здесь действует хорошо законспирированная контрреволюционная организация, поддерживающая тесные связи с бандами и обеспечивающая их всем необходимым.

Изучив полученную информацию, Медведев с тремя сотрудниками выехал на место, лично встретился в обстановке полной секретности с одним членом организации, давно тяготившимся своей преступной деятельностью, установил тщательное наблюдение за всеми активными заговорщиками и в одну ночь их арестовал. При допросе задержанных он установил, в частности, что патроны бандиты получали от своих сообщников на Луганском патронном заводе. Эти лица были выявлены и обезврежены уже луганскими чекистами.

Перед отъездом в Старобельск Медведев получил разрешение сформировать при УЧК роту с кавалерийским взводом. Но где взять бойцов? Все взвесив, Дмитрий Николаевич объявил набор добровольцев. Кое-кто даже из чекистов сомневался, что из этого что-нибудь получится. Ну кому еще после семи лет империалистической и гражданской захочется воевать? Однако через несколько дней в распоряжении Медведева было сорок пеших и семеро конных бойцов. Мало, конечно, но для начала неплохо.

Первой успешной боевой операцией стала для Медведева в Старобельске ликвидация банды Тяпкина, которая насчитывала около сорока человек. Дмитрию Николаевичу удалось под видом дезертира внедрить в эту банду своего сотрудника. Использовав поступившую от него своевременную информацию Медведев с отрядом чоновцев навязал банде бой в невыгодных для нее условиях — у реки, где не было путей к отступлению или бегству. Почти все бандиты, в том числе и главарь Тяпкин, были перебиты.

Эта первая победа имела одно важное и вполне объяснимое в местных условиях последствие: резко возрос приток добровольцев

в чекистский отряд. Дмитрий Николаевич принял в него даже нескольких явившихся с повинной рядовых бандитов, оказавших уже ему помощь и выразивших желание искупить свою вину перед народом. Теперь отряд стал настоящей полнокровной ротой из трех взводов, при нескольких пулеметах, отбитых у банд. Это была серьезная сила, с нею удалось быстро ликвидировать несколько средних банд и обеспечить безопасность уездного города от налетов.

Затем Медведев получил информацию о точном местопребывании крупной — в несколько сот сабель — банды, состоящей в основном из злостных дезертиров. Уничтожить ее силами одной роты было, конечно, невозможно. Правда, банда вела себя довольно пассивно, явно избегала открытых столкновений, налеты на села совершала большей частью в целях захвата провизии. Обдумав информацию, Дмитрий Николаевич пришел к выводу, что, по-видимому, у банды нет сильного главаря. Исходя из этого, он и составил план ее ликвидации.

Одним из добровольных помощников Медведева в Старобельско был высокий, очень худой мужчина средних лет с необычной фамилией Басня. В прошлом сельский учитель, он в годы мировой войны дослужился до штабс-капитана, еще до революции демобилизовался по тяжелому ранению. Басня обладал от природы поразительным обаянием и редкими организаторскими способностями.

Несколько ночей Медведев и Басня готовились в обстановке строгой конспирации к операции. Потом Басня исчез из города… А вскоре произошло почти невероятное. Действуя в точном соответствии с инструкцией Медведева, Басня внедрился в банду и, опираясь на группу быстро выявленных им людей, проявивших благоразумие, за четыре дня убедил бандитов в необходимости добровольной сдачи Советской власти. На пятые сутки Басня привел банду в почти полном составе — свыше трехсот пятидесяти вооруженных людей! — сдаваться. Места во дворе для всех не хватило, и участники банды, теперь уже бывшей, терпеливо и спокойно ждали своей очереди, чтобы сложить оружие…

Подобное внедрение чекистов в банды (а только так и можно было их ликвидировать с наименьшими потерями и в кратчайшие сроки) всегда было связано со смертельным риском. То была кропотливая работа, в которой не существовало мелочей и второстепенных деталей, потому что малейшая неточность, пустяковый просчет грозили гибелью чекисту и провалом операции в целом. На такие задания шли самые отчаянные смельчаки, и действовать им приходилось на самом краю

мучительной гибели. Впрочем, одной смелости для достижения успеха недоставало. От чекистов требовались и выдержка, и находчивость, и умение мгновенно принимать единственно верное решение, и актерский талант. Чего стоило одно только поддержание личной или безконтактной связи с Медведевым или уполномоченным УЧК в условленном месте, когда, как правило, подозрительные до предела атаманы*т* не доверяя никому и ни в чем, устанавливали в своих бандах круглосуточную слежку каждого за каждым, особенно за новичками.

Был тяжелый случай, когда бандиты сумели раскрыть одного из таких добровольных помощников Медведева, местного комсомольца-чоновца. Обезображенный труп Миши со вспоротым животом, отрезанными ушами и языком, выколотыми глазами был обнаружен в лесу. Рядом с телом стояли обутые в залитые кровью солдатские башмаки-«австрияки» обрубленные ступни… И все же бандиты не ушли от расплаты за свое злодейство. Сведения, которые успел перед гибелью передать герой, помогли ликвидировать и эту банду.

Неделю Медведев не мог спать: стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором вставала страшная картина гибели чекиста…

Шло время. За несколько месяцев под руководством и при непосредственном участии Дмитрия Медведева в Старобельском уезде было ликвидировано пятнадцать банд. И вот пришел день, когда председатель УЧК доложил уездному комитету партии, что он готов, наконец, приступить к уничтожению банды Каменюки.

Долгое время этот атаман считался неуловимым. Действительно, порой он начисто выпадал из поля зрения чекистов, неделями не удавалось обнаружить его следов. Каменюка отсиживался за пределами уезда, а то и в соседней губернии, зализывал раны, набирал новых людей вместо выбывших, запасался боеприпасами и провиантом, добывал лошадей. Потом снова обрушивался на уезд, неся повсюду смерть, разорение, пожары.

8 июня 1921 года Каменюка как всегда внезапно налетел на село Пески и учинил здесь зверскую расправу над членами комнезаможа, затем последовал налет на село Закопное. В селах Колядовка, Волкодавово, Новоалександровка, на хуторе Михайликов его бандиты убили почти всех советских работников в активистов. В селе Никифорове Каменюке удалось захватить три орудия.

Мир и спокойствие опять покинули вздохнувший было с облегчением уезд. Особенно после того как Каменюка объединил свои силы с другой крупной бандой — атамана Ленивого. Правда,

и советские отряды стали уже значительно сильнее, нежели раньше. Набралась боевого опыта рота уездной ЧК, ее хорошо поддерживал прибывший в уезд батальон Красной Армии под командованием Александра Ротермеля. Прибыло еще подкрепление — кавалерийская истребительная группа и рота 3-го Заволжского полка.

Перед решающим столкновением с самым серьезным своим противником Медведев основательно почистил уезд. Так, в районе Масловки старобельские чекисты разбили банду петлюровца Волоха. Самого атамана в бою зарубили вместе с его ближайшими сподвижниками. Затем Медведев ликвидировал банду Огнева. Эта бандгруппировка отличалась одной особенностью: люди Огнева после каждой кровавой вылазки рассыпались по домам и лесам до очередного приказа атамана выйти из подполья. Этим и воспользовался Медведев. Бандитов, числом до сотни, захватили у хутора Семикозова в момент сбора. Точное его место и дату Медведев знал заранее, потому что сам их и определил, с помощью своих сотрудников, внедренных в банду.

Прежде чем взяться за отряд Каменюки, Медведев провел тщательную разведку. Затем распространил по округе слухи о том, что он якобы уехал на совещание в Бахмут. Это усыпило настороженность атамана, и банду удалось настигнуть врасплох. Чекисты, красноармейцы и чоновцы уничтожили в бою около сорока бандитов, оказавших сопротивление. Остальные сдались. Было захвачено все вооружение банды и даже черное знамя атамана. Однако самому Каменюке и на сей раз удалось вырваться из кольца и в сопровождении 28 всадников уйти на Дон, где он вскоре снова организовал бандгруппу. 19 октября на Богдановском хуторе возродившуюся банду разбил отряд красноармейцев Петропавловского гарнизона. И снова Каменюка с остатками банды сумел бежать, по словам очевидцев — в одной гимнастерке. На сей раз атаман укрылся на время в Воронежской губернии.

Настиг и добил Каменюку Медведев уже в новой, должности — руководителя органов ВУЧК в Шахтах. Операция по полной ликвидации этого опаснейшего врага Советской власти готовилась тщательно. Были выявлены все связи атамана, его базы, точно установлены численность банды и ее огневые средства.

Близ села Осинова чекисты обрушились на банду внезапно, предусмотрели, чтобы и щелочки не осталось, куда бы мог ускользнуть атаман или кто-нибудь из его преступного воинства. Сопротивлявшиеся бандиты были уничтожены, остальные

сдались. Не ушел и главарь Каменюка, убитый в бою. Труп Каменюки был доставлен в Старобельск, а затем и в Бахмут, чтобы мирные жители могли воочию убедиться в ликвидации считавшегося неуловимым бандита.

В конечном итоге за время работы Д. Н. Медведева в Старобельске бандитизм в уезде был ликвидирован окончательно. В отчете Дмитрий Николаевич счел необходимым отметить: «В этой работе я, безусловно, многим обязан сотрудникам Старобельской УЧК, без коих я не был бы в состоянии се проделать».

28 ноября 1921 года коллегия Донгубчека вынесла постановление: «Ходатайствовать перед коллегией ВУЧК о награждении золотыми часами бывшего предуездчека тов. Медведева, пред. Мариупольской УЧК Патрушева за умелую и усиленную борьбу с бандитизмом, благодаря чему был уничтожен бандитизм в Старобельском и Мариупольском уездах». 17 декабря коллегия ВУЧК удовлетворила это ходатайство. Первая в жизни Дмитрия Медведева почетная, очень высокая по тем временам награда — именные золотые часы — была вручена ему уже в следующем, 1922 году.

Работая в Шахтах, Медведев лично выявил филиал крупной контрреволюционной организации белоказаков, центр которой находился в Ростове-на-Дону. Затем вскрыл и ликвидировал большую группу крупных расхитителей угля и соли (так называемый «Несвотаевский куст»). Выявлены были не только воры и спекулянты, но и каналы, по которым уходило драгоценное топливо с шахт и железнодорожных станций, определены и каналы сбыта, а также способы «замазывания», то есть маскировки способов хищения. У одного перекупщика поваренную соль, в ту пору почти универсальную на селе «валюту», обнаружили в… колодце, в железных, тщательно обмазанных глиной бочках.

Наконец, на станции Каменская Медведев сам руководил ликвидацией крупной уголовной банды. После ее разгрома чекисты изъялн у главарей огромную сумму денег, валюты, а также объемистый кожаный чемодан, набитый золотыми изделиями и драгоценными камнями.

Последние пять месяцев своего пребывания в Донбассе Медведев снова работал в Бахмуте — уже в должности начальника особого отдела Донгубчека. В служебной характеристике 1922 года отмечено: «Вполне работоспособен, добросовестный, взаимоотношения с начальством нормальные, выдержанный, спокойный, круг знакомств товарищеские… Чекистски вполне подготовлен».

В августе 1922 года Дмитрий Медведев получил новое, весьма серьезное назначение. Его откомандировали на ответственную должность в город, тогда особо трудный для чекистов во всех отношениях, — Одессу.

В декабре 1922 года ВУЧК доложила VI съезду Советов Украины, что политический бандитизм на территории республики ликвидирован. В Донбассе одна за другой вступали в строй действующих, начинали выдавать на-гора лучший в мире антрацит шахты, возвращалась жизнь к домнам и мартенам, спокойно, не опасаясь бандитских нападений, вели эшелоны машинисты, засеивали поля золотой «арнауткой» крестьяне. И во всем этом была доля нелегкого чекистского труда Дмитрия Медведева и его товарищей.

МУШЕГ ГАБРИЭЛЬЯН
ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Мушег Соломонович Габриэльян в органах государственной безопасности служил с 1929 по 1957 год, в Ворошиловградском областном управлении КГБ — с 1953 года до ухода в отставку. Полковник в отставке. Член КПСС с 1928 года. Награжден 19 правительственными наградами и именным боевым оружием.

ТОВАРИЩ НЕИЗВЕСТНЫЙ

В город наша группа вошла вместе с передовыми подразделениями Красной Армии.

Мой грузовик со взводом солдат в кузове свернул с шоссе на боковую улочку. Сидя в кабине и сверяясь с расстеленной на коленях картой, я указывал шоферу кратчайшую дорогу к тюрьме, которую должен был как можно быстрее найти в незнакомом городе и взять под контроль.

Весь сентябрь 1939 года стал для меня сплошной цепью бурных событий.

В первых числах месяца меня, сотрудника органов государственной безопасности Азербайджана, срочно вызвали в Наркомат внутренних дел АзССР и приказали немедленно отбыть в распоряжение Наркомата внутренних дел Украинской ССР. Через пару часов, получив документы и не успев ни захватить вещи в дорогу, ни попрощаться с семьей, я с несколькими коллегами уже выехал из Баку.

В Киеве чекистов, прибывших из Грузии, Армении, РСФСР и других республик, распределили по специальным оперативным группам Наркомата внутренних дел УССР и тут же направили на западную границу.

Ночью мы приехали на пограничную станцию Волочиск, а утром вместе с частями Красной Армии двинулись на запад. Так я оказался участником освободительного похода советских войск в западные области Украины и Белоруссии.

На подходе к Тернополю каждый член нашей группы получил конкретное задание с тем, чтобы сразу же взять обстановку в городе под контроль и предотвратить нежелательные эксцессы, которыми во все времена чревато безвластие. На мою долю досталась тюрьма, куда теперь и спешила наша полуторка, петляя по боковым улочкам в стороне от главных дорог, в этот час загруженных воинскими колоннами и толпами местных жителей, вышедших встречать освободителей.

На место мы поспели вовремя, вместе с головным дозором вступавшего в этот район стрелкового батальона, и спугнули нескольких сомнительного вида мужчин, орудовавших ломами у тюремных ворот. При появлении солдат они бросились врассыпную и скрылись в проходных дворах и переулках: судя по повадкам, группа уголовников норовила вызволить своих сообщников.

Наведя порядок и организовав охрану здания, я мог считать свою задачу в основном выполненной. Судьбой заключенных

должны были позднее заняться компетентные органы, чтобы освободить жертвы произвола буржуазных польских властей, отделив их от уголовных преступников.

Однако перевести дух не удалось — всплыли обстоятельства, потребовавшие немедленных действий.

Выяснилось, что накануне из Лодзинской тюрьмы сюда доставлена партия политических заключенных: коммунисты, подпольщики, патриоты, приговоренные польской охранкой к расстрелу. Когда гитлеровцы приблизились к Лодзи, их перевезли в Тернополь и поместили в камеры смертников, где в полном неведении они и находились в ожидании казни.

Убедившись в достоверности сведений, я распорядился вемедленно освободить этих мужественных людей.

Трудно передать радость узников, после тяжких испытаний вырвавшихся из застенка. Многие из них, не дрогнувшие перед жандармами и палачами, сейчас не в силах была поверить в избавление и плакали, как дети. Нас обнимали, целовали; на украинском, русском, польском языках пели «Интернационал».

В разгар всеобщего ликования один из бывших смертников — невысокий полный мужчина средних лет, со следами пыток и истязаний на лице, пристально разглядывавший красноармейцев и командиров, — отозвал меня в сторону.

— Товарищ майор, если не ошибаюсь, вы чекист? — негромко спросил он.

Я был в общевойсковой форме, без отличительных знаков органов госбезопасности и немало подивился проницательности собеседника, хотя вида не подал.

— Не ошибаетесь. А какое это имеет значение?

— Для меня — большое, — еще тише произнес он. — У вас есть связь с Москвой?

Странный складывался разговор, и я спросил напрямик:

— Зачем?

— Извините, майор, но этого я вам сказать не могу.

— Каша фамилия?

— Она ни о чем не говорит. В списке тюремной канцелярии вот она — под четвертым номером, — указал он на листок, который я держал в руке.

В голове мелькнула смутная догадка.

— А подлинная фамилия?

Он промолчал, глядя мне прямо в глаза. Догадка переросла в уверенность, и я предложил:

— Скажите или напишите, что и куда надо сообщить. Если заслуживает внимания, постараюсь передать через штаб полка, по армейской связи.

— Это не подходит, — устало улыбнулся мужчина.

— Что именно?

— И то, и другое. И полковые телефонисты не подходят, и ваше предложение. Мне необходимо связаться с Центром срочно и только по вашим каналам. Большего сказать не могу, не имею права.

— Даже мне, чекисту?

— Даже вам.

О спасенном из камеры смертников, который требует связи с Центром, я доложил руководству. К вечеру на запыленном автомобиле приехал ответственный работник наркомата и увез его.

Прощаясь у машины, мужчина, еще не сменивший полосатую одежду арестанта, крепко жал мою руку:

— Спасибо, майор, за все. Если б вы с красноармейцами задержались в пути на час-другой, всех нас, пересыльных из Лодзи, успели бы расстрелять.

— А как же мне вас называть? — спросил я напоследок.

— Товарищ! — коротко ответил он, сел в машину, и автомобиль, заурчав мотором, тронулся в дорогу.

Я смотрел вслед легковушке, скрывшейся за поворотом, и думал о человеке, с которым встретился по воле случая и расстался, наверное, навсегда.

Разведчик (в этом уже не было никаких сомнений), вырванный из когтей смерти, даже спасителям, товарищам по оружию, не открыл своего имени, превыше всего ставя верность чекистскому долгу и незыблемость законов конспирации. Он не раз мог погибнуть, но, чудом избежав смерти, озабочен делами своей нелегкой службы, не позволил себе даже короткой передышки.

Прийдя из неизвестности, опять умчался в неизвестность.

Безымянный разведчик. Товарищ Чекист…

«АРТИСТ»

Нашу оперативную группу оставили в Тернополе помогать налаживать мирную жизнь.

Народ восторженно встретил советских освободителей, отвративших угрозу гитлеровского порабощения. Повсеместно ширилось движение за политическое и административное воссоединение исконно украинских земель с УССР, в селах и городах устанавливался нормальный рабочий ритм. Завязывались производственные связи с глубинными районами страны, входило в колею снабжение, практически парализованное с момента нападения фашистской Германии на Польшу.

Покой пришел в дома мирных граждан, а для нас, чекистов, оперативная обстановка оставалась очень сложной, так как в освобожденных районах продолжали действовать явные и скрытые педруги Советской власти.

Серьезную опасность таила в себе сеть бывшей польской «двуйки» — второго отделения генерального штаба бывшей польской армии, которое являлось мощной разведывательной организацией, с времен гражданской войны в тесном контакте с английскими и другими западными спецслужбами действовавшей против СССР. Непростым делом были розыск и нейтрализация сотрудников и агентов этой разведки, бывших польских карательных органов, членов националистических офицерских союзов и террористических антисоветских групп.

Надо было выявлять гитлеровскую агентуру, сотрудников других западных разведок, обезвреживать вооруженное подполье ОУН — Организации украинских националистов, центр которой, или так называемый «Центральный провод», обосновался на оккупированной гитлеровцами территории и работал под руководством гитлеровских разведорганов.

Большая нагрузка легла на плечи чекистов. Поэтому свободный вечер, выпавший на мою долю впервые за это время, я встретил с удовольствием. Хотелось немного отдохнуть, отвлечься от служебных забот, спокойно подышать свежим воздухом и выспаться всласть.

Поборов искушение отправиться в кино, на концерт или в библиотеку, решил просто побродить по городу — для оперативного работника будет не лишним взглянуть на него глазами рядового обывателя.

Приятно не спеша гулять по улицам, спокойно сидеть в сквере на лавочке, любуясь мягкими красками вечернего неба и слушая легкий шелест осенних листьев под ногами неторопливых

прохожих.

Проголодавшись, зашел поужинать в маленький ресторанчик и расположился за свободным столиком.

В полупустом зале было тихо, официант быстро принес заказанные блюда, источавшие соблазнительный аромат, и я принялся за еду.

— Пан офицер позволит нарушить его уединение?

Поднимаю голову. У стола стоит очень пожилой представительный мужчина в элегантном костюме и строгом галстуке, со шляпой и зонтом-тростью в руках. На вид — состоятельный коммерсант или предприниматель.

— Если ненароком занял привычное для вас место, могу перебраться за другой столик, — говорю я не самым любезным тоном.

Перспектива застолья с незнакомцем из «бывших» меня мало привлекала. Однако мужчина, казалось, неучтивости не заметил.

— Пан офицер разрешит подсесть? Хочется перемолвиться с русским, — откровенно признался он.

— Вам не повезло, я — армянин.

— А я — Аристарх Филиппович, — галантно поклонился мужчина, взявшись за спинку незанятого стула. — Поскольку вы не успели сказать «нет», будем считать, что вы согласны принять одинокого старика в сотрапезники. Сына Кавказа я, конечно же, отличу от сибиряка или волжанина, но, видите ли, пан офицер, под панской Польшей мы привыкли всех советских называть русскими.

Шутливая интонация и искренняя улыбка немолодого человека обезоружили меня. Слово за слово завязалась неторопливая беседа о том, о сем, Аристарх Филиппович оказался занятным рассказчиком. Исколесивший пол-Европы, он, не скупясь, сыпал любопытными историями.

— Кто вы? — поинтересовался я у собеседника.

— Артист, — с достоинством ответил он.

— И в каком жанре работаете?

— В оригинальном.

— Выступаете?

— Нет. Я, знаете ли, давно уже консультант, отошел от дел. Видите ли, пан офицер, люди моей бывшей профессии исповедуются обычно только перед господом богом, но с вами мне почему-то хочется пооткровенничать. Позволите старику пооткровенничать?

И он рассказал о своей жизни, которая весьма походила на детективный роман.

Вырос в крупном волжском городе, с юности связался с

потрошителями сейфов и настолько преуспел в этом, что в среде «медвежатников» прослыл виртуозом, «гастролируя» по городам России, а потом — по Европе. После первой мировой войны «вышел на покой», обосновался в Варшаве и изредка «консультировал энергичных и любознательных людей, которых занимало содержимое сейфов ювелиров и банков на Западе».

В двадцатые годы английская полиция безуспешно искала похитителей, унесших из крупного банка деньги и ценности на астрономическую сумму, и ломала голову над тем, как можно было вскрыть считавшиеся неприступными банковские сейфы сложнейшей конструкции. О нет, Аристарх Филиппович не был на месте событий и не вступал в конфликт с британской полицией. Просто к нему обратились за консультацией бывшие коллеги из-за Ла-Манша, он поразмыслил и подсказал, как сделать, чтобы сейфы послушно и тихо открылись перед ними…

Нападение гитлеровской Германии на Польшу вынудило Аристарха Филипповича сняться с привычного места. Вместе с беженцами из Варшавы он направился к советской границе и рад, что на старости лет опять оказался на родной земле, где надеется скоротать остаток дней не как бывший «артист» или «консультант», а честно зарабатывая кусок хлеба…

Встреча эта имела весьма неожиданное продолжение.

В одном из бывших польских правительственных учреждении, ведавшим в Тернополе вопросами сельского хозяйства в кабинете какого-то уполномоченного или советника стоял сейф.

Все несгораемые шкафы, металлические ящики были открыты с помощью хранившегося в учреждении контрольного комплекта ключей, чтобы прибывающие сельскохозяйственные специалисты могли работать с документами. Только этот сейф не поддавался — хозяин кабинета исчез, а в контрольном комплекте ключа не оказалось.

Приглашенный мастер, осмотрев сейф, сказал, что это очень редкая конструкция, «с секретом». Наш эксперт подтвердил и добавил, что вскрыть будет крайне трудно, так как, похоже, внутри заложены специальные устройства для ликвидации содержимого в случае взлома.

Чекистский интерес к необычному сейфу усилился, когда стало известно, что в охраняемое помещение кто-то несколько раз пытался проникнуть. Значит, он привлекает не только нас и в своих недрах заключает нечто более существенное, нежели сводки об урожайности ячменя или настриге шерсти в окрестных селах.

Но как открыть сейф, заглянуть внутрь, не повредив содержимое?

Тут-то я и вспомнил ужин с отставным «артистом».

Сначала товарищи мое предложение восприняли как шутку, но все же навели соответствующие справки. Когда история с английским банком подтвердилась до мелких деталей, меня послали за стариком.

Аристарх Филиппович долго отнекивался, мол, столько лет таким не занимается, дал себе зарок никогда больше ие «медвежатничать» и т. д. Решающим доводом для него прозвучало мнение эксперта о наличии ликвидирующих устройств.

— Брильянты или валюту с такими штучками не хранят, — задумался он. — Ладно, посмотрим. В моем старом саквояже, кажется, сохранилось кое-что с молодой поры. Захватим его и пойдем…

Тщательно осмотрев сейф, Аристарх Филиппович посидел в углу с чашкой кофе, снял пиджак, ослабил на шее галстук, положил на стол расстегнутый саквояж и сказал:

— Пока я буду работать, панове офицеры пускай погуляют в коридоре.

Мы переглянулись, хотели было возразить, но старик непререкаемым тоном заявил:

— Если меня не оставят одпого, к сейфу я не притронусь!

Руководитель нашего подразделения приблизился к нему, взглянул прямо в глаза:

— Вы же понимаете, что…

— Я не стану работать, пока в комнате кто-то топчется. Все!

— За мной! — скомандовал руководитель подразделения, и мы вышли в коридор.

Стоит ли описывать наши переживания? Хоть вокруг здания и выставлена охрана, а в коридоре — мы, офицеры-чекисты, но…

Наконец, дверь распахнулась, на пороге появился Аристарх Филиппович.

Не скрывая торжествующей улыбки, он поклонился:

— Прошу. Моя миссия окончена. Если вас не затруднит, в качестве гонорара хотелось бы еще чашечку кофе. Извините, чертовски устал.

Мы поспешили в комнату.

Дверца сейфа открыта, на полках между стопками бумаг, папками и коробками — взрывное устройство и ампулы с горючей жидкостью, соединенные между собой сложной системой проводов и нитей.

Наш эксперт, с профессиональной придирчивостью оглядев дверцу и замок и не обнаружив никаких следов насилия, повернулся к Аристарху Филипповичу.

— Артистическая работа! — сказал он с восхищением. Старик

зарделся:

— Впервые в жизни мне пришлось применить свое умение во благо людям. Разве можно было сплоховать?

— А теперь признайтесь, — не выдержал я, — вы выпроводили всех, чтобы но подвергать опасности наши жизни?

Старик отвернулся и негромко сказал:

— У каждого артиста есть профессиональные секреты. Пан майор — еще слишком молодой человек, и ему не понять, какой вкус у последней краюшки жизни.

Признаюсь честно: ни я, ни мои товарищи так и не взяли в толк — шутил старый «медвежатник», действительно сберегал свой «профессиональный секрет» или беспокоился за нас, чтобы не погубить в случае неудачи «адской машинкой», заложенной в сейф?

Что же касается содержимого сейфа, ценностей оказалось немало: валюта, золото, драгоценности. А главное — список агентуры, заброшенной Тернопольским отделением разведки генерального штаба бывшей буржуазной польской армии на территорию ряда областей Украины и Белоруссии и находившейся на содержании западных спецслужб.

Кабинет-то, как выяснилось, принадлежал крупному резиденту вражеской разведки.

ИВАН РЫСЕНКО
ГРАНИЦА

Иван Яковлевич Рысенко в пограничных войсках КГБ СССР служил с 1938 года по 1970 год. Член КПСС с 1941 года. Майор пограничных войск в отставке. Награжден 5 орденами и многими медалями.

ПРИКАЗАНО НЕ СТРЕЛЯТЬ

На 14-ю заставу мы приехали вечером и буквально с колес окунулись в работу.

Командование располагало сведениями, что на этом участке в ближайшие сутки с сопредельной стороны может быть предпринята попытка нарушить Государственную границу СССР. Наиболее вероятный район прорыва — 14-я застава.

Подразделения приведены в повышенную боевую готовность. В помощь командирам были направлены офицеры штабов и оперативных служб для содействия в организации дополнительных мер безопасности на этом рубеже. Мы, офицер разведки старший лейтенант Александр Демьянов и я — заместитель коменданта по политической части погранкомендатуры 95-го Надворнянского пограничного отряда, прибыли на заставу.

Старший лейтенант Демьянов сразу же пошел в близлежащее село побеседовать с активистами и добровольными помощниками пограничников, договориться с руководителями местного колхоза и сельсовета о взаимодействии. Я с начальником заставы занялся подбором и подготовкой пограннарядов, которым нынешней осенней ночью предстояло встать на пути возможных нарушителей. Не оставили без внимания и организацию службы бригад содействия защитникам границы, сконцентрировав их силы на основных направлениях в тылу участка заставы.

Четко и слаженно велась работа, которая здесь, на западных рубежах Родины, в 1940 году стала для нас обыденной.

Хортистская Венгрия, особенно после оккупации фашистской Германией ряда стран Европы, нагнетала на советской границе напряженность. Участились случаи обстрела наших солдат, несущих службу, незаконного передвижения и осквернения советских погранзнаков, другие провокации. Резко активизировались фашистские разведорганы по заброске агентуры в наш тыл. Прибегая к различным ухищрениям, они направляли нарушителей в одиночку и группами, изощрялись в прикрытии своих операций.

На участке 18-й заставы за короткое время из села Богдан, расположенного на венгерской территории, границу перешли двенадцать украинских семей, спасавшихся от фашистских «порядков». Среди них были разоблачены три агента неприятельской разведки, которых под видом жертв преследования и беженцев германские и венгерские разведорганы пытались переправить в наш тыл со специальными заданиями.

На пограничниках лежала особая ответственность, требовавшая высокой чекистской бдительности, чтобы пресекать провокации и не пропустить врага через границу.

Напряженность обстановки практически не снижалась, и повод, приведший нас со старшим лейтенантом Демьяновым на 14-ю заставу, нисколько но выпадал пз атмосферы будней пограничников Надворнянского отряда.

Отработав с начальником заставы план действий и комплекс дополнительных мероприятий, довели до личного состава оперативную обстановку и задачу каждого бойца. Закончился инструктаж, прозвучали волнующие слова: «Приказываю выступить на защиту Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!», и наряды, зарядив оружие, отправились на свои участки.

В тишине нарождающейся ночи разгоралась незримая, но упорная и жестокая схватка, в которой изворотливому и коварному врагу солдаты-чекисты противопоставляли выдержку, высокое профессиональное мастерство.

Ночь на Карпаты опускается стремительно. Ущелья быстро наполняются туманной дымкой, в которой тают лес, кустарник, груды камней, склоны гор темнеют, теряют очертания, потом вершины словно растворяются в пасмурном небе, и все как бы погружается в царство тьмы.

В этой тишине наряды бесшумно обходили тянущуюся вдоль границы контрольно-следовую полосу, в укромных местах залегли чутко вслушивавшиеся в ночь дозоры и секреты. Десятки воинов-чекистов, получивших приказ при обнаружении нарушителя не стрелять и обязательно захватить невредимым, несли свою нелегкую службу.

Старший наряда опытный пограничник Киселев с напарником красноармейцем Прониным перекрывал выход из долины на пересечении едва приметных горных троп. Место глухое, труднопроходимое, по именно такие «медвежьи углы» предпочитают матерые лазутчики, прорываясь через границу, так как больше шансов пробраться незамеченным или уйти от преследования.

Когда луна, ненадолго выглянувшая с высоты, снова спряталась за тучи, Киселев шепнул напарнику:

— Оставайся здесь и наблюдай за выходом из долины, а я отползу левее, в кусты, ближе к телефонной розетке. Связь будет под рукой, и местность просмотрим с двух точек.

Договорившись о сигналах, пограничник ящерицей скользнул между камней и бесследно исчез в кустах — ни единая веточка не качнулась, ни шороха, ни звука.

«Ловок», — подумал Пронин о старшем наряда, оглядывая ближние и дальние подступы. Там тоже тишина, ничего подозрительного не заметно.

Но он не видел картину, открывшуюся с повой позиции Киселеву: вдоль дозорной тропы крадется человек.

Сомнении не было: от границы движется нарушитель.

Мысленно прикинув, что ночному «гостю» не миновать прогалины между кустами и позицией Пронина, старший наряда затаился, подпуская нарушителя поближе, чтобы отрезать ему пути отступления.

Фигура видна все отчетливей. Теперь она и в поле зрения Пронина. Еще несколько шагов, и становится слышно запаленное дыхание человека, проделавшего немалый путь по горам.

Когда нарушитель поравнялся с кустами, Киселев клацнул затвором и скомандовал:

— Стой! Руки вверх!

Стремительным прыжком нарушитель бросился за груду камней, но оттуда поднялся Пронин, настиг беглеца и повалил па землю. Подоспевший Киселев быстро скрутил и обыскал нарушителя. Карта, оружие, пачка советских документов на разные фамилии.

Тревожная группа на место задержания прибыла без промедлений. Сразу же допросили нарушителя, уточнили, где он пересек границу, проработали обратный след.

Впору было докладывать об успехе, но начальник заставы и Демьянов не успокаивались. Особенно старший лейтенант. Чутье разведчика подсказывало ему, что операция еще далека до конца.

Отправив задержанного под надежным конвоем в тыл, организовали двойную проверку контрольно-следовой полосы по всему участку заставы. И опытные следопыты, обшарив в ночи каждую пядь земли, нашли-таки чуть заметный след. Он начинался в полукилометре южнее места прорыва первого нарушителя и стороной уходил вглубь советской территории.

Усиленный наряд начал преследование второго нарушителя, а мы доложили обстановку командованию.

С уверенностью можно было утверждать, что мы столкнулись с тщательно продуманной и хорошо спланированной операцией разведорганов противника. Вероятно, первый нарушитель шел впереди с целью проложить дорогу второму н отвлечь внимание пограничников на себя. Он мог и не знать, что играет роль приманки, прикрытия для другого агента, что хозяева пожертвовали им ради более крупной фигуры. В таком случае второй нарушитель представляет очень серьезную опасность.

Пограничная комендатура объявила тревогу во всем районе.

По приказу коменданта соседние заставы выставили боковые наряды, чтобы прикрыть фланги 14-й, в тыл на автомашинах выслали заслон из пограничников резервной заставы, чтобы отрезать нарушителя от автомобильных дорог и крупных населенных пунктов. На ноги были подняты органы госбезопасности и милиция. Принимались экстренные меры, чтобы наверстать выигранное преступником время.

Усиленный наряд пограничников 14-й заставы продолжал преследование. Это было не просто: нарушитель путал следы, обрабатывал их специальными химическими составами, прибегал к другим ухищрениям. Тут-то пригодилось мастерство вожатого служебно-розыскнои собаки красноармейца Мирошника и его четвероногого друга по кличке Пират. Умный нес снова и снова находил свежий след и восемнадцать километров вел группу по иочпым горам и ущельям.

На рассвете приблизились к селу.

На поляне, чуть в стороне от тропинкп, возле шалаша пастухов, теплился костер и сидели люди. Пограничники быстро проверили их: все — местные жители, посторонних нет. Старший из пастухов рассказал, что минут двадцать назад в сторону села прошел какой-то чужак и что они послали своего товарища посмотреть, куда тот направляется.

Поблагодарив добровольных помощников за бдительность, пограничный наряд бегом устремился к селу.

За холмом, в лучах утреннего солнца, показалась сельская окраина. По дороге спешил путник. Но вот он остановился, заметив у крайних домов пограничный патруль, повернул назад, однако увидел развернувшийся цепью и спускающийся с холма наряд со служебной собакой. Метнулся в одну сторону, в другую…

Операция по задержанию, как и требовал приказ, была выполнена Без единого выстрела.

НАЧАЛО

Телефоны звонили без перерывов: заставы сообщали о массовых нарушених границы.

Массовое или массированное нарушение границы — наш специфический термин. Это означает, что в прикордонной полосе появилась группа людей, которая пытается прорваться на нашу территорию или уйти за кордон. Прежде вооруженные банды из Организации украинских националистов, группы диверсантов и провокаторов, случалось, затевали против пограничников настоящие сражения. Однако носили они локальный характер, затрагивая узкий участок границы или приграничной полосы, и велись без применения тяжелого оружия.

В последнее время на сопредельной территории была отмечена концентрация крупных сил регулярных войск. Венгерские офицеры, не таясь, в бинокль изучали проходы в наш тыл, большие группы солдат маршировали вдоль нейтральной полосы.

Пограничники уже несколько дней находились в состоянии повышенной боевой готовности, ожидая возможные провокации. И вот — дождались.

В оперативном журнале погранкомендатуры за 22 июня 1941 года одна за другой появляются записи, фиксирующие донесения с застав: на разных участках группы фашистских солдат численностью до усиленной роты каждая при поддержке минометов и артиллерии нарушили Государственную границу СССР.

Что это: чудовищная провокация небывалых масштабов?

Через несколько часов, когда поступили сведения о нападении гитлеровских войск на Прибалтику, Белоруссию и Украину от Балтийского до Черного морей, бомбардировках фашистской авиацией советских городов, со страшной очевидпостью стало ясно: война!

Линия границы — линия фронта!

Приняв на себя первый удар, наши пограничники сражались мужественно и беззаветно. На всем участке Надворнянского отряда штурмовые группы противника были разгромлены, уничтожены пли отброшены за кордон.

Подразделения отряда стойко удерживали свои позиции, не уступая врагу ни одного метра советской земли.

Только 28 июня, по приказу командования, начальник погранотряда подполковник Д. А. Арефьев отдал распоряжение всем комендатурам и заставам: оставить вверенные им участки

Государственной границы и совместно с частями Красной Армии, сдерживая продвижение противника арьергардными боями, отходить в направлении города Винницы. Солдаты в зеленых фуражках с границы уходили последними…

ДОНБАССКИЙ РУБЕЖ

От моей землянки до родного села в Станично-Луганском районе не будет и ста километров. Война вплотную приблизилась к порогу отцовского дома.

С этой мыслью трудно смириться.

Еще труднее понять, объяснить, как такое могло получиться.

От самой границы 95-й отряд почти без передышки был в боях. Мы дрались за Винницу, бились под Гайсином, Уманью, держали оборону на Днепре. На каждом рубеже стояли так, как солдатам-чекистам положено защищать границу — ни шагу назад. По линия фронта оказывалась прорванной где-то южнее или севернее нашего участка, враг нависал на флангах, угрожая глубоким охватом и окружением, и по приказу командования приходилось отступать.

Под городом Синельниково, в сорока километрах восточнее Днепропетровска, вооруженные только стрелковым оружием и бутылками с горючей смесью пограничники трое суток сдерживали наступление танковых частей гитлеровцев. Подразделения истекали кровью, но стояли непреодолимым заслоном, а перед окопами пылали десятки фашистских танков.

В начале октября 1941 года в результате мощных ударов гитлеровских механизированных корпусов над Донбассом нависла угроза оккупации. Командование Юго-Западного фронта приказало 95-му погранотряду на одном из важных направлений задержать продвижение противника в угольные районы.

В степях Донбасса пограничники опять приняли неравный бой, однако на рубеже реки Миус остановили врага. Фашистские части имели многократное превосходство в живой силе и технике, но не могли продвинуться ни на шаг.

Теперь граница для нас пролегла по каменистым склонам холмов, равнине, покрытой увядшим типчаком и ковылем, по берегу извилистой речки. По ту сторону — земля, обагренная кровью боевых побратимов, могилы товарищей, по эту сторону — индустриальное сердце юга страны, где куется оружие для фронта.

От моей землянки на берегу Миуса до отцовского дома, из которого я ушел в большую жизнь, нет и ста километров. Не таким представлялось возвращение в родные края после долгой разлуки. В сердце — нестерпимая боль, гнев и ненависть к врагу.

В окопах рядом русский и молдаванин, украинец и белорус, еврей и казах, татарин и узбек. Они сражаются за мой дом, а я здесь, в степях Донбасса, защищаю их родные уголки.

Ожесточенные бои не стихают ни днем ни ночью. Двадцать суток погранотряд держится на малоизвестной речке Миус, не ведая, что этим сражением положено, начало легендарного Миус-фронта, который до июля 1942 года гитлеровцы прорвать не могли. Таков был наш вклад в начало обороны юго-восточной части Донбасса — Ворошиловградской области…

В ноябре 1941 года обескровленные подразделения отряда отвели в тыл и переформировала в полк особого назначения. Заставы стали ротами, комендатуры — батальонами. Изменились названия, но воля к победе и несгибаемый дух солдат-чекистов оставались прежними. Это они подтвердили в зимних боях 1941–1942 годов на рубеже важного железнодорожного узла Дебалъцево и населенных пунктов Черпухино и Комиссаровка Ворошиловградской области…

ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ

Это было под Дебальцево. И вместилось в двое суток…

Ночная вылазка в село Софьино-Раевка имела комплексную задачу: разведка в ближнем тылу противника и внезапный удар по подразделениям второго эшелона, чтобы вызвать панику и не дать врагу возможности для отдыха и перемещения сил.

На операцию добровольцами просились лучшие бойцы нашего батальона, но населенный пункт находился ближе к позициям соседнего батальона, и в группу вошли пограничники этого подразделения.

Вечером 9 декабря 1941 года, скрытно перейдя линию фронта, группа разведала заданный район и пробралась к Софьино-Раевке. Под покровом ночи пограничники приблизились к объектам нападения.

Заместитель политрука роты Василии Утин выбрал большой дом, где на постой разместилось около взвода фашистских солдат, и решил в одиночку его атаковать.

Точно метнув гранату в окно, он автоматными очередями, разил гитлеровцев, ошалело выскакивавших из дома. Патроны в диске закончились, и тут на Утина бросились офицер с кинжалом в руках и солдат с винтовкой, за ними от дома спешила группа фашистов.

Заместитель политрука не растерялся. Обрушив приклад на голову офицера, он увернулся от направленного з грудь штыка, ударом ноги свалил солдата наземь, мгновенно перезарядил автомат и открыл огонь.

Прорываясь к основным силам группы, Утин уничтожил пулеметный расчет противника и захватил в плен унтер-офицера. А к утру пограничники уже были в своих окопах.

День начался яростными атаками. На роту Утина противник наступал превосходящими силами. Подтянув миномет из 70–80 метров от наших окопов, гитлеровцы повели губительный обстрел позиций пограничников. Под ураганным огнем заместитель политрука устремился вперед, забросал миномет гранатами, вывел из строя расчет и деморализовал наступавших.

Через несколько часов, когда противник, накапливаясь в складках местности, готовился к очередной атаке, Утин подполз к пулеметной точке, двумя гранатами уничтожил ее, расстроив огневую систему врага. Стремительной контратакой пограничники захватили командную высоту, вся рота продвинулась вперед.

Ожесточенные схватки почти не стихали. Вечером бывший

учитель из Чувашии Василий Утин, отражая атаку гитлеровцев, огнем из автомата прикрывал фланг роты. Наступил критический момент боя, а ему осколком мины перебило руку. Отбросив автомат, заместитель политрука вынул пистолет, поднялся во весь рост и с возгласом: «Держитесь, товарищи! Бей фашистов!» шагнул из окопа.

Он успел сделать несколько шагов и упал, сраженный пулеметной очередью. Но пример коммуниста поднял пограничников в решительную атаку…

За храбрость, мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с врагом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1942 года заместителю политрука Утину Василию Ильичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Таких бойцов среди воиииов-чекистов было немало.

ПОВЕСТВУЕТ ДОКУМЕНТ

Из приказа командира 74-й Таманской стрелковой дивизии от 13 февраля 1942 года:

«Находясь в подчинении 74-й стрелковой дивизии, 95-й пограничный полк героически дрался с заклятыми врагами нашей великой социалистической Родины и за период с 5 декабря 1941 года по 13 февраля 1942 года уничтожил 2945 солдат и офицеров противника, ранил 1421 человека и взял 7 пленных.

95-й пограничный полк на протяжении восьми дней, несмотря на бешеный нажим превосходящих сил врага, держал рубеж обороны Еленовка — Софиевка — Убежище — Ольховатка. С 13 декабря по сегодняшний день стойко обороняет рубеж Вергелевка — Октябрьский.

В операции 22 декабря 1941 года по взятию Дебальцева 95-й пограничный полк сыграл решающую роль. Личный состав полка во главе с командиром майором Фадеевым и военкомом батальонным комиссаром Майсурадзе самоотверженно и блестяще выполнил свою задачу, в течение двух-трех часов город был очищен от немцев в полосе наступления полка. В течение трех дней и четырех ночей полк удерживал город, ведя непрерывные бои, и только после неоднократных атак превосходящими силами противника по приказу штадива 95-й полк вышел из окружения па прежний рубеж».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года за выдающиеся боевые заслуги 95-й пограничный полк награжден орденом Ленина, в 1945 году — орденом Красной Звезды. Ему присвоено почетное наименование «Кепигсбергский».

АЛЕКСАНДР РЕШЕТНИКОВ В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

Александр Ефимович Решетников в органах государственной безопасности служил с 1937 года по 1964t в Ворошиловградспом областном управлении КГБ — с 1957 года до ухода в отставку. Член КПСС с 1939 года. Полковник в отставке. Удостоен 3 орденов и 14 медалей. Председатель областного совета ветеранов-чекистов.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ СКРЕПКА

Война застала меня, недавнего выпускника Харьковской школы НКВД, в должности начальника Краснобоварского районного отделения управления Наркомата впутренних дел УССР по Харьковской области.

Узнав, что Гитлер вероломно папал на нашу страну, я, как и многие молодые чекисты, стал проситься на фронт. Писал рапорты, обращался по команде к вышестоящему начальству. Ответ один — отказ.

Сначала в душе кипела обида, мол, сижу в тылу, когда сотни тысяч советских людей с оружием в руках сражаются против фашистов. Постепенно горячность молодости уступила пониманию реальной обстановки, осознанию очевидного факта, что смертельные схватки разгорелись не только на линии фронта.

С первых дней войны гитлеровские разведывательные органы развернули, образно говоря, тотальное наступление на советский тыл. Происходила массированная заброска агентуры для сбора шпионских сведений о дислокации, составе, вооружении, передвижении и планах частей Красной Армии, оборонительных сооружениях, военных объектах, предприятиях, производящих для фронта оружие, боеприпасы и снаряжение. Агентура готовила и осуществляла диверсии па оборонных предприятиях, железнодорожном транспорте, путях сообщения, нарушала линии связи. Лазутчики распространяли слухи, чтобы посеять панику среди населения, внести смятение в ряды красноармейцев.

Перед чекистами стояла задача нейтрализовать вражескую агентуру в тылу и прифронтовой полосе. Разоблачать и обезвреживать шпионов и диверсантов, норовивших вонзить нож в спину Красной Армии, были призваны все чекисты, в том числе и сотрудники местных органов НКВД.

Неоценимую помощь сотрудникам госбезопасности оказывало население. Усилившаяся бдительность простых советских людей не раз разрушала хитроумные планы гитлеровских лазутчиков…

История, которую я хочу рассказать, происходила в Харькове 17 сентября 1941 года.

На окраине города с утра до вечера шумел базар, где беженцы и местные жители покупали, продавали, обменивали вещи и продукты.

В этот день бродил в толпе одетый в старую гимнастерку и стоптанные сапоги солдат. Внешне он ничем не выделялся среди множества людей, прибитых к городу волной отступления и

эвакуации.

Николаев — старый рабочий машиностроительного завода — обратил внимание, что этот солдат покупками не интересуется, зато расспрашивает всех о том, какие воинские части есть в городе, где они расквартированы, чем вооружены.

Своими сомнениями Николаев поделился с милиционером, вместе они задержали подозрительного солдата и доставили в районное отделение НКВД.

И вот задержанный у меня в кабинете.

— Кто вы? — спрашиваю.

Помедлив секунду-другую, он ответил:

— Красноармеец Голоденко.

— Предъявите документы.

Он достал красноармейскую книжку, протянул слегка подрагивавшей рукой.

Перелистав странички документа — все записи сделаны правильно, подписи и печати на месте, — спрашиваю:

— Где ваша воинская часть, кто командир?

— Не знаю, где она сейчас. Я на марше случайно отстал от нее, теперь догоняю. Командует полком товарищ Константинов, а командир нашей роты — старший лейтенант Недосекин.

Отставших от воинских подразделений я встречал не раз, среди них были солдаты, потерявшие своих и в силу серьезных обстоятельств, и по собственной безалаберности, но попадались и норовившие таким путем отсрочить отправку на фронт, что по законам военного времени приравнивалось к дезертирству. И теми, и другими занимались соответствующие армейские службы, которые в каждом конкретном случае разбирались, кому нужно помочь догнать подразделение, кого целесообразней направить па формировку, а кого — проверить особо или передать армейским следственным органам.

Приглядываясь к солдату, продолжаю задавать вопросы:

— Ваша часть где находилась?

— Мы стояли в городе Люботин.

Город рядом с Харьковом, я его неплохо знаю и начинаю уточнять, на какой улице стояла часть, в каком помещении располагалась рота, что находилось поблизости. Ответы были поверхностные и путаные. Складывалось впечатление, что солдат говорит неправду.

Перевожу разговор на другую тему, интересуюсь:

— Зачем на базаре расспрашивали злодей о войсках расположенных в Харькове?

— Хотел найти свою часть, — сказал он без запинки.

— А почему не обратились в комендатуру или хотя бы в

ближайший военкомат?

Невнятная скороговорка, мол, растерялся, не знал, куда идти, прозвучала неубедительно. Солдат, выясняющий в городе воинскую дислокацию через разговорчивых торговое все более вызывал подозрение.

Я решил, что называется, копнуть глубже и поинтересовался, где живут его родственники, из каких он мест.

— Отец и мать умерли после гражданской войны, — чуть замешкавшись, ответил Голоденко, — Я воспитывался в детском доме.

— В каком?

— В детдоме в городе Яготин, под Киевом, но его давно куда-то перевели…

Сомнения не рассеивались, и я прервал опрос, чтобы уточнить основные данные. Связался с комендантом гарнизона, получил сведения, что указанной Голоденко воинской части на территории Харьковской области нет и что в районе Люботина этот полк в ближайшие три недели не стоял.

Обдумывая сказанное задержанным и анализируя мельчайшие штрихи его поведения, снова пересматриваю красноармейскую книжку. Перечитываю каждую запись, разглядываю печати, росписи — зацепиться вроде не за что.

Сверкнувшая на свету скрепка, которой сшита красноармейская книжка, озарила, словно молния: скрепка-то — из нержавеющей проволоки! Вспомнилась ориентировка, полученная из органов контрразведки, где внимание чекистов обращалось на то, что поддельные воинские документы и паспорта, которыми гитлеровская разведка Абвер снабжает свою агентуру, скреплены проволокой из нержавеющего металла, в отличие от наших скрепок, оставляющих под собой на бумаге желтоватые следы ржавчины…

Новый допрос начинаю вроде бы чисто из формальности.

— Вы — Голоденко Илья Сидорович?

— Да.

— Красноармеец?

— Так точно.

— Были в Люботине и но дороге отстали от своей роты?

— Случайно отстал.

— А кто из сотрудников Абвера дал вам эту красноармейскую книжку? Где, когда, с какой целью?

Задержанный испуганно вскинул глаза.

— Повторяю, — продолжал я, глядя в его побледневшее лицо, — где, когда и с какой целью от абверовцев получены эти фальшивые документы?

И я привел неопровержимые факты, разбивавшие все увертки задержанного. Поняв, что изобличен и другого выхода не остается, он начал давать показания.

Николай Соболенко, двадцати трех лет от роду, после ускоренного курса военного училища попал на фронт командиром стрелкового взвода. В первых же боях под Киевом добровольно перешел к гитлеровцам. В лагере военнопленных гитлеровцы поручили перебежчику искать политработников, коммунистов, офицеров, и он выдал несколько коммунистов и командиров.

Из лагеря Соболенко выпустили, завербовал его офицер абверкоманды, наблюдавший, как он предает советских воинов. После непродолжительной подготовки Соболенко, под видом отставшего от части красноармейца Голоденко, на самолете перебросили в наш тыл на территорию Харьковской области собирать сведения о советских войсках и оборонительных сооружениях в районе Харькова, военных объектах и предприятиях города.

Для передачи шпионской информации ему дали пароли и явку, где в определенное время должны были происходить встречи с резидентом гитлеровской разводки или связником…

Через несколько дней в результате чекистской операции мы арестовали резидента и двух агентов абвера. Так удалось нейтрализовать опасную шпионскую сеть.

«Н» СООБЩАЕТ. ЧТО…

Июнь выдался пасмурным, дождливым. Но ночам над Северским Донцом поднимался густой туман, обволакивавший прибрежный лес.

Порой в округе стояла глубокая тишина, в которой редкий всплеск речной воды и шелест листвы разносились далеко окрест.

Но тишина в прифронтовом лесу обманчива. Каждый миг она готова взорваться артиллерийской канонадой, ревом моторов, пулеметными очередями, грохотом бомбежки, криками и стонами людей.

Впрочем, затишье на нашем участке фронта выпадало не часто.

После взятия Харькова гитлеровскими оккупантами наши войска с боями отошли восточнее Чугуева и заняли оборону по роке Северский Донец, где всю зиму и весну отражали натиск врага.

Чекисты Харьковщины сражались в общем строю. Из сотрудников областного управления НКВД и его подразделений были сформированы фронтовые оперативные группы, приданные соединениям Красной Армии.

Диапазон задач этих групп широкий. Мы занимались разведкой ближнего тыла противника, контрразведывательной работой по обеспечению тыла советских войск, выявляя и обезвреживая шпионов и диверсантов, забрасываемых гитлеровцами, а также готовили и переправляли через линию фронта подпольщиков и партизан. И, конечно же, в окопах, плечом к плечу с солдатами, отражали атаки врага.

Фронтовая оперативная группа, начальником которой назначили меня, придавалась разным соединениям Красной Армии, в том числе и 300-й стрелковой дивизии генерала А. И. Родимцева — впоследствии 13-й гвардейской, покрывшей себя неувядаемой славой в Сталинградском сражении.

С конца зимы 1942 года наша группа, размещавшаяся в селе Алексеевка Печенежского района Харьковской области, действовала в полосе обороны 100-й стрелковой дивизии. Старались выполнить возложенные задачи и работали, не щадя себя.

Командование дивизии особо интересовалось противостоящими частями врага, их составом, вооружением и боевой техникой, уровнем подготовки, оснащения и выучки и, разумеется, планами гитлеровцев па этом участке. Для достижения цели мы действовали, объединив усилия

разведывательного отдела и отдела контрразведки «Смерш» дивизии, а также фронтовой оперативной группы. Каждый стремился внести свой вклад в общее дело.

В разведработе были и неудачи, и успехи.

Сейчас я расскажу только об одной разведывательной операции, подготовленной и проведенной чекистами.

Дождливым июньским днем 1942 года отдел контрразведки дивизии передал нашей опергруппе женщину, которая накануне перешла линию фронта.

Она вызвала большой интерес. Нина Новиченко была домработницей в семье известного харьковского профессора. С приближением фронта профессорская семья эвакуировалась на восток, а Нина ушла к родителям в Чугуси. Жить было очень тяжело, родственники голодали, а достать продукты невозможно. Тогда Нина решила сходить (она так и говорила: «сходить», будто путь лежал не через линию фронта, а на соседнюю улицу) к сестре в село Мартовское Печенежского района, чтобы разжиться съестными припасами. Местность она знала отлично, сумела проскользнуть сквозь боевые порядки гитлеровцев и в районе Алексеевки оказалась в расположении передовых подразделений дивизии.

Наш интерес к этой женщине объяснялся не только ее безграничной самоотверженностью и готовностью ради близких на смертельный риск. Удивляла острая природная наблюдательность Новиченко. Нина, рассказывая об увиденном в Чугуеве, сообщила весьма полезные данные о противнике.

Перепроверив полученные результаты, мы убедились, что перед нами — честная и мужественная женщина, советская патриотка, искренний и бескорыстный человек.

Нина буквально рвалась в обратный путь. Обеспокоенная судьбой голодающих родственников, она, не скрывая, говорила, что любой ценой вернется в Чугуев, так как оставшиеся там беспомощные старики и дети без нее обречены на гибель.

Учитывая это, а также ее личные качества, я, после согласования с командованием, предложил Новиченко выполнить разведзадание. Трудно словами передать радость, с которой она дала согласие: в душе скромной женщины кипела святая ненависть к фашистским захватчикам и убийцам и она была готова мстить врагу за муки и страдания советских людей.

Начали подготовку к переброске Новиченко в тыл врага.

Вместе с разведотделом дивизии разработали маршруты ее движения через линию фронта и боевые порядки противника. С учетом данных авиаразведки и наших собственным сведений прокладывали его по местам наименьшей концентрации

гитлеровцев, чтобы свести опасность к минимуму.

Нину детально проинструктировали, как вести себя в той или иной ситуации, составили несколько правдоподобный легенд, которыми на разных этапах она должна была воспользоватъся, если будет остановлена вражескими патрулями или задержана жандармерией или полицией. Обеспечили нехитрым набором крестьянских продуктов, которые она якобы купила и обменяла в селах на вещи.

Задачу перед Новиченко поставили непростую: собрать сведения о расположении гитлеровских частей и боевой техники в районе от передовой линии до Чугуева и об их намерениях на ближайшее время. С накопленной информацией Нина должна опять пробраться в наше расположение.

Настал назначенный день переброски — 29 нюня.

Под покровом ночной мглы я в сопровождении двуя солдат из дивизионной разведроты повел Нину через передовые траншеи, боевое охранение и посты наблюдения к реке, где в прибрежных кустах была замаскирована лодка. В этом месте под водой от берега к берегу протянута веревка, чтобы при переправе не плескать веслами, а бесшумно подтягиваться по веревке.

Над Северским Донцом взлетали осветительные ракеты, в стороне шла ленивая перестрелка.

Прикрываясь высокой травой и кустарником, мы подползли к лодке и забрались с Ниной в нее. Разведчики с ручным пулеметом залегли за старой корягой, чтобы в случае необходимости прикрыть нас огнем. Вслушиваясь в тишину, я потянул веревку, лодка бесшумно заскользила по воде, и берег растаял в тумане.

Переправились благополучно. Высадившись на вражеский берег, осторожно проползли до опушки леса, где начинался маршрут Новиченко. Здесь наши пути расходились: Нина нырнула в чащу, а я повернул обратно…

Я очень беспокоился за судьбу товарища «Н» (под таким псевдонимом Новиченко фигурировала в штабных документах). Оснований для тревоги было более чем достаточно: в прифронтовой полосе гитлеровцы безжалостно уничтожали всех, кто попадался под руку, да и в тылу подвергали мирное население массовым репрессиям. Надеялся только на ее настойчивость и сильный, мужественный характер.

В ночь с 7 на 8 июля позвонили из отдела «Смерш» дивизии: только что из окопов боевого охранения доставлена товарищ «Н», ее направляют в расположение опергруппы.

Нипа выглядела очень усталой, и я хотел отложить беседу до утра, но то, что она начала рассказывать, заставило немедленно поднять на ноги всю группу.

А поведала женщина вот что.

До Чугуева добралась благополучно и сразу обратила внимание, что город буквально забит вражескими войсками. В доме родственников оказались нежданные постояльцы — солдаты во главе с унтером. Они хлестали водку и бахвалились, что скоро «русским свиньям капут». Из пьяной болтовни на ломаном русском языке Новиченко поняла, что у гитлеровцев на 10 июля назначено наступление.

Сведения были важные, и Новиченко решила срочно доставить их нам. В пути она собрала немало данных о концентрации войск и техники противника и в третий раз пересекла линию фронта.

Проанализировав информацию Нины и сопоставив с данными воздушной и наземной разведки, сел за разведсводку. Начал ее словами: «Товарищ „Н“ сообщает, что…»

Утром, докладывая обстановку, я вручил сводку командиру дивизии. Тот внимательно ознакомился с документом и сказал:

— Это очень важно. Получается, что на направлениях, где фашисты собирают ударные кулаки, у нас мало сил.

Подразделения дивизии спешно перегруппировались, на наиболее вероятных направлениях наступления противника укреплялась оборона.

В 5 часов утра 10 июля на наши позиции обрушился бомбовый удар. После мощной артиллерийской подготовки гитлеровские части бросились в наступление на участках, которые они считали слабозащищеннымп, надеясь на быстрый успех, но встретили хорошо организованную и глубоко зонированную оборону.

Замысел разгромить наше соединение был сорван. Бой длился весь день, фашисты посылали в атаку свежие войска, но дивизия прочно стояла на своих позициях, нанося противнику ощутимый урон.

ВЛАДЛЕН ЛЕВЧЕНКО
«БУРЯ» НА СВЯЗЬ НЕ ВЫШЛА

Все, кто был знаком с Любой Шевцовой до оккупации Краснодона фашистами, подчеркивали одни и те же ее качества: легкий и веселый прав, чрезвычайную общительность! Кажется, уж слишком легко шла она по жизни. Природа, наделила девушку громадным запасом душевных сил. И ей еще ни разу не случалось напрягать их до предела. Оттого вся жизнь казалась непрерывной захватывающей игрой. За какое бы дело она ни бралась, все давалось легко, даже война не вызвала у нее растерянности. И только в нечеловеческом тяжелом испытании, которое выпало впоследствии на ее долю в полную меру раскрылись истинные качества, твердости духа юной героини.

Весна 1942 года еще бурлила недавним разгромом гитлеровцев под Москвой. Но враг далеко не сломлен. Его бронированные кулаки нависали над Донбассом, и Ворошиловградцы с особым вниманием вслушивались в сообщения Совинформбюро о боях «местного значения».

Прифронтовой город жил по законам военного времени. Непривычной тишиной, без таких ранее обыденных заводских гудков начиналось каждое новое утро. Ценное оборудование вывезено, задымленные корпуса пустых цехов начинены взрывчаткой. Но люди не сидят сложа руки. Трудятся на железной дороге, в школах, переоборудованных в госпитали, тысячи, как и в грозном 1919-м, роют в районе Острой Могилы земляные рвы. Враг не должен пройти.

А в противоположной стороне, в восемнадцати километрах от города, на берегу Северского Донца, где до войны пряталась от палящего степного солнца под огромными деревьями база отдыха паровозостроителей, идут занятия. Самые обычные — со звонками, перерывами, зачетами и экзаменами. Здесь работает специальная школа НКВД УССР, созданная еще в октябре 1941 года, а за партами — будущие командиры партизанских отрядов и групп подрывников, разведчики и радисты.

Да, сделано многое, чтобы враг не прошел. И все же надо быть готовыми к худшему, к борьбе в условиях оккупации. Поэтому создаются базы для будущих партизанских отрядов, подпольных и диверсионно-разведывательных групп, способных обеспечить командование Красной Армии достоверной разведывательной информацией, наносить урон живой силе и технике противника. Идет подбор кадров. Но лучшие, самые

опытные — давно на фронте. Потому-то и делается ставка на молодежь, у которой война так резко разделила юность, возложив на еще не окрепшие плечи хозяйскую ответственность за судьбу страны. Партийные и комсомольские организации Ворошпловградской и Донецкой областей направляют в эту школу лучших своих представителей.

Пока неизвестно, как сложится судьба каждого из тех, кто сидит за партами, на этой войне. Будут среди них честно отдавшие свой долг, будут и такие, кто не выдержит испытания, струсит, смалодушничает. Это тоже правда войны. Битва с фашизмом была не только битвой государств и армий, но и противоборством идеологий и моральных принципов. И всякий должен был определить: что значит быть человеком в бесчеловечных обстоятельствах войны? И спор этот в конечном счете решался не словесными аргументами, а оружием, готовностью отдать свою жизнь или, сохранив ее, отнять жизнь у другого.

Первый, самый трудный шаг в своей судьбе Любовью Шевцовой уже сделан. Решено окончательно и бесповоротно: ос место — в активной борьбе с врагом. Пусть пока не на фронте, зато тоже на передовой — в бою за жизнь солдат. Она окончила школу медсестер и проходила практику в Краснодонской городской больнице, переоборудованной в обычный госпиталь.

Разве так уж это легко? И разве посмел бы ее кто-нибудь упрекнуть, пройди она всю войну в госпиталях? Санинструкторы и медсестры даже по самому строгому счету приравнивались к бойцам. У нее же самой к себе был более строгий счет. Услышав от подруг о наборе в специальную школу НКВД, Любовь Шевцова идет в Краснодонский райком партии с просьбой направить ее туда на учебу. И добивается своего.

О подвиге Шевцовой-подпольщицы сегодня написапы книги, сняты фильмы. Другой период, период ее подготовки к этому подвигу, менее известен и даже оброс всевозможными легендами. Да, она, пройдя специальную подготовку, была оставлена чекистами для работы в тылу врага. Но эта работа в том виде, каком замышлялась, была сорвана не по вине разведчицы. И даже если бы та просто «отсиделась» в тылу врага, дожидаясь возвращения своих, никто ие посмел бы поставить бы ей это в вину. Она не отсиделась. Даже, казалось бы, в безвыходной ситуация девушка нашла свое место в борьбе с врагом. Нашла, несмотря на то, что некоторые мужчины — и со знанием и с опытом — считали возможным в силу обстоятельств уклониться от борьбы. Судьба предоставила этим разным людям равные возможности для самовыявления, для того, чтобы выставить все

внутренние аргументы, обосновывающие линию поведения каждого из них, И именно время обнажит истоки характеров этих людей.

Но предоставим слово документам.

28 марта 1942 года вместе со своими сверстницами Панченко и Мозолевой Любовь Шевцова направлена на медицинское освидетельствование в городскую поликлинику. Заключение врачей однозначно: «Здорова. Пригодна для посылки в школу».

31 марта — встреча с начальником Краснодонского райотделения НКВД Козодеровым, который в рапорте о результатах беседы написал: «Своим поведением Л. Шевцова создает впечатление смелого товарища, способного выполнить любое задание. Заявила о своем полном согласии пойти в школу, готовящую радиоспециалистов для выполнения оперативных заданий в тылу противника. Обещала по окончании школы с честью выполнять все задания в борьбе с заклятых врагом, германским фашизмом, быть преданной Родине. Полагаю, т. Шевцова вполне заслуживает зачисления слушателем школы радистов при НКВД УССР».

Тогда же юной патриоткой был составлен лаконичный документ: «Начальнику НКВД от Шевцовой Любови Григорьевны, 1924 года рождения. Заявление. Прошу принять меня в школу радистов, так как я желаю быть радистом нашей Советской страны, служить честно и добросовестно. По окончании этой школы обязуюсь гордо и смело выполнять задания в тылу врага и на фронте. Прошу не отказать в моей просьбе. Шевцова». В архивном деле также краткая, в полстранички автобиография, вместившая всю ее недолгую довоенную жизнь, а следом за ней — комсомольская характеристика: «Выдана Л. Г….. образование — 7 классов, в комсомоле с 1942 года, учащаяся. Является активной, политически устойчивой. Взысканий не имеет. Секретарь РК Приходько».

И вот Люба — курсант спецшколы НКВД. Начались дни напряженной учебы, жизнь по строгому, до предела насыщенному распорядку. Ранний подъем, физическая зарядка под руководством курсанта Ивана Кирилюка. Затем завтрак в столовой и занятия в радиоклассах. Учится в седьмом взводе радиороты у Покотилова, а земляки — братья Левашовы — в пятом взводе у Околовского. В этом же наборе партизанскую науку постигали краснодонцы Щура Иваченко, Мария Козьмина, Володя Загоруйко и другие.

Опытные преподаватели обучали курсантов работе на портативных коротковолновых радиостанциях, прививали навыки шифровки и дешифровки радиограмм. Осваивали личное оружие,

стреляли из нагана и маузера. Занимались парашютной и строевой подготовкой. Причем занимались до изнеможения по 10–12 часов в сутки, старались как можно быстрее усвоить необходимые навыки работы, овладеть искусством разведки. Желание поскорее вступить в борьбу с врагом было настолько сильно, что даже после окончания занятий курсанты нередко просили преподавателей продолжать тренировки или консультации.

Но как бы не было трудно и какой бы не была усталость, молодость брала свое. Поздно вечером шли на танцы под патефон. Здесь Любе не было равных. Матросское «яблочко» в ее исполнении было таким задорным и зажигательным, что лес над Северским Донцом оглушали аплодисменты.

Училась Любовь Шевцова старательно. Все схватывала буквально на лету, быстро усваивала материал. Но был момент, когда у нее и Ивана Кирилюка, сидевшего с ней за одной партой, учеба будто затормозилась, перестала слушаться радиостанция. Встал даже вопрос об их отчислении из школы. Но они сумели собраться, догнать товарищей и успешно завершили учебу.

В начале июня 1912 года было принято решение Любовь Шевцову и еще нескольких радистов включить в сослав разведывательных групп, которые в случае прорыва вражеских войск должны были остаться в оккупированном Ворошиловграде. Поэтому после «выпускного бала», который прошел на той же танцплощадке, она была направлена в одно из подразделений УНКВД, где продолжала отрабатывать линию поведения в тылу противника и совершенствовала навыки работы на радиостанции.

К тому времени обстановка на фронте резко осложнилась. 8 июля, захватив Кадиевский, Сватовский, Кременской, Троицкий и другие районы Ворошиловградчины, гитлеровские войска вплотную подошли к областному центру. Перед чекистами стояла задача в кратчайший срок завершить работу пс формированию разведывательно-диверсиопных групп, в том числе и той, в которую входила Шевцова. Оценивая ее готовность к выполнению задания, начальник подразделения НКВД лейтенант госбезопасности Богомолов писал 9 июля 1942 года: «Шевцова Любовь Григорьевна, подпольная кличка „Григорьева“, окончила курсы радистов в школе НКВД УССР с оценкой „хорошо“. Обладает всеми необходимыми качествами для работы в тылу, а именно: сообразительна, находчива, может выйти из затруднительного положения. Может быть зачислена в группу Кузьмина (условное название группы — „Буря“) для оставления в г. Ворошиловграде».

И вот 11 июля 1942 года подготовка «Бури» для работы в

тылу завершена. Кузьмин встретился отдельно с каждым из включенных в его группу разводчиков — Авдеевым, Акуловой, Демидовым и Никитиным, а также хозяином конспиративной квартиры Чеботаревым и радисткой Григорьевой. В задании группе, утвержденном заместителем начальника управления НКВД майором Решетовым, говорится: «Для поддержания связи с центром вам придается коротковолновая радиостанция и радист Григорьева — т. Шевцова Л. Г., которая нами дополнительно проинструктирована. Станция будет установлена на квартире Чеботарева. Все добытые вами материалы, интересующие нас, и о проделанной работе будете передавать по рации. Перед группой ставится задача вести разведывательную работу в г. Ворошиловграде и прилегающих районах, а именно: 1) информировать нас о политико-экономических мероприятиях, проводимых оккупационными войсками, установленном в городе и районах режиме; 2) выявлять и по возможности уничтожать предателей и изменников Родины; 3) устанавливать места дислокации гестапо, полиции, баз, складов, аэродромов, воинских частей и их штабов и направления их перемещения; 4) политико-моральное состояние войск, их вооружение и национальный состав и т. д.»

Чекисты, занимавшиеся подготовкой группы, заранее позаботились о легализации радистки в Ворошиловграде. И так как она оставалась в городе под своей фамилией и имела на руках подлинные документы, через паспортный стол оформили ей прописку на квартире у Кузьмина как его племянницы, отработали соответствующую легенду.

Последние воинские части покидали город.

В ночь на 15 июля у дома Чеботарева остановился легковой автомобиль. Из него вышли Кузьмин и оперативный работник УНКВД. Они, как было условлено с хозяином квартиры, внесли и спрятали в сарае обернутые в бумагу чемоданчик и несколько пакетов. В них находились радиостанция, два комплекта питания к ней и шифры. Через полчаса машина уехала.

Через год, восстанавливая события тех дней, Кузьмин расскажет чекистам: «На следующий день, 16 июля, я вмеете с радисткой Любой вечером зашел к Чеботареву, чтобы провести осмотр и установить рацию. Однако последний категорически заявил, чтобы мы рацию от него забрали, так как он хранить ее боится. В силу его настойчивых требований я рацию забрал к себе домой. Вместе с Любой мы спрятали ее в печь, сделав для этого специальное гнездо».

На следующий день в город лавиной хлынули вражеские войска. Началась оккупация, длившаяся долгих семь месяцев. Она

станет для многих жителей города, как и членов группы «Буря», серьезным испытанием на стойкость и мужество.

Ветераны, убеленные сединой, утверждают, что мужество — не врожденное качество. Врожденной бывает безудержная отвага. Мужество же — высшая ступень человеческого сознания, как любовь и как мудрость. Оно вызревает в человеке, как вызревает, наливается силой спеющий пшеничный колос. Мужество — это любовь к жизни, такая любовь, что своя, частная судьба становится неощутимой, когда сравниваешь ее с десятками и тысячами жизней других.

…Через неделю после вступления гитлеровцев в город, соблюдая установки, данные ей чекистами, Григорьева стремится наладить связь с главрацией, дислоцирующейся в одном из городов Воронежской области. Ежедневно в 5 часов 30 минут и 23 часа 45 минут по московскому времени она прослушивает эфир и под позывным «314» пытается связаться с ней и передать в центр добытую разведывательную информацию. Но все ее усилия тщетны. Главрация ее пе слышит и на вызов не отвечает. Так продолжается примерно до 10 августа.

Сейчас можно предположить, что мощности портативной коротковолновой станции, которую использовала Григорьева, не хватало для того, чтобы «дотянуться» до своего центра, от которого до Ворошиловграда по прямой более 360 километров. По воспоминаниям других советских радистов, они также испытывали затруднения в установлении связи на такие расстояния с помощью этого типа радиостанции. Понимая, что без связи с Центром работа группы теряет всякий смысл, Кузьмин принимает решение направить через линию фронта в качестве связника-разведчика Авдеева, а Григорьевой, чтобы не рисковать, предлагает на это время покинуть Ворошиловград.

Мать Любы Ефросинья Мироновна Шевцова в мае 1943 года вспоминала: «Люба пришла домой примерно 13 августа. Принесла чемодан с личными вещами. Я спросила ее: „Ты совсем домой пришла?“ Она ответила: „Да, пока совсем“. А спустя полторы недели после этого пошла в Ворошиловград и через три дня возвратилась обратно (примерно 25–27 августа 1942 года)».

Но Авдеев, ссылаясь на плохое состояние здоровья, отказался выполнить приказ старшего группы — отправиться через линию фронта. В такой ситуации через линию фронта должны были быть направлены в качестве курьера Акулова или в крайнем случае радистка Григорьева. Однако Кузьмин этой возможностью не воспользовался. Он уничтожил радиостанцию и 19 августа покинул город. Так Любовь Шевцова осталась без рации, а группа была обречена на бездействие, так как разведчики по условиям

конспирации не знали друг друга.

Позже, объясняясь с сотрудниками УНКВД, Кузьмин заявил: «Прийдя к выводу, что в городе оставаться небезопасно, я решил разбить радиостанцию и выехать из города. Питание и другие принадлежности к ней я сжег, а рацию бросил в уборную. Шифры и коды зарыл у себя во дворе. Вместе с женой я выехал в село Закотное Новопсковского района Ворошиловградекои области, где и проживал до освобождения этого района Советской Армией. После отъезда из города я Любу не видел н восстановить с ней связь не пытался».

Проведенным разбирательством было установлено, что опасения Кузьмина не имели оснований. Гитлеровцы впервые проявили к нему интерес лишь 10–11 января 1943 года, спустя четыре с половиной месяца после его ухода из города, как к хозяину квартиры, где была прописана Л. Шевцова, то есть, уже после ее ареста.

Через некоторое время после бегства Кузьмина из города Люба дважды приходила на оставленную им квартиру и в беседах с его престарелыми родственниками интересовалась где он. Однако, зная адрес, те его не назвали. В один из своих приездов 25 или 27 августа Шевцова оставила для Кузьмина письмо: «Я была у вас, но вас дома нет. Что у вас, плохое положение? Но все должно быть так, как положено, — цело и сохранено. Если будет плохо вам жить, то попытайтесв пробраться ко мне, у нас насчет харчей гораздо лучше. Может быть, я должна скоро быть здесь, пока не договорюсь, как быть. А до моего разрешения ничего не делайте. Я, может быть, увезу или унесу поодиночке все свое приданое. Если ко мне приедете, то мой адрес: г. Краснодон, улица Чкалова, дом 26, Шевцова Л.».

Из содержания письма видно, что Шевцова просила при всех обстоятельствах сохранить радиостанцию, которую намеревалась по частям перевезти в Краснодон, куда приглашала и старшего группы, намекая на благоприятные условия для разведывательной работы. По воспоминаниям матери Л. Шевцовой, каждый месяц раза четыре Люба ходила в Ворошиловград, где находилась 3–5 дней и возвращалась обратно. Из дома она уходила одна и возвращалась тоже одна. Свои поездки объясняла тем, что едет за солью, а то просто говорила, что едет перепрятываться от гитлеровцев, чтобы не отправили в Германию. Последний раз Шевцова приезжала к Кузьмину в ноябре 1942 года, после чего, видимо, потеряв всякую надежду встретиться с ним, больше на его квартире не появлялась.

Центр, обеспокоенный длительным молчанием группы,

усиливает внимание в эфире. С 10 августа 1942 года радисты Ладыгина, начальника подразделения связи НКВД, ежедневно в установленное для сеансов связи время слушают ее позывные. Однако это не приносит желаемого результата. Рация «Бури» молчит, хотя со дня оставления группы в тылу уже прошло три с половиной месяца. Не прибыл и курьер, которого Кузьмин в таком случае обязан был направить через линию фронта. В этой ситуации руководство принимает решение о подготовке к заброске в тыл опытного связного Михайлова. Перед ним ставится задача связаться со старшим группы, получить от него отчет о проделанной работе, передать питание к рации и указания на дальнейшее. И вот его подготовка завершена. Усвоено задание, уточнены легенда, маршрут движения и порядок работы разведчика в тылу, явки, пароли для свизи с Кузьминым и членами его группы. В случае его отсутствия Михайлов должен отыскать разведчика Демидова в Малой Вергунко или радистку Шевцову и через них выполнить задание. Наконец в ночь на 29 октября много повидавший на своем веку «дуглас» благополучно поросок линию фронта, и Михаилов был выброшен на парашюте в 33 километрах восточнее Ворошиловграда, между населенными пунктами Макаров Яр и Давыдовка. При себе он имел два комплекта питания к радиостанции. На выполнение задания отводилось тридцать суток.

Побывав в Ворошиловграде и на запасных пунктах связи, в селах Поповка и Успенка, куда, в случае угрозы провала, Должен был переехать Кузьмин, связник его не обнаружил. Задача усложнилась. В начале декабря 1942 года, действуя по запасному варианту, Михайлов разыскал в Ворошиловграде и установил связь с разведчиком Демидовым. Пробыв у него три дня, использовав последнюю попытку найти с его помощью Кузьмина, ушел в сторону линии фронта.

Уже после освобождения области, анализируя причины бездействия группы «Буря» и провалы советских разведчиков, оставленных на оккупированной территории, чекисты установили, что многие из них были преданы Шпаком, выпускником Ворошиловградской спецшколы, переметнувшимся на сторону врага. За Любой Шевцовой, как и за другими нашими разведчиками, охотилась агентура передового поста вражеской контрразведки «Мельдекопф-Тан», входившего в состав штаба «Валли-3» из ведомства адмирала Канариса. Разоблаченный чекистами агент этого гитлеровского контрразведывательного органа Шаповалов в ходе следствия в апреле — мае 1943 года показал: «В списке разыскиваемых советских разведчиков было

примерно человек семь, в том числе Светличный, Цыганков, Филатов, Панченко Валя, Шевцова Люба и другие, которых сейчас не помню. Задание от Тана (руководитель „Мельдекопф-Тана“) по розыску радистов Шевцовой и Панченко в октябре 1942 года получил агент Шпак, знавший их в лицо. К их розыску был привлечен и я. Вместе с ним мы ходили по базару и улицам в надежде встретить их. Примерно через десять дней (в начале ноября 1942 года) Тая и его заместитель Куно вызвали нас на одну из конспиративных квартир по ул. Карла Маркса в Ворошиловграде. Мы их проинформировали о том, что нам пока не удалось установить разыскиваемых и мы продолжаем поиск. Дополнительных заданий мы не получали».

Арестовали же Любу на квартире ее матери в Краснодоне 1 января 1943 года как члена штаба «Молодой гвардии». Ефросинья Мироновна Шевцова вспоминала: «1 января к нам на квартиру пришел полицейский вместе с чернявым, круглолицым, полным, среднего роста мужчиной 35 лет. Был он в штатском костюме черного цвета, пальто с черным барашковым воротником и такой же шапке. На нем были черные валенки. Любы дома не было. Тогда забрали меня и повели по улице, где встретили Любу. Меня отпустили, а ее увели. Через 2 часа ее привел домой полицейский Лукьянов. Она переоделась, взяла документы, продукты, сумку и сказала, что ее отправляют в Ворошиловград. Когда Люба переодевалась в ванной, полицейский сидел в комнате, я вышла к ней, и она мне сказала, чтобы все бумаги, которые лежат в ее чемодане, я сожгла, что я и сделала после их ухода. На следующий день после ареста дочери полиция на квартире сделала обыск, но ничего не обнаружила. На третий день я узнала, что Любу содержат в полиции Краснодона».

Дальнейшая судьба Героя Советского Союза Любови Григорьевны Шевцовой известна из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» и многих публикации в прессе.

«Буря» на связь не вышла. Причин тому несколько. Однако, оценивая действия Любови Шевцовой, нельзя не восхищаться стойкостью и мужеством юной патриотки, до конца выполнившей свой долг перед партией и народом.

ДМИТРИЙ ЕРОВАР
ЮЖНЕЕ КРАКОВА
Главы из одноименной повести

В шахтерском городе Стаханове живет старик. Здесь его знают как рядового ветерана партии, войны и труда, скромного человека.

А в Польше он — национальный герой. Там о советском разведчике написаны книги, сложены стихи, его имя называют в ряду виднейших деятелей польского движения Сопротивления периода второй мировой войны.

В Наркомате государственной безопасности УССР Николая Алексеевича Казина считали погибшим. Поэтому, когда он весной 1944 года «воскрес», все были приятно удивлены.

Верилось и не верилось, что это тот самый Казин, который до войны работал в наркомате на ответственной должности, был награжден орденом «Знак Почета». За два с половиной года внешне он почти не изменился, разве что каштановые волосы припорошило инеем первой седины да глубже прорезались морщинки на лбу, а взгляд голубых глаз из-под густых бровей стал еще внимательнее.

Товарищи обнимали его — высокого, крепко сбитого, жали руку, поздравляли с «воскрешением», расспрашивали о военных дорогах. Не любивший быть в центре внимания, Казин стоял перед ними немного растерянный и смущенный.

О себе рассказывал, как всегда, скупо, лаконично. Мол, за это время ничего интересного, из ряда вон выходящего с ним не случилось. Войну начал на западной границе в составе 31-го стрелкового корпуса. С боями отступал к Киеву, участвовал в обороне города.

В сентябре сорок первого под Пирятином его назначили командиром отдельного ударного отряда, сформированного из пограничников. Отряд должен был прикрывать штаб и военный совет Юго-Западного фронта от ударов моторизованных частей 2-й танковой группы генерала Гудериана.

После нескольких жестоких схваток с гитлеровцами от отряда осталась пятая часть — около 40 человек. На берегу реки Удай Казина тяжело ранило. Потерял сознание и очнулся лишь на следующий день. Вокруг только погибшие пограничники. Решил: не сдаваться, лучше смерть! Потянулся к кобуре… пустая.

Пистолет, часы и кожанку забрали фашисты. Около полудня в степи появились подводы местных крестьян.

— Вы командир-пограничник? — спросил один нз прибывших — Вас надо скорей переодеть. Командиров, комиссаров, моряков и пограничников фашисты расстреливают. — И кликнул напарника: — Микола! Давай сюда. Надо помочь командиру…

Вместе с другими ранеными Казина доставили в село Ковали, под Чернухами, где находился так называемый сортировочный пункт военнопленных.

Навсегда запомнилась здешняя трагедия: оккупапты расстреляли несколько тысяч беспомощных, безоружных бойцов и командиров.

Когда Казина притащили на допрос и долговязый вражеский офицер, ощупывая его оловянными глазами, спросил звание и фамилию, Николай Алексеевич уверенно ответил: «Боец саперного батальона Виктор Клименко».

Поверили ему фашисты или нет, но вместе с другими ранеными бросили в свнаарник на холодный цементный пол без пищи и воды. После такого «лечения» многих вынесли оттуда мертвыми.

Казин был среди выдержавших эти муки. Некоторое время спустя пленных перевели в так называемый Лохвицкий «госпиталь», размещавшийся в бывшей сродней школе. Здесь, как и в Ковалях, не было никакой медицинской помощи. У Казина гноились раны на ногах. Врач из военнопленных сказал ему, что может развиться гангрена, и тогда единственное спасение — ампутация.

Но молодой организм победил. Прошло время, и раны затянулись. Казин начал подниматься, на костылях ковылял на школьный двор. Потом — первые знакомства с местным населением, первые контакты с патриотами. Они не открылись ему, не назвали подлинных фамилий. Просто на совесть делали свое патриотическое дело: на бланках, отпечатанных на русском и немецком языках, ставили нужные имена и передавали их военнопленным для использования.

Такой пропуск на имя Виктора Клименко патриоты передали Казину. В документе было указано, что его предъявитель — бывший военнопленный — следует на лечение по месту жительства своих родственников. Документ давал право передвижения по оккупированной территории только в западном направлении.

В ночь под рождество 1942 года, когда персонал «госпиталя» ушел праздновать, а полицаи-охранники перепились и горланили песни, Казин скрылся из Лохницы.

После долгих скитаний оказался в городе Староконстантинове, на Подолье. Знакомые устроили его на работу, помогли установить контакт с партийным подпольем. С приближением линии фронта подпольщики переправили Казина в партизанское соединение Одухи… И вот снова он в Киеве.

…Подполковник Сидоров — начальник одного из управлений Наркомата государственной безопасности УССР — принял Казина тепло, по-дружески. Расспросил, как тот устроился с жильем, не нуждается ли в чем. Внимательно выслушал рассказ о деятельности коммунистического подполья в условиях гитлеровского оккупационного режима, о фашистских карательных службах. На прощание сказал:

— Отдохните, напишите подробный отчет о проделанной работе в тылу врага. Потом вас вызовем.

Скоро Казина опять пригласили к подполковнику Сидорову, где уже был хорошо ему знакомый по совместной довоенной работе чекист Алексей Андреевич Друмашко — высокий худощавый молодой человек с чуть пробивающейся сединой на висках.

— Как отдохнули? Удалось ли отыскать семью? — обратился подполковник к Казину.

— Жена с дочкой сейчас в Узбекистане, я с ними переписываюсь, — ответил Николай Алексеевич.

Выслушав и Друмашко, Сидоров перешел к главпому разговору.

— Мы формируем специальную разведывательно-диверсионную группу под кодовым названием «Валька», что в переводе с польского означает «Борьба». Вас, товарищ Казин, назначаем командиром, а вас, товарищ Друмашко, — комиссаром, заместителем командира по политической части. Оба вы имеете определенный опыт работы в тылу врага и навыки конспирации. Начнете с подбора людей. Сначала — анкетное изучение, потом — личные встречи, собеседования. Отбирайте самых необходимых.

Казин и Друмашко переглянулись.

— Если мы правильно поняли, группа будет выполнять задание на территории Польши? — поднялся Николай Алексеевич.

— Да, вы не ошиблись, — подполковник жестом велел Казину сесть. — Победоносное наступление Красной Армии на всех фронтах вызвало новую волну антифашистского национально-освободительного движения в оккупированных странах, в частности в Польше. Это, так сказать, одна сторона интернациональной миссии советского народа. Но мы призваны

сделать больше. В начале нынешнего, 1944 года делегация польской Крайовой Рады Народовой договорилась с правительством СССР о помощи польскому партизанскому движению инструкторами минно-подрывного дела, оружием, боеприпасами, снаряжением. По просьбе командования 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов с Украины в Польшу направляются специальные организаторские, разведывательно-диверсионные группы. «Вальке» предстоит быть одной из них и действовать южнее Кракова.

Подполковник сделал паузу, а потом продолжил:

— Понятно, сама по себе группа долго просуществовать не сможет, да и особой пользы от нее не будет. Вы создадите небольшой, но сильный и мобильный партизанский отряд, который вас будет прикрывать.

— Из кого комплектовать отряд? — спросил Друмашко.

— Ваше пополнение — беглецы из плена, концентрационных лагерей. В подавляющем большинстве это честные советские люди, по разным причинам попавшие в Германию, Чехословакию, Польшу. В условиях глубокого вражеского тыла полностью проверить их невозможно. Стало быть, придется доверять и одновременно проверять.

Сидоров внимательно посмотрел на Друмашко и Казина:

— На вас возлагается воспитательная, массово-политическая работа среди бойцов и командиров будущего разведывательно-диверсионного отряда. У вас не будет в обычном смысле штаба, хозяйственной части, медсанбата. Легкораненым надо лечиться при отряде, а тяжелораненых придется устраивать у местных жителей, крестьян. Оружием, боеприпасами обеспечим. Продовольствие и обмундирование будете добывать у врага. Таковы основные принципы.

— В чем же конкретно заключается наша задача? — не выдержал Казни.

— Задача группы — разведка, диверсии на транспортных коммуникациях стратегического значения, пролегающих южнее Кракова. Вы должны парализовать движение на железных и шоссейных дорогах, по которым гитлеровское командование доставляет на фронт силы, технику, боеприпасы. Одновременно будете помогать польским силам Сопротивления бороться против фашистов.

Сидоров подошел к окну, выходившему на улицу Владимирскую, открыл его настежь. В помещение ворвался шум города, повеяло чистым, ароматным воздухом.

— Нас интересует дислокация немецко-фашистских воинских частей и соединений в районе Кракова, система оборонительных

сооружений вокруг этого города и на левобережье Вислы и других рек, текущих с Высоких и Низких Бескидов. Ставлю также специальную задачу: в Вавельском замке в Кракове устроил свое логово наместник Гитлера в Польше Ганс Франк. Если не удастся взять его живым — уничтожить! Вопросы будут?

В тот же день Казин и Друмашко побывали у руководителей наркомата. Из продолжительных бесед они поняли, что положение в оккупированной гитлеровцами Польше сложное. Фашистские захватчики создали в стране сеть концентрационных лагерей. Значительную часть населения насильственно вывезли на каторжные работы в Германию. Однако, несмотря на жестокий террор, трудящиеся все активнее борются против поработителей. В авангарде движения Сопротивления идет Польская рабочая партия (ППР). В ноябре 1943 года она выступила с декларацией, в которой изложила идею объединения всех патриотических сил народа для борьбы против немецко-фашистских оккупантов и установления после их изгнания народно-демократического строя.

В конце того же года по инициативе ППР и при поддержке Национально-патриотического фронта было создано общепольское народно-демократическое представительство — Крайова Рада Народова (КРН). 1 января 1944 года КРН приняла декрет о создании Армии Людовой (АЛ), в состав которой вошли отряды Гвардии Людовой, народной милиции, Рабочей партии польских социалистов и подразделения Батальонов крестьянских. Это положило начало новому этапу национально-освободительной борьбы польского народа.

Крайова Рада Народова и командование Армии Людовой установили непосредственный контакт с Советским правительством, Союзом польских патриотов и созданными на территории СССР польскими вооруженными силами. Союз польских патриотов признал КРН единственным и высшим представительным органом польского народа и подчинил ей польские вооруженные силы на советской территории. Благодаря этому стало возможным постоянное сотрудничество главнокомандования Армии Людовой с недавно созданным Войском Польским и Красной Армией. В мае 1944 года при командовании 1-й Польской армии в СССР был организован польский партизанский штаб, который стал органом управления Польскими партизанскими силами на оккупированной территории и их снабжения. Советский Союз оказывал польскому движению Сопротивления помощь оружием, боеприпасами.

Однако кроме Армии Людовой на территории Польши существовала еще одна вооруженная организация — Армия

Крайова (АК), подчиненная непосредственно польском эмигрантскому буржуазному правительству в Лондоне. Ее руководители — ярые реакционеры — стремились во что бы то ни стало восстановить буржуазно-помещичьи порядки.

Эмигрантское правительство в Лондоне принимало все возможные меры, чтобы затормозить национально-освободительное движение. Так, 9 января 1944 года руководство реакционного подполья Польши с целью создания политического противовеса КРН объявило об организации так называемой «Рады едности народовой». А в феврале того же года был образован «Общественный антикоммунистический комитет». Реакционные элементы во главе с главнокомандующим вооруженными силами эмигрантов К. Сосновским и руководство Армии Крайовой в Польше поставили вопрос о подготовке всех сил к вооруженному сопротивлению советским войскам, в ряде районов уже приблизившимся к польским границам.

Главнокомандующий Армией Крайовой Бур-Коморовский прямо заявил, что не считает Советский Союз военным союзником, и нужно, мол, готовиться к вооруженному противодействию советским войскам, которые вступят на территорию Польши. Прикрываясь демагогическими фразами о «защите населения от подрывных элементов», руководители АК и от кровенно профашистской организации ПЗС (так называемых «Национальных збройных сил»), отряды которой в март 1944 года были частично включены в Армию Крайову, развернули террор против прогрессивных сил польского народа.

Однако преобладающую часть солдат и рядовых членов АК составляли честные поляки, ненавидевшие оккупантов н наперекор своему командованию искавшие контакты с патриотическими силами движения Сопротивления, участвовали в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Обо всем этом командир и комиссар будущего партизанского отряда «Валька» были обязаны знать, чтобы правильно ориентироваться и вести разъяснительную работу сред своих бойцов и польского населения.

Отобранные Казиным и Друмашко десантники — организаторская группа отряда «Валька» — прибыли на полевой аэродром под Житомиром. Казин с удовлетворением оглядел людей, отметив про себя: храбрые, преданные, честные, имеющие опыт работы в тылу врага.

Вот их имена: Ревуцкий Василий Семенович, 29 лет, крестьянин с Житомирщпны, в недавнем прошлом командир партизанского отряда имени Калинина, а ныне заместитель

командира «Вальки» по разведке; Ужвий Ависентий Игнатьевич, 33 года, крестьянин с Волыни, бывший боец Черниговско-Волынского объединения партизанских отрядов, которым командовал знаменитый А. Ф. Федоров; Мельниченко Наталья Арсентьевна, 20 лет, радистка, несколько раз в составе разведывательно-диверсионных групп высаживалась в глубокий тыл гитлеровцев; Гринчишин Владимир Данилович, 26 лет, крестьянин со Львовщины, бывший сотрудник районного отделения Наркомата внутренних дел, отлично знает материальную часть радиостанции, бегло работает «на ключе», хорошо владеет польским языком; Корнейчук Владимир Михайлович, ровесник Мельниченко, боец-разведчик и подрывник, бывший партизан.

Командир подумал, как стремительно пронеслись сорок дней тренировок. За это время его люди научились поражать цель с первого выстрела, бесшумно снимать часового, ориентироваться на местности днем и ночью, в степи и в лесу, с картой и без карты, по компасу и без него, пользоваться разными видами минных устройств.

Десантники прошли также курс специального обучения, на совесть проштудировали польский язык. По приказу командования из чисто конспиративных соображений с первых минут приземления все должны общаться только по-польски, а командиров называть лишь псевдонимами: Казин — подполковник Калиновский, Друмашко — майор Стасик.

В ночь на 27 июля 1944 года «Валька» покинула Житомир. Транспортный самолет быстро набрал высоту и взял курс на запад.

Ночь выдалась удивительно ясной, звездной.

Через 10–15 минут полета командир корабля предупредил:

— Встречным курсом приближаются вражеские бомбардировщики. В случае чего будьте наготове!

Десантники поправили лямки парашютов, проверили крепление оружия и снаряжения.

Время шло в напряженном ожидании. Но вот командир летного экипажа сообщил:

— Пока проскочили незаметно, но впереди зенитный заслон!

Вражеские зенитчики, словно бы давно поджидая советский самолет, открыли бешеный огонь. Тяжелую металлическую птицу несколько раз качнуло взрывной волной, по крыльям и фюзеляжу забарабанили осколки.

Гринчишин взглянул в холодный кружочек иллюминатора: то тут, то там багровели вспышки разрывов снарядов. Однако

машина, не меняя курса, продолжала полет навстречу огненному заслону.

Наконец линия фронта осталась позади. В салоне царило оживление. Разведчики Василий Купцевич и Эмиль Шрек, которым предстояло выполнять специальное задание Центра, начали было рассказывать веселые истории из своей жизни, однако штурман подал команду: «Приготовиться к прыжку!»

Десантники подтащили к люку парашюты с грузом. Казин построил группу возле пока закрытой дверцы трапспортника, еще раз напомнил условный сигнал сбора.

В парашютах будет действовать принудительная система раскрытия — они зацеплены карабинами за направляющий трос.

Мигнули красные сигнальные лампы, раздались прерывистые гудки: ту-ту-ту!

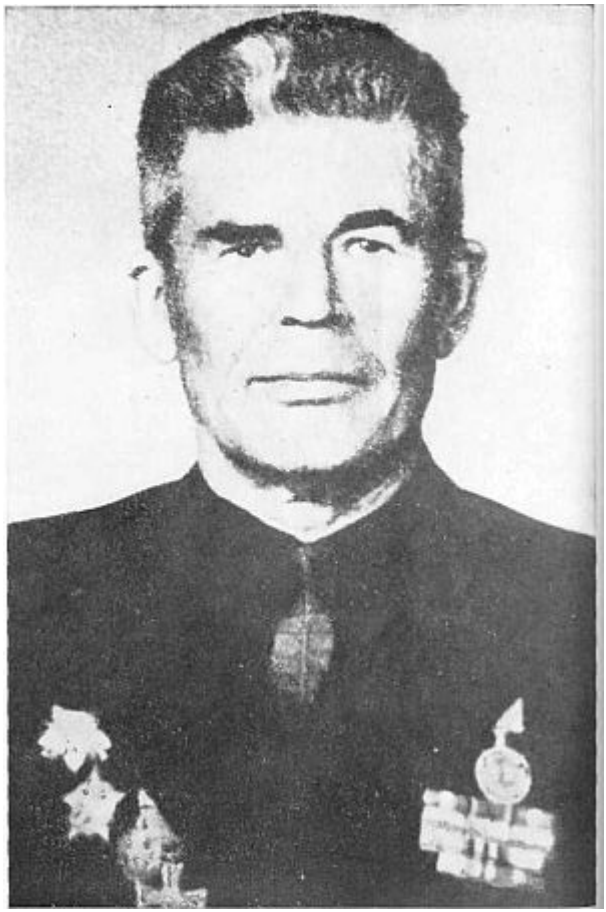
Штурман рванул дворцу на себя. В салон самолета ударила тугая волна встречного потока воздуха. Вниз полетели мешки с грузом. Потом один за другим нырнули в ночную бездну десантники…

Казин подготовил текст радиограммы, и Гринчишин передал в Центр:

> «8.08.1944. Алексею.[5]
>
> Вдоль цепи Малогоских гор, по берегам реки Пилица, в районе Конецполя противник ускоренными темпами возводит линию оборонительных сооружений. Работами руководит специальный штаб ТОДТ и вспомогательная воинская часть, дислоцирующаяся вблизи железнодорожной станции Пекошув. Па строительство оборонительных сооружений оккупанты сгоняют население окрестных сел и городов.
>
> *Калиновский».*

Это первая весьма важная разведывательная информация «Вальки» в Центр. К тому времени Красная Армия развернула наступательные бон на территории Польши, и командованию необходимо было знать, что происходит к тылу врага.

Дмитрий Николаевич Медведев



Николай Алексеевич Казив

Виктор Васильевич Катырев

Борис Яковлевич Саннинский

Иван Яковлевич Рысенко

Иван Алексеевич Собко

Геннадий Дмитриевич Лемцов

Анатолий Арсентьевич Моисеев

Алексей Сергеевич Борисов

Мушег Соломонович Габриэльян

Виталий Степанович Парфиленко

Александр Ефимович Решетников

Сергей Степанович Терещенко

Любовь Шевцова (средний ряд, 1-я слева) с друзьями

Чекисты управления госбезопасности ведут патриотическую работу с молодежью области. На снимке: подполковник в отставке А. Д. Малин беседует с учащимися СШ № 24 города Ворошиловграда

Стали доброй традицией встречи чекистов с трудящимися. На снимке: полковник в отставке В. С. Парфиленко с членами бригады проходчиков шахты «Ворошиловградская-1»

В конце дня Гринчишин принял радиограмму из Центра:

> «8.08.1944. Калиновскому.
>
> Передислоцируйтесь юго-западнее Кракова в район лесов Седлешовице — Прадла. Не прекращать разведку. Парализовать движение на железных дорогах Краков — Кельце, Катовице — Кельце.
>
> *Алексей».*

Временно «Валька» размещалась в сосновом лесу недалеко от базы польского партизанского отряда Юзефа Маслянко, входившего в состав Батальонов крестьянских. Он помогал советским разведчикам делать первые шагн во вражеском тылу, делился сведениями об обстановке в районе, передал на пополнение группы отделение бывших военнопленных красноармейцев во главе с узником концлагеря Освенцим Николаем Трояном.

Перед выходом на маршрут Казин и Друмашко решили еще раз встретиться с командиром польского отряда.

Юзеф Маслянко тепло приветствовал гостей. Кстати, у него находились командир формирований Армии Людовой Краковского округа полковник Францишек Кинжарчик (Михаль) и секретарь Краковского окружного комитета ППР Владимир Завадский (Ясный). Ни один, ни другой во время той встречи, разумеется, не назвали свои настоящие фамилии и должности в партийном руководстве и польском движении Сопротивления. Псевдонимы раскрывались уже после освобождения Польши от оккупантов.

Разговор был долгим и доверительным. Руководители движения Сопротивления юга Польши дали командирам «Вальки» детальную информацию, сориентировали в окружающей обстановке, которая в тот момент была достаточно сложной. В городах и селах, вблизи железных и шоссейных дорог дислоцировались специальные карательные и регулярные части гитлеровцев. С ними тесно сотрудничали, а кое-где и вместе орудовали наиболее реакционные формирования Армии Крайовой — подразделения так называемых «Национальных збройных сил». Тут также бесчинствовали бывшие полицейские, жандармы, старосты, под натиском Красной Армии бежавшие сюда с освобожденной от оккупантов территории Белоруссии и Украины.

В конце разговора Казин попросил у польских товарищей помощи на время передислокации.

Маслянко выделил из состава своего отряда 18 бойцов, пожелавших действовать вместе с советскими партизанами. В основном это были поляки и бывшие военнопленные. Кроме того, для разведки Маслянко придал русским отделение из 12 бойцов под командованием подпоручика Яна Тжаски (Гутека).

Утром 9 августа отряд Калиновского выступил в поход, держа направление на городок Тжонув. Небо хмурилось. Песчаная дорога вилась хвойными лесами и перелесками. Села и хутора попадались редко. Оккупантов люди не видели давно. Казалось, этого глухого уголка польской земли война вообще не коснулась. Повсюду — тишина и покой…

Казин понимал, что окружающая тишина обманчива. В селах, через которые проходили партизаны, он не раз перехватывал взгляды притаившихся за оградами мужчин и женщин. Конечно же, в каждом селе есть староста или полицейский; и не может быть, чтобы кто-то из них не донес оккупантам о передвижении отряда.

Предчувствие командира «Вальки» сбылось. На закате вернулись разведчики и доложили, что возле города Гжонув они видели три автоманншы с карателями, остановившимися на привал. Как сообщили местные жители, гитлеровцы движутся на уничтожение партизан.

— Сколько их? — спросил Казин.

— Приблизительно около полусотни, с пулеметами.

— Всем на опушку! Занять оборону! — распорядился Казин и, разместив партизан на выгодных позициях, приказал: — Подпустить как можно ближе, без моей команды не стрелять!

Бойцы залегли в дренажной канаве, протянувшейся вдоль юго-западной опушки, замаскировались и приготовились к бою. Все взоры были прикованы к дороге, откуда должны появиться каратели.

Наконец, вздымая шлейф пыли, из-за пригорка вынырнула тупорылая автомашина, за ней вторая, третья. Метрах в пятистах от леса грузовики остановились. Каратели, как горох, посыпались из кузовов. Долетали гортанные команды.

По всему видно было, что оккупанты знали о немногочисленности партизан, а потому готовились к бою, словно на тактических занятиях.

Развернувшись цепью, гитлеровцы двинулись на позиция отряда, открыв огонь из автоматов и пулеметов. Над головами бойцов «Вальки» среди еловых ветвей захлопали разрывные пули. В лесу взрывались мины, выпущенные карателями из установленного около грузовика миномета.

Партизаны молчали. А когда расстояние между ними и карателями сократилось до двухсот метров, Казин скомандовал открыть огонь. Каратели на мгновение растерялись.

Руководя боем, Казни следил за поведением партизан и мысленно отметал: «Молодцы! Держатся мужественно!» Пример показывали комиссар Друмашко, коммунисты Ревуцкий, Ужвий, Гринчишин, комсомольцы Корнейчук и Мельниченко. Стойко держала оборону группа Николая Грояна. Легко взлетал тяжелый «дегтярь» в руках коренастого Андрея Концедалова. Умело маневрируя, Андрей быстро менял огневые позиции, прижимал к земле фашистов, не давал вражеским минометчикам возможности пристреляться.

Опомнившись, каратели снова бросились в атаку. Правым крылом они достигли опушки. Двигался вперед и их левый фланг. Это угрожало партизанам окружением. Бойцы группы Яна Тжаски, отстреливаясь, начали отходить.

— Концедалов, на правый фланг! — распорядился Казин. — Прижать фашистов, не дать им поднять голову!

Вскоре пулемет Концедалова застучал на правом фланге. Ян Тжаска повел своих бойцов в контратаку. Это озадачило карателей, и они попятились. Воспользовавшись удобным моментом, командир поднял партизан и выбил фашистов из леса.

Оставив десяток убитых, гитлеровцы в панике отступили к грузовикам, из которых моторы завелись только у двух, и поспешно улепетнули в сторону Тжонува.

Партизаны подобрали на поле боя свои первые трофеи. В кузове автомобиля обнаружились цинковые ящики с патронами, гранаты, банки тушенки, которыми «Валька» пополнила запасы. Машину подорвали. Отряд имел потери: два бойца из группы Яна Тжаски погибли, а троим раненым Наташа сделала перевязку.

Покинув поле боя, партизаны двинулись в лес. Через некоторое время Казин построил личный состав и объявил бойцам благодарность за мужество и отвагу.

— Можно считать, это была генеральная репетиция боевых действий нашего отряда, — подытожил командир. — Наш первый экзамен мы выдержали с честью…

Наступила тишина. Мгновение спустя Николай Алексеевич громко проговорил:

— Командир отделения Тжаска, выйти из строя!

Четко печатая шаг, Тжаека подошел к командиру «Вальки». Приблизившись к куче трофейного оружия, Казин сказал:

— Это вам, дорогие побратимы, на память. Возьмите себе эти винтовки и автоматы. Теперь можете возвращаться в свой отряд, дальше мы пойдем сами.

— Большое спасибо, пан командир! — вытянулся в струнку Тжаска. Оружия в отряде Батальонов крестьянских очень не хватало.

После прощания с бойцами «Вальки» отделение Яна Тжаски тронулось в обратный путь.

— Стой! Кто идет? — окликнули из темноты по-польски. Ревуцкий, шедший в головном дозоре, вступил в переговоры:

— Свои, пропустите!

— Прошу подойти ко мне! Разведчики приблизились к неизвестным.

— Поручик Пазур! — представился один из мужчин… — Отряд Батальонов крестьянских. Вы русские?

— Да, советские партизаны.

— Сочту за честь лично познакомиться с вашим командиром.

…После того, как железную дорогу — главную преграду на пути к квадрату Седлошовице-Прадла — преодолели, Казин разрешил бойцам отдыхать, а сам вместо с комиссаром решил

ближе познакомиться с Пазуром — поручиком Томашем Андрияновичем.

— Мне доложили, что в этом направлении двигается какой-то русский отряд. Поэтому я сам вышел па заставу: интересно было узнать, кто это пожаловал в наши места, — сказал поручик, приятный молодой человек, манерой разговора и интонациями напоминающий Юзефа Маслянко.

— Много ли здесь гитлеровских гарнизонов? — закуривая, спросил Казин.

— В этом районе, по крайней мере сейчас, нет крупных сил врага, — ответил Андрияпович. — Откатились к Кракову, к Катовице.

— Русские в вашем отряде есть?

— Да, несколько человек.

— Может, отдадите их нам?

— Если они пожелают, пожалуйста. Хотя, откровенно сказать, мне жаль их лишиться.

…На следующее утро к месту временного расположения «Вальки» в сопровождении поручика прибыла группа бойцов. Представились: лейтенант Михаил Панфилов, рядовые Николай Пономарев, Василий Пискунов, Иван Линченко и Петр Шпак. Каждый из них кратко рассказал о своем прошлом, где служил, где воевал, при каких обстоятельствах; попал в плен, как удалось бежать, как оказался в польском партизанском отряде.

— Что думаете делать дальше? — поинтересовался Казин.

— Очень просим: примите нас к себе! Если умирать в бою, то рядом с родными братьями, — сказал голубоглазый лейтенант Панфилов.

— Вопрос ставите неверно. Пусть умирают фашисты, а мы должны жить, товарищ лейтенант, — ответил Казин.

После беседы с прибывшими командир распорядился зачислить всех в списки личного состава «Вальки».

Днем партизаны отдыхали, занимались хозяйственными делами. Ревуцкий организовал учебу по минно-саперной подготовке. Друмашко инструктировал заместителей командиров групп по политической части Авксентия Ужвия и Владимира Корнейчука. Он пересказал им последние известия о положении на фронтах; еще роз напомнил: каждый боец должен знать, какое значение имеют диверсии на транспортных коммуникациях противника для успешного развития наступательных операций Красной Армии, посоветовал, как лучше все это донести до каждого бойца.

Следующие четыре дня «Валька» продолжала двигаться в южном направлении параллельно железной дороге Кельне —

Катовице. Потом повернула на север.

10 августа отряд Калиновского прибыл в лесной массив Седлешовице-Прадла. С новои базы состоялся сеанс радиосвязи с Центром.

Разведгруппе удалось установить связи с польским патриотическим подпольем на ряде станций и в пристанционных селах. Внимание разведчиков привлекло интенсивное движение поездов на всех магистральных направлениях, особенно на железнодорожный узел Белъско-Бялу.

Казин немедленно информировал Центр. Сообщил также, что в районе города Макув-Подгалянский базируется отряд Армии Крайовой, командир которого Тадеуш Мазурксвич (майор Борута) настроен патриотически и проявляет интерес к взаимодействию с советскими партизанскими отрядами.

«15.09.1944. Калиновскому.

Железные дороги из Словакии на Краков — окно на Восточный фронт. Необходимо срочно его закрыть. О принятых мерах докладывайте.

Алексей».

В соответствии с поставленной задачей командир и комиссар разработали план операции под кодовым названием «Окно на восток». Суть плана состояла в том, что на одно из магистральных направлений железной дороги шли одновременно несколько групп. Осуществляемые ими по принципу цепной реакции диверсионные акты должны создать впечатление, что в глубоком тылу фашистов действуют десантные части Красной Армии.

Не прекращая разведывательно-диверсионную деятельность, «Валька» завершала формирование партизанского отряда и наряду с этим выполняла ответственную задачу: принимала на свою базу другие разведывательно-диверсионные группы, десантировавшиеся в тыл, ориентировала их в окружающей обстановке, сопровождала к местам базирования.

«Валька» активно осуществляла задание Центра в рамках операции «Окно на восток». Не успели фашисты опомниться от ударов, нанесенных ее диверсионными группами, на перегоне Живец — Суха, а Казин и Друмашко по детально разработанному плану снарядили и в ночь на 26 сентября выслали на задание группу, которую возглавил заместитель командира отряда по разведке и диверсиям Василий Ревуцкий. В ее состав вошли Андрей Концедалов, Григорий Санников, Иван Малик, Эдвард Капуцинский и другие.

«Валька» — отряд интернациональный. В нем воевали представители разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, азербайджанцы, поляки, чеки, словаки. Был даже немец — 23-летний Эдвард Капуцинский. В форме гитлеровского солдата, в каске и широкой пятнистой плащ-накидке на плечах Эдвард не однажды ходил на задания в расположения немецко-фашистских гарнизонов и всегда добывал ценные разведывательные данные.

Судьба Капуцинского необычна, а путь в народные мстители — долгий и нелегкий. Его отца, коммуниста, рабочего автомобильного завода в городе Бреслау (Вроцлав), фашисты расстреляли. Эдварда мобилизовали на фронт. Воспитанный в антифашистском духе, он мечтал об освобождении немецкого народа от гитлеризма и не мог воевать за идеи бесноватого фюрера. При первом удобном случае покинул армию, прихватив в собою оружие. Долго блуждал по лесам, надеясь встретить партизан. Наконец попал к ним, но это, к его несчастью, были «народовцы». Они обезоружили Эдварда и отправили в краковское гестапо. По дороге он убежал.

Опять скитался в поисках партизан, но на этот раз стал осторожнее, понимая, что оказался между двух огней. Его схватили жандармы, пытали и бросили за решетку. Потом в сопровождении двух солдат повезли железной дорогой в город Бреслау для опознания задержанного и показательного суда.

Нетрудно догадаться, что ждало юношу в финале этого «путешествия». Однако он не отчаялся. Дождавшись, когда конвоиров начало клонить в сон, он выхватил автомат у одного из них и уничтожил охрану. В следующее мгновение рванул стоп-кран…

Вскорости Эдвард Капуцинскпц попал в партизанский отряд Юзефа Маслянко, а немного спустя с нескрываемой гордостью и удовольствием стал бойцом «Вальки».

…По мере приближения к железной дороге разведчики рее чаще натыкались на небольшие села и хуторки. В лесу, неподалеку от одного из них, увидели двоих стариков, молодую женщину и четверых детей. Заметив вооруженных людей, крестьяне бросилнсь в заросли.

— Не бойтесь нас, мы советские партизаны, — окликнул Василий Ревуцкий.

Доброжелательный тон успокоил поляков, они остановились.

— Откуда вы? Почему прячетесь? — спросил Гевуцтшй.

— Мы здешние, из деревни Забуже, — вступил в разговор дед с седыми обвисшими усами. — Убежали от облавы на партизан. Много наших каратели поубивали, даже детей не щадили. Случай

помог нам спастись. Второй день голодные блукаем.

— Хлопцы, что у нас есть? — обратился Ревуцкий к товарищам.

Партизаны развязали вещевые мешки, достали по краюхе хлеба, несколько банок тушенки, сахар и отдали все полякам.

— Большое спасибо! — растроганно промолвил старик и низко поклонился Ревуцкому.

— Где сейчас фашисты?

— Наверно, подались в Краков, тут только на путях остались. Не идите туда, — посоветовал старик. — Там у них засада, я сегодня видел.

— Покажете засаду?

— Если хотите, — согласился старик.

Когда солнце спряталось за горизонт, дед Метек (так звали поляка) повел разведчиков к селу и станции Забуже. Шагал только ему известными тропинками, не по-стариковски легко и быстро преодолевая крутые склоны и говорил без умолку. Его речь сводилась к тому, что оккупанты причиняют польскому народу большое горе и их нужно всех до единого уничтожить, и очень хорошо, что в Бескидах есть советские партизаны.

Со станции долетали паровозные гудки, ветер доносил запахи дыма.

— Тут, вот тут засада, панове, — дед Метек показал на островок кустарника у придорожной полосы, недалеко от железнодорожного моста через реку Рудаву.

Поблагодарив за помощь, партизаны распрощались со стариком и стали соображать, как уничтожить вражескую засаду. Разумеется, притаившиеся в кустах не спят, а потому снять их без шума не просто. Швырнуть гранату — поднимется тревога в охранном гарнизоне станции, и тогда, считай, операция сорвана.

— На тебя, Эдвард, единственная надежда, — обратился Ревуцкий к Капуцинскому. — С Концедаловым зайдите со стороны станции, от семафора. Попав на мост, ругайтесь — чего это, мол, он не охраняется. Думаю, из засады откликнутся. Вы позовите их к себе, представившись инспекцией железнодорожной охраны из Кракова, а там и снимете. Часовых, как сказал дед Моток, но более двоих.

Конечно, риск большой. Никто не знал, когда смена в засаде, неизвестен и пароль.

Ревуцкий, Малик и Санников следили за ходом событий и ежеминутно были готовы помочь товарищам.

Вот «инспекция» шагает по шпалам к мосту — ничего не скажешь — вражеские солдаты с автоматами! Уже слышен голос Эдварда. Как и предполагал Ревуцкий, часовые, выбравшись из

засады, поспешили к придирчивому «начальству». Короткая схватка, и трупы фашистов полетели через перила в речку.

Ревуцкий, Малик и Санников быстро взобрались по крутой насыпи и оказались на мосту. Бойцы из вспомогательной группы прикрывали подходы со стороны станции. Вскоре мина была установлена на металлической конструкции моста. Теперь — в кусты, где был пост часовых. Не исключено, что вот-вот явится смена…

От мины провели натяжной шнур, но, не рассчитанный на такое расстояние, он оказался коротким.

— Ремни, быстро! — приказал Ревуцкий.

Нарастив шнур, партизаны скрылись в придорожных зарослях.

Шло время. Не было ни эшелона, ни смены. Молодую луну застилали легкие облачка. И вдруг — появилась смена. Неужели обнаружат заряд? С моста донесся тихий свист, бывший, наверное, условным сигналом.

— Эй вы там, заснули? — позвали гитлеровцы.

Не дождавшись ответа, охранники направились к кустам. В это время послышался приглушенный гул приближавшегося товарняка.

— Да просыпайтесь же, свиньи, вас партизаны с потрохами утащат! — крикнул один из пришедших, раздвигая кусты.

Несколько коротких ударов, и фашисты «успокоились».

Теперь все внимание — на мост. Еще мгновение, и Ревуцкий дернул натяжной шнур. Взрыв, и объятый паром локомотив с обломками моста плюхнулся в реку.

Позднее стало известно, что движение на этом участке было остановлено на пять суток.

Неся ощутимые потери на железной дороге, оккупанты бросали крупные силы против партизан. К местам диверсий прибывали карательные подразделения фашистов, которые прочесывали и обстреливали находившиеся вдоль дороги леса.

Тем временем партизаны не дремали. Группа Ревуцкого, узнав от разведчиков и польского населения о приближении карателей, отошла на юг. Но уже через два дня, 27 сентября 1944 года, партизаны заминировали и взорвали двадцатипятиметровый железнодорожный мост через реку Зельчипа на двухколейном участке Краков — Освенцим. Паровоз и четыре вагона были разбиты вдребезги, остальные — повреждены.

Еще через два дня, 29 сентября, группа Ревуцкого подорвала железнодорожный мост на реке Кличувка на направлении Бельско-Бяла. Это было сооружение новейшей конструкции по

американскому проекту.

Восстанавливать мост оккупанты бросили регулярные саперные части, мобилизовали гражданское население. Семь дней топтались на месте, однако возобновить движение так и не смогли. Пришлось гитлеровцам строить рядом новый мост на деревянных клетях-опорах. Поезда пошли лишь через восемнадцать суток.

1 октября группа Ревуцкого взорвала почти тридцатиметровый железнодорожный мост тремя километрами юго-восточней села Воля Радзишовска. Взрыв прогремел, когда по мосту проходил эшелон. Разбит паровоз и два вагона с боеприпасами, а более десятка вагонов сошло с рельсов.

По менее успешно действовали группы минеров и на других направлениях. Задание Центра — закрыть «окно» на восток — было выполнено. Железные дороги из Чехословакии в направлении Кракова удалось парализовать.

«5.10.1944. Алексею.

Установил контакты с подразделением „крайовцев“ — отрядом „Хелм“, командир которого настроен патриотически. Структура формирований Армии Крайовой: отряды, полки, дивизии. Фактически последние существуют на бумаге. В полном составе только старшие командиры. Две трети личного состава так называемых отрядов находятся в отдаленных селах Краковского воеводства на легальном положении. „Крайовцы“, выполняя команды Лондона, держат оружие „у ноги“. Командование дивизии Верхней Силезии, которому подчинен „Хелм“, запрещает сотрудничать с советскими отрядами.

Калиновский».

«10.10.1944. Алексею.

На патронном заводе „Берта“, в четырех километрах севернее города Сосновец, Эмиль Шрек взорвал два паровых котла. На продолжителъное время предприятие выведено из строя.

Разведчики отряда „Хелм“ сообщили, что, возвращаясь на базу „Вальки“, Эмиль Шрек попал в руки „народовцев“. Они обвинили его в шпионаже и расстреляли.

Калиновский».

В расположение «Вальки» прибыл Стальной — командир разведки польского партизанского отряда «Харнасы» Батальонов крестьянских.

Казин пригласил поляков в свою палатку. Во время дружеской беседы выяснилось, что польские партизаны выполнили давнее обещание.

Казни помнил, как в сентябре, возвращаясь с группой Михаила Панфилова из разведки, останавливался на отдых у командира отряда «Харнасы» поручика Сташевского. Тот оказался настолько любезным хозяином, что предложил вместе послушать сообщение Совинформбюро о событиях на фронте. Вдруг из радиоприемника раздалась передача на русском языке, но явно антисоветского содержания. Гнусавым голосом предатель бубнил, будто бы красноармейцы, вступив на польские и прибалтийские земли, грабят население, отбирают имущество, продукты питания, насилуют женщин, нес прочую ерунду.

Сташевский с возмущением сказал, что подобные передачи слышит уже не впервые — наверное, вражеская радиостанция работает где-то недалеко. По просьбе Казина он пообещал найти место ее расположения.

И вот Стальной рассказывает.

Вражеская радиостанция базируется на окраине города Андрихув. Размещена в двух крытых автомобилях. В одном из них, похожем на железнодорожный вагон, — передающая аппаратура и микрофоны, в другом — силовая установка, аккумуляторы и генератор с двумя двигателями внутренего сгорания. Охраняется взводом солдат во главе с эсэсовцем. Но на петлицах солдат — знаки различия «люфтваффе» — военной авиации. Вход по пропускам.

— Где расквартирован персонал радиостанции?

— Живут на частных квартирах. Эсэсовец — в семье служащего Тадеуша Поронека. Кстати, за дочерью пана Поронека, Здиславой, эсэсовец, кажется, приударяет. Стараясь угодить девушке, он иногда дает ей «подработать» — разрешает убирать в помещениях радиостанции.

На этом Стальной завершил свою информацию.

— А знаете ли вы Здиславу? — поинтересовался Казин.

— Знаком.

— Позовите Панфилова! — приказал Казин ординарцу. Через несколько минут в палатке командира отряда стоял Михаил Панфилов — голубоглазый красавец, которого уважали за ум и дисциплинированность.

Казни сжато изложил суть задачи по уничтожению радиостанции в Андрихуве. Внимательно выслушав, Панфилов

попросил включить в состав группы его друзей — Андрея Федосеева и Ивана Малика…

Как и рекомендовал Казин, Стальной познакомил Панфилова со Здиславой Поронек. Помогло и то, что с первой же встречи девушке очень приглянулся красивый «пан Михал».

Парни стали частыми гостями в доме Поронеков. Разумеется, приходили так, чтобы никто посторонний но заметил. Время от времени Панфилов заводил разговоры на интересующую его тему. Выяснилось, что девушка ненавидит фашистов, а ухажерство квартиранта-эсэсовца ей отвратительно.

По просьбе Панфилова и Стального Здислава добилась, чтобы гитлеровский лейтенант назначил ее штатной уборщицей передвижной радиостанции.

Настал час поговорить с девушкой о главном. Парни коротко изложили суть дела, рассказали, чем она, при желании, может помочь. Зднслава сначала колебалась, но потом так увлеклась предложенным планом диверсии, что включилась в отработку его деталей.

В назначенный день партизаны приступили к осуществлению задания. Взрывчатку они завернули в упаковку с фирменным знаком немецкого магазина, объяснили девушке, как спрятать мину с часовым механизмом в ведре, как замаскировать и куда подложить «адскую машинку», чтобы ее не обнаружил персонал радиостанции.

Накануне диверсии Здислава «согласилась» сходить с гитлеровским лейтенантом в кафе.

На следующий вечер довольный эсэсовец сидел за столиком с красавицей, расположения которой давно добивался. Но не успел он заговорить о своих чувствах, как ночную тишину потряс оглушительный взрыв…

Утром в Андрихув примчалась представительная комиссия из военных и гражданских чиновников оккупационной администрации. Оставшихся в живых охранников радиостанции увезли в Бельско-Бялу.

Гестаповцы схватили всех, кто имел хоть малейшее касательство к радиостанции, в том числе и Здиславу Поронек. Но, не располагая доказательствами ее вины и учитывая полное алиби, девушку вскоре отпустили…

После серии диверсий по программе «Праздничный концерт», осуществленных 3–7 ноября, движение на железных дорогах через Бескиды и Татры остановилось на десять дней. В пристанционных селах и городах оккупанты усиливали гарнизоны, строили дополнительные укрепления возле крупных железнодорожных мостов…

Командование «Вальки» решило отметить годовщину Октября торжественным собранием личного состава. На него заранее пригласили представителей польских партизанских формирований, действовавших в этом районе.

Прибывшие собрались в помещении туристской базы на лесной поляне на вершине горы Турбач. Оттуда открывался живописный пейзаж: на западе, в низине, слошто на ладони, виднелись села Словакии, на востоке — польские хутора. По команде Казина над базой в голубое небо взметнулся красный флаг.

За этим невиданным чудом с надеждой и замирающими сердцами наблюдали жители множества польских и словацких селений. Затаив дыхание, смотрели на победный взлет кумача народные мстители.

Казин, чисто выбритый, помолодевший, в ладно подогнанной военной форме без знаков различия, выступил с речью. Его лицо светилось радостью, и праздничное настроение передавалось всем присутствовавшим. Командир огласил последние сообщения Совинформбюро об успешных наступательных операциях Красной Армии, в конце октября полностью освободившей Закарпатье и ряд районов Польши.

Казин еще раз разъяснил польским побратимам задачи советских партизанских отрядов в совместной борьбе против фашистских захватчиков и коротко доложил о результатах недавних диверсий на транспортных коммуникациях оккупантов южнее Кракова, пожелал воинам новых успехов в приближении окончательного разгрома врага.

Дали слово представителю отряда «Хелм», но он не успел выступить — прибежали связные из дальних дозоров. Они доложили Казину, что со стороны сел Велика Липница и Мала Охотница на Турбач движутся каратели.

В полдень передовые фашистские подразделения подошли к партизанским позициям со стороны автострады Велика Липница — Новы Тарг. Следом за ними двигалось еще не менее двух сотен карателей.

Подпустив врага на короткую дистанцию, партизаны обрушили на него ливень огня. Каратели отступили.

Впрочем, оправившись от удара, фашисты вскоре снова бросились в атаку, стараясь во что бы то ни стало овладеть туристской базой. У партизан появились раненые. Казалось, еще минута — и партизанский заслон будет прорван. Но под ногами гитлеровцев начали рваться противопехотные мины, предусмотрительно поставленные группой Ревуцкого. Каратели в панике откатились назад, к подножию горы. Им вдогонку

полетели гранаты.

Убедившись, что у врага надолго пропало желание лезть на турбазу, партизаны подобрали на поле боя трофеи и продолжили праздник. Еще раз поздравили друг друга с годовщиной Октября, поприветствовали отличившихся при обороне туристской базы. А когда торжество закончилось, Казин приказал опустить флаг.

Алое полотнище медленно поплыло вниз.

Пожав руки польским побратимам, калиновцы вернулись на свою основную базу.

Казин прибыл в условленное место, в районе хутора Тенчин, что в двадцати километрах от Кракова, в назначенный час в сопровождении пяти автоматчиков и пулеметного расчета Андрея Концедалова.

Советских партизан встретил командир отряда «Хелм» Тадеуш Мазуркевич. Командиры поздоровались и обменялись информацией о боевой обстановке в районах действий своих отрядов.

— Прошу, пан Калиновский, пройти в дом, — пригласил Казина Мазуркевич, указывая на песчаную тропу, ведущую к сторожке лесника в густых хвойных зарослях.

Автоматчики заняли позиции по обе стороны тропинки, пулеметный расчет Концедалова приблизился к сторожке.

— Должен вам сказать, — смущаясь, прибавил командир «Хелма», — что на эту встречу командир дивизии генерал Ольза но смог прибыть. Он прислал своего заместителя — начальника штаба дивизии полковника Лещинского.

Казин в знак понимания кивнул и чуть заметно усмехнулся.

Возле домика группу остановили польские часовые. Мазуркевич распорядился пропустить гостей. «В охране не пятеро, как договаривались, а семь автоматчиков и пулеметный расчет, — мимоходом отметил Казин, — Это только те, кто на виду».

Когда вошли в комнату, навстречу из-за стола подняло; невысокий, представительный военный с гладко выбритым красивым лицом. Он первый подал руку и представился:

— Полковник Лещинский, начальник штаба дивизии.

Не выпуская его руку, Казин ответил:

— Подполковник Калиновский, командир отряда «Валька».

Лещинский пригласил гостя к столу. В начале разговора обменялись общими фразами, которые, по существу, ничего не значили и со стороны полковника были явно неискренними.

Не скрывая заинтересованности, Лещинский бесцеремонно разглядывал Казина. Немало наслышавшись о героических

подвигах партизан отряда Калиновского, «краевед» представлял себе командира «Вальки» гигантом с громовым басом, изысканными манерами и обязательно благородных кровей. Полковнику не верилось, что этот неброской внешности человек способен вести людей на подвиги. Он внимательно вслушивался в каждое слово, в каждую интонацию, начал выведывать:

— Кто вы по национальности, пан Калиновский?

— Я поляк, — ответил Казин в соответствии с «легендой».

— Мне кажется, пан подполковник, вам давно не доводилось говорить на родном языке, — продолжал углубляться в лингвистические дебри Лещинский.

…Что ж, сомнения Лощинского были не беспочвенны. Николай Алексеевич — чистокровный русский, родом из Тульской губернии. Выходец из бедной крестьянской семьи. Убогий домишко едва вмещал всех его братьев и сестер, которые никогда не видели хлеба вдосталь. Поэтому, чуть встав на ноги, он подался на Донбасс, к знакомым старшего брата (тот работал там до революции). Чужие люди встретили парня, как родного, накормили, приютили.

Это было в 1926 году. Страна залечивала раны гражданской войны. Повсюду голод, разруха, безработица. Даже в возрождающемся угольном Донбассе устроиться на работу было проблемой. Поэтому так обрадовался Николай, когда узнал, что в Кадиевке набирают рабочих на коксовые печи. Вскоре с помощью знакомых он получил работу. Еще большей была радость, когда впервые в жизни в кармане появились собственные деньги.

Ему хотелось попасть на шахту, и он своего добился: стал лампоносом, потом слесарем шахтного оборудования, откатчиком вагонеток. Самую трудную и сложную работу всегда делал с интересом, увлеченно.

Трудолюбие и способности Николая по достоинству оцевили в рабочем коллективе. Парня всячески поощряли, по комсомольскому набору послали учиться на шестимесячные курсы юристов в Харьков.

Так сбылась мечта его детства. Николаю всегда хотелось учиться, но раньше даже думать об этом не смел, так как повседневная забота о куске хлеба не давала почвы для иллюзий. Окончив курсы, работал помощником следователя в Кадиевке, в органах ГПУ — сначала в Сталино, а потом в Кадиевке…

Заметив усиленный интерес полковника Лещинского к его «польскому происхождению», Казин сдержанно улыбнулся:

— Да, я долгое время жил в России и, правда, несколько призабыл родной язык, лучше разговариваю по-русски. Но, думается мне, пан Лещинский, сегодня есть более важные

вопросы. Мы прибыли сюда помогать польскому народу освободиться из-под ярма фашизма, пользуемся немалой поддержкой настоящих польских патриотов. Поэтому нам так трудно понять тех, кто прекрасно владеет польским языком, именует себя патриотами Польши, но одновременно позволяет фашистам опустошать польскую землю, грабить соотечественников. Вот подлинная, актуальнейшая тема для нашего разговора, пан Лещинский. Могу также добавить: нам известно, что подчиненные вам полки и батальоны Армии Крайовой, имея хорошее вооружение, в преобладающем большинстве случаев не борются против оккупантов, «держат оружие у ноги». А наиболее реакционные элементы так называемых «народовцев», входящие в состав вашей армии, преследуют польских патриотов, членов Польской рабочей партии, убивают советских военнопленных, бежавших из фашистских лагерей смерти.

— Пан подполковник, вы пользуетесь непроверенными данными, — пытаясь скрыть обеспокоенность, проговорил хозяин.

— Извините, пан Лещинский, но я располагаю неопровержимыми доказательствами. В Келецком воеводстве, возле села Жобенец, «народовцы» напали на партизанский отряд имени Бартоша Гловацкого. От их рук погибло много патриотов, среди них русские, бывшие узники Освенцима. Как утверждает кое-кто из командиров польских партизанских отрядов, особо «отличились» своими злодеяниями и участием в разжигании братоубийственных конфликтов подразделения «народовцев», объединенные в так называемую Свентокшискую бригаду под командованием полковника Бохуна.

Их деятельность — сплошная цепь злодеяний и откровенного сотрудничества с оккупантами. Факты эти абсолютно достоверны. Во время стычки с «народовцами» погибло сорок партизан Армии Людовой и Батальонов крестьянских, — закончил рассказ Казин.

Лещинский какое-то время сидел неподвижно, склонив голову в раздумье. Потом встал, вышел из-за стола, молча прошелся по комнате, остановился и громко сказал:

— Уверяю вас, пан подполковник, обо всем изложенном вами я немедленно и подробно проинформирую генерала Ользу, а также пана главнокомандующего Соснковского в Лондоне!

Эти заверения прозвучали неискренне. Разумеется, полковник Лещинский и генерал Ольза хорошо знали, чем занимаются подчиненные им формирования Армии Крайовой, в частности подразделения «народовцев».

Чтоб как-то изменить обстановку, Лещинский перевел разговор в чисто политическое русло.

— Как вы представляете себе будущее Польши? — спросил он, снова приосаниваясь.

— Я солдат, пан полковник. Но если уж вас интересует мое личное мнение, скажу: польский народ сам решит свою судьбу… Разумеется, после того, как мы уничтожим фашистов на этой земле. И, насколько мне известно, пан Лещинский, в сегодняшней Польше есть кому позаботиться о судьбе своего народа.

— Вы хорошо знаете положение в стране, — не скрыл удивление Лещинский.

— Без знания обстановки и убежденности в деле, за которое мы боремся, не может быть успеха! — с достоинством ответил Казин…

«16.11.1944. Калиновскому.

Примите пароль на встречу с руководителями Коммунистической партии Словакии… Выйти в Словакию лично, немедленно. Об исполнении доложите.

Алексей».

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВ
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Алексей Сергеевич Борисов родился в 1911 году. В органах государственной безопасности служил с 1942 по 1967 год в Ворошиловграде. Подполковник в отставке.

Член КПСС с 1932 года. Награжден 18 правительственными наградами. Заместитель председателя областного совета ветеранов-чекистов.

В прифронтовой Ворошиловград я, выпускник курсов при Высшей школе НКВД СССР, прибыл 1 марта 1943 года, вскоре после освобождения города от фашистских захватчиков.

Проезжая на старой дребезжащей полуторке по узким улочкам окраины, озирая полуразрушенные, безжизненные заводские корпуса и выпотрошенные пожарами и взрывами коробки многоэтажных зданий центра, я не предполагал, что навсегда свяжу свою жизнь с этим городом.

Меня, Виктора Васильевича Катырева, Александра Федоровича Зиновьева, Федора Ивановича Шитова, Ивана Петровича Макарова и других товарищей по учебе (впрочем, тогда мы были молоды и прекрасно обходились без отчеств) готовили к работе в армейской контрразведке «Смерш». Однако получилось иначе.

Разгромив гитлеровцев под Сталинградом, советские войска развернули мощное наступление на широком фронте и вышли к границе Украины, неся ее народу избавление от ужасов фашистской оккупации. Изгнание захватчиков с украинской земли началось с северных районов Ворошиловградской области, а Ворошиловград стал первым крупным городом и областным центром республики, отбитым у врага.

Здесь, а потом и в других областях Украины территориальные органы государственной безопасности нужно было создавать практически заново, и группу выпускников курсов передали Наркомату внутренних дел УССР. Катырева, Зиновьева, Шитова, Макарова, меня и еще нескольких товарищей наркомат направил в распоряжение Ворошиловградского областного управления НКВД.

На место прибыли 1 марта под вечер, а следующим утром уже приступили к выполнению служебных обязанностей. Такая уж была обстановка. Она не давала ни скидок на неопытность, ни времени на раскачку.

Ворошиловград освободили 14 февраля, но он оставался прифронтовым городом — линия фронта пролегала всего лишь в нескольких десятках километров, и нужно было принимать энергичные меры по защите тыла наших войск и местного населения от засылаемых диверсантов и шпионов. Мы знали, что в период оккупации в Старобельске и ряде других районов располагались крупные центры и службы гитлеровской разведки. Отступая, они оставили глубоко законспирированную агентуру, которую необходимо было найти и обезвредить. Кроме того, больших усилий требовало выявление изменников Родины и фашистских приспешников. Многие из них не успели сбежать вместе с хозяевами и старались раствориться в массе честных советских граждан.

Я получил назначение в оперативный отдел младшим оперуполномоченным и сразу же окунулся в работу.

Не знаю, как сложилась бы моя чекистская судьба, если бы первые шаги по службе довелось делать без помощи и поддержки заместителя начальника отделения капитана Михаила Ивановича Бессмертного и заместителя начальника отдела майора Семена Абрамовича Бранта. Старшие товарищи опекали меня, новичка, щедро делились профессиональным опытом, предостерегали от ошибок, в сложных ситуациях выручали и советом, и делом, хотя сами были загружены сверх всякой меры.

Стремительно пролетело несколько дней. В начале второй недели произошло событие, которое особенно врезалось в память…

Поздно вечером докладываю капитану Бессмертному о проделанной работе. Вдруг в комнату входит Брант.

— Очень кстати, лейтенант, что вы здесь, — говорит майор, переглянувшись с капитаном. — Есть щекотливое дельце, к которому хочу вас подключить. Слушайте и вникайте в суть.

В управление госбезопасности пришел тридцатилетний мужчина, назвавшийся Петром Шаповаловым, и попросил принять на оперативную работу. Сказал, что он военный разведчик, в 1942 году был заброшен в тыл к фашистам, насмотрелся на зверства оккупантов, теперь хочет бороться с врагом на ниве контрразведки.

Закаленные люди нужны управлению, объяснял майор, подготовленному опытному разведчику легко освоиться в новой роли. Это находка при острой неукомплектованности наших подразделений кадрами. Однако некоторые детали ситуации все же смущают.

Шаповалов объявился почти через месяц после освобождения города. Говорит — болел, а потом набирался сил. Для разведчика

оправдание слабое. Значит, выжидал. А чего? Почему обратился в территориальный орган, а не в военную разведку? И на фронт молодой мужчина не слишком рвется, хотя на слова ненависти к фашистам не скупится.

Пока будет проходить проверка через соответствующие каналы военной разведки и контрразведки, руководство управления решило не упускать Шаповалова из поля зрения, присмотреться на месте.

Поскольку с Шаповаловым пока нет никакой яспости, чтобы незаслуженно не оскорбить человека внешним недоверием (ведь может быть, что он — честный и мужественный разведчик, а наши сомнения — это неверно истолкованные недоразумения и случайности), ему объявили: оформление документов и утверждение в наркомате займет определенное время, этот период будет использован как испытательный срок для изучения его профессиональных качеств и подготовки к службе.

— На вас, лейтенант, возлагается поддержание контакта с Шаповаловым, — объяснил майор Брант. — Вам, бывшему фронтовику, его сверстнику, начинающему чекисту, легче найти общий язык. Будете работать с ним.

И, помолчав, закончил совсем неожиданным:

— Требую максимальной бдительности. Помните, что и СД, и абвер, и другие разведслужбы прибегают к самым невероятным ухищрениям, чтобы проникнуть в чекистские органы. Не оплошайте.

— У меня же опыта — с гулькин нос, — удивился я.

— Как раз в этом вся соль, — улыбнулся майор. — Если приставить старого оперативника, наш разведчик поймет, что ему но доверяют, обидится, а для врага лучшего сигнала об опасности и не надо. Вот вы по должны вызвать подозрений.

«Интересно, — подумал я, — у кого же испытательный срок?»

Работа началась под руководством бывалых чекистов. Продумав линию поведения, я старался выглядеть простоватым, недалеким и прямолинейным службистом. Выбранное амплуа немного облегчало выполнение задачи: такой тип людей обычно ни друзья, ни враги не принимают всерьез.

От имени командования я передавал Шаповалову мелкие задания, якобы необходимые для решения оперативных задач, беседовал с ним на различные темы и внимательно наблюдал, стараясь подмечать мельчайшие детали. Внешне он держался ровно, спокойно, можно сказать — безукоризненно. С подчеркнутым усердием выполнял любое поручение, просил работу потруднее, яростно ругал фашистов, когда в сводке Совинформбюро или в газетах появлялись сообщения о зверствах

оккупантов.

Минуло какое-то время. Из органов военной разведки пришла первая информация. Действительно, Шаповалов учился в разведшколе в таком-то городе. В конце июля 1942 года часть разведчиков (все — выпускники этой школы) заброшены на оккупированную территорию Донбасса, большинство после первых сеансов связи замолчало, вероятно — в результате провалов, так как одновременный выход из строя нескольких десятков радиостанций даже теоретически невозможен. Шаповалов с напарником Кашубой десантирован в Станично-Луганский район, северо-восточнее Ворошиловграда. Данные о них не поступали.

Сообщение органов военной контрразведки было еще тревожнее: несколько разведчиков из числа выпускников этой школы, избежавшие провалов и полностью выполнившие задания, высказывают мнение, что их товарищей выдал провокатор, и обращают внимание, что провалы начались с северо-восточных районов Ворошиловградскон области, коснувшись в основном только обучавшихся в той школе.

На совещании, созванном руководством подразделения для обсуждения полученных данных, было решено установить за Шаповаловым наблюдение, поскольку накопились косвенные улики достаточно серьезного характера, а опытным оперативным сотрудникам поручили серьезно проверить его связи.

— Теперь, лейтенант Борисов, смотрите в оба, — наставлял майор Брант. — Капитан Бессмертный будет лично подстраховывать, но многое зависит именно от вас. Вы — на прямом контакте с подозреваемым, свою руку обязаны держать на его пульсе, фиксировать малейшие изменения настроения и поведения.

И я «смотрел в оба».

Нервозность, едва-едва заметно проступившую в поведении Шаповалова, уловил скоро, при очередной встрече. Он осторожно, но очень настойчиво выведывал мнение о нем руководства управления, мое отношение, взгляды других товарищей, сетовал, что чекисты ему, наверное, не совсем доверяют и т. д.

Продолжая играть роль ограниченного службиста, я не подал вида, что обнаружил его тревогу, и немедленно доложил руководству свои соображения: подозреваемый почувствовал что-то неладное. Оказалось, что аналогичные сигналы поступили и по другим каналам наблюдения.

Чтобы предупредить возможную попытку скрыться, решили Шаповалова задержать.

В процессе следствия чекисты установили, что задержанный

— опасный военный преступник.

Благополучно приземлившись в июле 1942 года в окрестностях хутора Погорелово Станично-Луганского района, Шаповалов и не думал выполнять разведзадание. Вместе с напарником Кашубой — затаившимся антисоветчиком — он добровольно явился в полевой пункт «Абвергруппы-2», которым руководил кадровый разведчик майор Лемке, и предложил гитлеровцам свои услуги.

Фашисты зачислили его на службу в состав контрразведовательного органа «Мельдекопф-Тан», обосновавшегося в Старобельске, и использовали для поиска и опознания советских разведчиков. Шаповалов выдал 43 советских патриота, большинство которых после пыток и истязаний погибли, сохранив верность Родине и воинскому долгу.

Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровцы оставили Шаповалова в Ворошиловграде с заданием внедриться в органы госбезопасности. Ставка делалась на почти безукоризненную легенду, разработанную «Абвергруппой» для своего агента, и уничтожение всех следов и возможных свидетелей преступлений предателя.

В июле 1943 года военный преступник Шаповалов предстал перед военно-полевым судом.

ОЛЕГ ВОЛЬНЫЙ
«СООБЩИТЕ В СМЕРШ»

I

13 сентября 1944 года.

Окрестности Транобжога (Польша).

Войдя в комнату, Малов увидел брившегося за большим обеденным столом молодого майора в расстегнутой гимнастерке.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Слушаю вас.

— Разрешите закрыть дверь.

— А в чем дело?

Малов прикрыл дверь, расстегнул ремень и положил кобуру с пистолетом на стол.

— Примите, пожалуйста, оружие и сообщите в «Смерш», что сержант Малов, раненный и плененный в октябре сорок третьего года, после окончания разведшколы абвера из плена прибыл.

Офицер вскинул удивленные глаза и схватился за телефонную трубку…

Первая беседа с советскими контрразведчиками длилась более десяти часов.

II

18 октября 1943 года.

Запорожская область. Окрестности села Альбери.

Сменив на пулемете опустевший диск, сержант Малов огляделся. Дно окопа устелено стреляными гильзами, патронный ящик опорожнен еще полчаса назад, в нише, где хранился запас боеприпасов, тоже пусто, только единственная граната лежит с краю.

Последний диск и граната. В таком бою хватит минут на пять, не больше.

А может, удастся задержать атакующих гитлеровцев дольше, опять огнем прижать к земле и, используя складки местности, уйти вслед за своими? Неужели не найдется спасительный овражек или ложбинка?

В ходе наступательной операции батальон 312-го стрелкового полка далеко опередил боевые порядки дивизии и попал под удар

гитлеровцев, контратаковавших большими силами. Возникла угроза окружения. Командование распорядилось оттянуть подразделение на основные линии полка.

Стрелковая рота, где сержант Малов командовал отделением, оставалась в арьергарде, сдерживая натиск врага, а когда батальон соединился с другими подразделениями полка, получила приказание прорываться к своим.

Собрав поредевшие взводы, ротный подозвал Малова.

— Прикрой отход, сержант. Половина бойцов — раненне. Если противник рванется следом, нам не уйти. Вся рота ляжет в степи. Продержись, Саша, сколько сможешь.

Малов давно потерял счет времени и атакам, следовавшим одна за другой почти беспрерывно.

Яростные попытки гитлеровцев сбить с небольшой возвышенности заслон, перекрывавший им путь, раз за разом захлебывались — меткие очереди ручного пулемета швыряли атакующих на землю. «Дегтярь» раскалился от непрестанной стрельбы, но работал безотказно, словно знал, что от него зависит судьба роты, жизнь десятков израненных бойцов, под его прикрытием уходивших на соединение с основными силами полка.

Сколько еще удастся продержать гитлеровцев у подножий возвышенности?

Сквозь чавканье минных разрывов донесся отдаленный тяжелый гул.

Сержант прислушался, выглянул за бруствер окопа. На сердце похолодело — танки! Конец. Теперь сомнут. Пулей танк не остановить и «лимонкой» не возьмешь.

Ой, как не хочется умирать восемнадцати лет от роду.

И жизни осталось несколько минут, пока танки доползут до окопа.

Жалко сестренок-сирот, плакать будут, когда узнают, что единственного брата убило. Росли без матери и отца, а теперь — совсем одни на белом свете. А ребята с ротным успели добраться до наших? Как пить хочется, и фляжка куда-то запропастилась…

В голове вертелся калейдоскоп мыслей, а руки делали свое дело. Ствол пулемета развернулся в сторону ближайшей группы гитлеровцев, бросившихся в атаку.

— Я с Донбасса, сволочи! — скрипел зубами Малов, ловя на мушку движущиеся фигуры. — Вы меня запомните!

Взрыв, взметнувшиеся на бровке окопа. Тяжелый удар по ноге. Страшная пекущая боль…

III

26 июня 194 4 года.

Львов. Концлагерь советских военнопленных.

Перед шеренгой изможденных, обессиленных пленников прохаживались двое. Одни — назвавшийся Антоном Семененко, другой — бывшим подполковником Красной Армии.

— Повторяю, господа пленные, — говорил Семененко, вытирая накрахмаленным платком потное лицо, — германское командование готово предоставить желающим исключительную возможность овладеть профессией шофера. Каждый получит хороший паек, новую одежду вместо вашего рванья и жилье, не за колючей проволокой, разумеется.

«Речистый прохвост», — подумал Малов.

Александр многого уже навидался за восемь месяцев неволи. И в темном, грязном сарае, когда очнулся среди шестнадцати истекающих кровью советских солдат и понял, что попал в плен. И в Никопольском лагере-госпитале, где соседи по нарам сгорали от гангрены, тифа, дизентерии, а он выкарабкался из горячечного бреда. И в концлагере под Кривым Рогом. И здесь — в третьем по счету лагере, где фашистская машина уничтожения уносила сотни жизней.

Он искал выход, дающий хоть малейший шапс, и не находил.

Пока срасталась перебитая нога, Малов строил разные планы побега из плена. Однако ни один из них осуществить не удавалось, а в истощенном организме оставалось все меньше сил. И погибнуть в плену он но мог себе позволить — не отомстил еще гитлеровцам за все их злодеяния, а мертвый солдат — уже не мститель.

Теперь, стоя в шеренге узников на лагерном плацу и слушая потных «ораторов», Александр прикидывал новый план.

«Подполковник», разглагольствовавший о «непобедимости армии великого фюрера», объявил:

— Согласные учиться на шоферов выйти нз строя!

Малов знал, что «улов» у вербовщиков окажется небогатый: рядом с ним стояли люди, готовые на муки и смерть, но не на предательство.

«А что, если попробовать воспользоваться этим? — подумал Малов. — Применить солдатскую находчивость, воинскую хитрость. Главное — вырваться из концлагеря. А там — обмануть врага и уйти к линии фронта…»

Он шагнул вперед, ощущая спиной полные ненависти взгляды стоявших в строю.

«Простите, ребята! — мысленно произнес Александр. — Я не предатель, я — в бой!»

IV

27 июня 1944 года.

Львов. Гостиница у Стрыйского парка.

В это трудно было поверить: кровать, застеленная белоснежной простыней, лампа под абажуром, на столе скатерть и графин с водой, мягкие стулья, коврик, картина на стене, цветные шторы на окнах.

После фронтовых окопов и лагерных бараков казалось, что ничего подобного на свете уже не существует.

Александр преодолел оцепенение. Надо взять себя в руки, приготовиться к любым неожиданностям. Не случайно же его привезли из концлагеря в гостиничный номер да еще поселили отдельно, приставив к двери часового.

Бежать из гостиницы невозможно, она охраняется, словно важный военный объект. Даже если попытаться, далеко; без оружия и документов не уйдешь — первый же патруль схватит.

Остается усыплять бдительность врага и терпеливо ждать удобного момента.

Вскоре дверь открылась, вошел гитлеровский офицер, расположился за столом и на сносном русском языке начал задавать вопросы, интересуясь мельчайшими деталями биографии. Опрос длился около трех часов. Потом явился другой офицер, тоже владевший русским языком, и стал задавать аналогичные вопросы.

На следующее утро все повторилось: несколько офицеров, сменяя друг друга, допрашивали почти без перерывов, по многу раз возвращались к одним и тем же вопросам.

Малов понял: идет серьезная проверка. Тут пахнет не шоферскими курсами…

V

2 июля 1944 года.

Городок Бжоза (Польша).

Грузовик въехал в ворота и остановился за высоким глухим забором. Вслед за автоматчиками, конвоировавшими группу из восьми военнопленных, Малов спрыгнул па землю, внимательно осмотрелся.

Плац, небольшие казарменного типа здания, по углам забора — сторожевые вышки с прожекторами и пулеметами.

Вот как выглядит змеиное логово…

Накануне вечером, на последнем допросе, гитлеровский

офицер в полевом мундире с майорскими знаками различия сказал Малову «по секрету», что его, «как благоразумного молодого человека», германское командование направляет в разведшколу, по окончании которой забросит в тыл Красной Армии со спецзаданием.

Значит, здесь из предателей готовят шпионов и диверсантов.

«В веселенькую ситуацию угодил», — думал Александр, оценивая сложившееся положение.

Как в запорожской степи, отступать было и некуда, и нельзя.

Он опять почувствовал себя в бою, в настоящей схватке с врагом.

Внедрившись в разведшколу, можно собрать важные сведения о гитлеровской агентуре, предназначенной для использования в тылу Красной Армии, методах ее работы, планах и задачах, чтобы сообщить советскому командованию. Он — разведчик в стане фашистов.

Для сестер, земляков, однополчан он — погибший или пропавший без вести, а по бумагам гитлеровцев отныне — изменник, согласившийся на службу. Никто — ни по ту сторону фронта, у своих, ни здесь — не знает, что он не предавал Отечество, а только надел маску. Единожды приняв присягу, он был и остается ей верен.

Смертельная опасность — на каждом шагу. Что ж, из концлагеря он вырвался не для того, чтобы умереть с клеймом Иуды.

Придется нелегко. Надо мобилизовать всю выдержку и осторожность, чтобы сыграть роль послушного предателя, ведь при малейшем подозрении гитлеровцы его расстреляют…

Прибывших разместили в специальной казарме, где продолжилась проверка кандидатов в шпионы. Ежедневно являлся учтивый господни неопределенного возраста, назвавшийся Семеном Семеновичем, доверительно беседовал с каждым, щедро угощая шнапсом и спиртом.

Перед очередной выпивкой в казарму поселили подростка лет пятнадцати-шостнадцати, именовавшего себя Чапаем и напропалую поносившего фашистов. Это насторожило Александра. Когда Семен Семенович умело подпоил курсантов и вышел, подросток возобновил опасные разговоры. Малов старательно изображал пьяного, горланил песни и внимательно прислушивался к происходящему.

Один из курсантов, к которому Чапай подсел с разговорами, видимо, вынашивал мысль любой ценой вернуться домой, поверил подростку и бросил несколько фраз, мол, «он еще посчитается с фрицами», «только бы попасть к нашим».

Утром этого курсанта арестовали и расстреляли перед строем. Остальных по нескольку раз вызывали на допросы, требовали подробности вечерних событий.

Малов твердил, что был пьян и ничего не помнит.

Проверки продолжались. Один неверный шаг мог стоить жизни.

VI

26 августа 1944 года.

Район станции Штальгальм (Польша).

Учеба, похоже, подходила к концу.

После мощного наступления советских войск, выбросивших гитлеровцев с территории Украины и вступивших на польскую землю, разведшколу из приграничного района перевели сюда, подальше от линии фронта, а курсантам дали программу повышенной интенсивности.

Обучали методам добывания разведывательных данных, топографии, способам перехода линии фронта, ухода от слежки и преследования, стрельбе, применению холодного оружия. Много внимания уделялось вопросам поведения в советском тылу, организационной структуре Красной Армии. А на ежедневных политчасах вбивали в голову, что Германия сильна и непобедима, что скоро в вермахт поступит новое «сокрушительное оружие возмездия», и Советский Союз непременно будет «поставлен на колени».

Малов учился прилежно, заслуживая одобрение ипструкторов и гитлеровских офицеров. Одновременно собирал сведения, которые могли пригодиться советской контрразведке.

Он запоминал приметы курсантов, выискпвал данные об инструкторах и сотрудниках школы, накапливал разнообразную информацию, установил номер полевой почты, под которым разведшкола значилась в документах противника. Он ждал того часа, когда гитлеровцы ему окончательно доверят и отправят в тыл Красной Армии.

VII

2 сентября 1944 года.

Малова вызвали к старшему из инструкторов Архипову.

Когда он прибыл, в комнате уже находился курсант по кличке «Казачук». В школе запрещалось называть подлинные фамилии

обучавшихся и сотрудников. Каждый имел кличку.

Торжественно объявив обоим, что учеба закончена, инструктор сказал:

— Германское командование доверяет вам особо важное задание.

Александр едва сдержал нахлынувшие чувства. Наконец-то приближается минута, ради которой он надел личину Иуды и пробрался во вражеское логово.

Задание сводилось к тому, чтобы, высадившись под городом Сандомиром, пройти по специальному маршруту, установить районы сосредоточения советских войск, вооружение и оснащение частей, планы командования соединений Красной Армии и в условленном месте через линию фронта вернуться в расположение гитлеровцев.

Инструктаж продолжался несколько часов. После контрольного опроса Архипов покровительственно похлопал Малова по плечу:

— Из тебя получится хороший разведчик!

VIII

8 сентября 1944 года.

Краков.

В загородном особняке, куда Малова и Казачука привез обер-ефрейтор Рудик — двухметровый громила, виртуозно владевший любым оружием, — охрану несли неразговорчивые штатские с военной выправкой, а стол ломился от яств и спиртного.

Второй день напролет странный банкет с обильными возлияниями почти не прекращался. Являлись фашистские офицеры, какие-то гражданские лица, произносили двусмысленные тосты, скользкие шутки, задавали множество вопросов и, якобы в порыве откровенности, рассказывали анекдоты о возможном военном поражении Германии.

Малов держался настороже, но вида не подавал, что раскусил затеянную провокацию. После очередного «острого» анекдота поднялся из-за стола и твердым голосом заявил:

— Требую прекратить! Учтите, господа, я не желаю больше слушать глупые высказывания, оскорбляющие великий рейх и его доблестную армию!

«Гулянка» быстро закончилась. Зато на следующее утро появился начальник разведшколы. Распорядившись убрать из особняка все оставшееся спиртное, он сказал Малову:

— Молодец, я тобой доволен. Если заметишь, что Казачук

струсил или готов переметнуться к коммунистам, приказываю застрелить его.

«Кажется, последнюю проверку прошел», — с облегчением подумал Александр.

IX

12 сентября 1944 года.
Полевой аэродром в районе города Краков.

Обер-ефрейтор Рудик не отходил ни на шаг.

Сопровождающие в последний раз инструктировали, наставляли, задавали контрольные вопросы, а обер-ефрейтор проверил парашюты, оружие, снаряжение и молча стоял за спиной, словно сторожил, чтоб подопечные не сбежали перед погрузкой в самолет.

Малов, одетый в советскую офицерскую форму, просматривал выданные ему документы.

Один комплект — на имя младшего лейтенанта Иванова Александра Федоровича, командира взвода 1178-го стрелкового полка 350-й стрелковой дивизии. Этим, наставлял инструктор, нужно пользоваться после приземления и на маршруте по советскому тылу. Второй комплект — на имя Иванова Александра Федоровича, но уже сержанта того же полка, предназначался для перехода линии фронта на немецкую сторону после выполнения задания.

Район выброски — 6–7 километров северо-восточнее города Сандомир. Если самолет попадет там под зенитный обстрел, выброска переносится в район города Тарнобжег. Главная цель — выяснить, не готовит ли советское командование на этом направлении новое наступление. Если готовит, то в каком месте, когда, какими силами.

С каждой минутой Александр все больше волновался. Вдруг Рудик заподозрит, прочтет его настоящие мысли. Или произойдет что-то непредвиденное. Его увезут отсюда, и рухнут надежды на возвращение на родную землю.

Около полуночи поступило распоряжение грузиться в самолет. Малов, собрав волю в кулак, старался контролировать каждый свой шаг, каждый жест, каждое слово…

Казачук выбросился около Сандомира. Малов не успел — самолет обстреляли зенитки, и сопровождающий закрыл люк.

Несколько минут полета до запасного района показались Александру вечностью. Наконец, люк открыт.

Малов стремительно шагнул за борт.

Долгожданный шаг на Родину…

X

13 сентября 1944 года.

Приземлившись, Малов закопал парашют, приметил место, сориентировался по карте и вышел на шоссе.

Тихая ночь уже клонилась к рассвету, и под стать окружавшему покою на душе было светло. Добрался. Теперь — действовать по плану, который вынашивал в течение последнего месяца.

Пустынно на шоссе. Наконец заурчал автомобильный мотор. Попутный грузовик остановился. Офицер, сидевший с шофером в кабине, мельком взглянул на документы Малова и кивнул на кузов, мол, забирайся быстрее.

Александру хотелось расцеловать и офицера, и шофера — первых встреченных им советских воинов, сразу же открыться, рассказать о себе.

Но сдержался — нельзя. Сведения он должен передать в руки контрразведчиков.

Въехав в село, машина остановилась.

— Слезай, младший лейтенант, — сказал офицер. — Ищи штаб своей дивизии здесь.

И, попрощавшись, уехал.

Рассветало. Село уже проснулось. Малов огляделся по сторонам и окликнул проходившего мимо солдата:

— Где расположен отдел контрразведки «Смерш»?

— Не знаю, — ответил тот.

— А штаб дивизии?

— Тоже не знаю. Да вы зайдите туда, — солдат показал на дом в отдалении. — Там политотдел, объяснят, что и где находится.

Малов направился к дому.

Поднявшись на крыльцо и войдя в комнату, увидел молодого майора в расстегнутой гимнастерке, брившегося за большим обеденным столом.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Слушаю вас, младший лейтенант.

— Разрешите закрыть, дверь?

— А в чем дело?

Малов прикрыл дверь, расстегнул ремень и положил: кобуру с пистолетом на стол.

— Примите, пожалуйста, оружие и сообщите в «Смерш», что

сержант Малов, раненный и плененный в октябре сорок третьего года, после окончания разведшколы абвера из плена прибыл!

Офицер схватился за телефонную трубку…

Первая беседа с советскими контрразведчиками длилась более десяти часов. Чекисты не раз предлагали прервать разговор, чтобы Малов отдохнул, собрался с мыслями и силами, но Александр просил, умолял не останавливаться. Накапливая сведения о разведшколе, он не мог делать какие-либо записи или заметки, полагался лишь на память н теперь, находясь среди своих, опасался забыть что-нибудь важное.

Он диктовал и диктовал данные о разведшколе абвера, методах ее работы и обучения контингента, о курсантах, которые ее закончили или еще учатся. Когда без запинки изложил сведения о 23 инструкторах и сотрудниках школы — от цвета глаз до характерных особенностей речи и мелких привычек, — один из чекистов даже присвистнул:

— Ну и память у парня!..

По указанным Меловым месту выброски и приметам Казачука быстро арестовали. На счету Александра появился первый обезвреженный агент гитлеровцев.

XI

16 сентября 1944 года.

Молчаливый солдат охраны принес котелок каши, краюху хлеба и чай в алюминиевой кружке. Есть не хотелось, и когда в землянку зашел офицер-оперативник, завтрак стоял на столе нетронутым.

— Со вчерашним вопросником управились? — поздоровавшись, спросил офицер.

— Готово, — Малов протянул стопку исписанных листов бумаги с ответами на вопросы, полученные накануне вечером.

— Хорошо, — бегло проглядев бумаги, сказал офицер. — Теперь поработайте с этим вопросником. И постарайтесь поподробнее, поточнее, вспомните все о радиослужбе школы.

— Опять писать? Сколько же можно? День писал, второй писал…

— И еще будете, сколько потребуется. Позавтракайте и — за дело.

Малов тяжело вздохнул:

— Кусок в горло не лезет.

— Что так?

— Кажется, мне не верят. Ведь как я рвался из плена, в

концлагерях, у абверовцев мечтал только об одном — выбраться бы к нашим. Все вынес, все стерпел, чтобы бежать из плена. Сам пришел к вам, рассказал все, как было. Почему же мне не верят?

Оперативник сел напротив, снял фуражку.

— Обиделся, значит, сержант? — спросил он, глядя на Малова в упор. — Доверия требуешь? А на каком основании? Давай посмотрим на факты трезво. В плену был и из лагеря вышел живым. К нам ты явился не из парка культуры, из разведшколы абвера, а там работают далеко не профаны. Такие вот факты, Малов.

— Вы все про факты, товарищ оперуполномоченный. На высотке под Альберя мне о них думать было некогда, там в окопе я был один, некому подтвердить, как меня ранило, как попал в плен. И что у гитлеровцев есть моя подписка — тоже, как вы говорите, факт. Но расписка — всего лишь уловка, без нее бы фашистов не провести, а присяге я не изменял никогда, и это — самый главный факт. Чем доказать — не знаю, но прошу поверить мне и отправить на передовую, чтобы кровью…

Офицер покачал головой:

— Все это — слова, Малов. В разведке же эмоция противопоказаны. Пока вас ни в чем не обвиняют и хотят докопаться до истины. Где гарантии, что вы не засланы абвером для дезинформации или для организации агентурной игры против нас? Вы проситесь на фронт, это похвально и понятно, однако провалившемуся агенту тоже желательно попасть на передовую, чтобы улизнуть на ту сторону.

— Так что жо мне делать? — в отчаянии воскликнул Александр.

— Набраться терпения и стараться помочь нам в проверке всех ваших обстоятельств, — ответил офицер и подвинул Малову котелок. — Ешьте, пока не остыло окончательно, и принимайтесь за дело. У нас с вами много работы.

XII

20 сентября 19М года.

На совещании руководящего состава отдела «Смерш» о деле Малова докладывал старший группы, осуществлявшей проверку. Сжато и лаконично он излагал результаты.

Все сообщенное Маловым о разведшколе полностью подтверждается показаниями арестованных в разное время выпускников этой школы, а также сведениями, имеющимися у контрразведки и полученными из других источников. При

специальном анализе объяснений, как письменных, так и устных, элементов дезинформации или несоответствия не обнаружено. Проверка по чекистским каналам через другие компетентные органы, оперативные мероприятия и документальная проработка сомнений в его правдивости и преданности Родине ие вызывают.

Все чекисты, работавшие с Маловым в период проверки, объективно характеризуют его положительно.

Вывод: целесообразно изучить вопрос о внедрении Малова, после соответствующей подготовки, в разведшколу абвера с целью контроля за действиями этого подразделения фашистской военной разведки.

— Он же совсем еще мальчишка, девятнадцать лет, — высказал сомнение один из офицеров. — Куда ему тягаться с кадровыми абверовцами?

— Этот «мальчишка» сам себя зачислил в разведчики и работал так, что у абверовцев не зародилось ни тени сомнений, — ответил руководитель отдела. — Кое-кто думает, что в чекистской борьбе участвуют только профессиональные контрразведчики или разведчики. Это глубокое заблуждение. Если требуют интересы Отечества, в нее готов включиться каждый честный советский человек, чтобы защитить свою землю, свой народ, наше общее будущее. И в этом — наша сила…

Предложение вернуться в гитлеровский стаи для выполнения чекистского задания Александр встретил мужественно, по-солдатски.

Конечно же, опять лезть в пасть врагу не хотелось, тянуло на фронт, с оружием в руках поквитаться с фашистами. Но он — солдат. Его место там, где это нужнее.

XIII

2 октября 1944 года.

Предместье города Сандомир (Польша).

— На сегодня хватит, товарищ Малов, пора отдыхать, — сказал офицер-шифровальщик, складывая в чемоданчик таблицы и бланки.

— Отдыхать? — Александр потер усталые глаза. — Идте, а я, пожалуй, еще поработаю с запасным шифром, чтоб лучше в голове закрепился.

И опять уткнулся в блокнот.

Заканчивалась вторая неделя напряженной учебы. Чекисты готовили Малова к серьезной схватке с фашистскими разведчиками, стремились вооружить его необходимыми

знаниями и навыками, а времени было в обрез: контрольный срок возвращения с маршрута, установленный Малову абверовцами, приближался, задержка была нежелательной — могла вызвать подозрения.

Учебу построили в расчете на отличную память Александра: с собой он не возьмет никаких записей, шифрблокнотов или карт. Все — только в голове, а в руках — ничего, что хоть в малейшей мере могло бы его скомпрометировать. Недооценивать врага нельзя, тем более в таком сложном деле, как разведка.

Отрабатывали каналы связи, явки, пароли и условные сигналы для связников, даты, порядок и контрольные знаки бесконтактных встреч, основной и запасной шифры. Учитывая, что советские войска движутся на запад и обстановка будет стремительно меняться, по карте намечали точки закладки тайников, где Малов перед отступлением мог бы оставлять шифрованные сообщения и интересующие разведку документы. Это было важно, поскольку связник не везде пройдет да и может погибнуть в пути, а информация о враге должна достичь цели.

Продумывали линию поведения Малова после возвращения в разведшколу. Пришедшего с советской территории агента гитлеровцы, конечно же, станут проверять, и нужно предусмотреть все, чтобы не попасться на их уловки.

Над агентурной легендой Малова работали опытные чекисты. Тут нужно было учесть множество тонкостей и деталей, чтобы она до мелочей соответствовала заданию гитлеровцев и легенде, с которой они отправляли агента в тыл Красной Армии. Сюда искусно закладывалась дезинформация, которая, не вызывая подозрений, должна запутать фашистских разводчиков.

Александр трудился с максимальной отдачей. Дни до предела были наполнены теоретическими и практическими занятиями, ознакомлением с участками маршрута, интересовавшего абвер, но и из коротких часов, отведенных на отдых, он выкраивал время, чтобы поработать дополнительно.

Он тщательно готовился к бою. Чекистское задание — бой. Только без выстрелов.

XIV

11 октября 1944 года.

Выползли за окоп боевого охранения, тихо спустились в воронку на нейтральной полосе. Накрывшись с головой плащ-палаткой, сверились с картой, осторожно подсвечивая фонариком.

— Дальше пойдете один, — прошептал офицер-чекист, провожавший Малова через боевые порядки советской пехоты. — Легенду о выполнении задания вам отработали добротную, не волнуйтесь, действуйте уверенно. Вы назовете абверу действительные места расположения наших войск и вполне достоверные сведения, которые подтвердятся и по другим каналам их разведки. Вам поверят. А через сутки наши части передислоцируются, и гитлеровцы останутся ни с чем.

Они обменялись крепким рукопожатием. Малов пополз в темноту.

Офицер долго лежал в воронке.

Было тихо. Лишь изредка в черное небо взмывали осветительные ракеты.

XV

27 октября 1944 года.

Чекисты в прифронтовой полосе задержали агентов абвера, выпускников разведшколы, которые в списке Малова проходили под кличками «Павел» и «Петр». На допросе они рассказали сотрудникам «Смерш», что в школу возвратился агент по кличке «Иванов». Где он был больше месяца, неизвестно, но теперь у начальства в особом почете, получил повышение, оставлен работать в разведшколе.

— Ай да Малов, — улыбнулся руководитель отдела контрразведки. — Четко начал, по-чекистски.

XVI

3 декабря 1944 года.

«Секретно.

Начальнику разведотдела.

Настоящим препровождаем вам карту дислокации штабов, узлов связи и линий инженерных заграждений противника в полосе наступления вашего соединения. Сведения получены от надежного, проверенного источника нашей системы, внедренного в германское разведучреждение.

Просим ориентировать ваши разведгруппы, выходящие в тылы противника, на обследование обозначенных на карте точек закладки тайников. В них могут находиться предназначенные нам новые материалы данного источника. IIри доставке материалов через линию фронта следует соблюдать особые меры

предосторожности, чтобы не допустить их утрату или попадание к противнику.

Старший оперуполномоченный отдела „Смерш“

подпись».

XVII

20 декабря 1944 года.

«Секретно.

Начальнику отдела контрразведки

„Смерш“.

Поступила радиограмма от группы Левши. Сообщается, что интересующий вас источник на встречу со связным не вышел в основное и контрольное время. Контрольный знак тоже не обнаружен. Визуальным наблюдением за учреждением, где источник работает, он не обнаружен. Установить место нахождения источника с помощью местных подпольщиков и косвенным путем не представляется возможным.

Начальник разведотдела подпись».

XVIII

20 декабря 1944 года.

В камере было холодно и сыро. Постанывая от боли в избитом теле, Малов анализировал причину ареста и возможные пути спасения.

Что это: полный провал или ситуация, из которой еще есть выход?

После возвращения из-за линии фронта «легенда» сработала успешно, он пользовался у гитлеровцев полным доверием. Удалось выполнить первую часть чекистского задания — внедриться и закрепиться в составе сотрудников разведшколы. Удачно складывалась работа по сбору разведданных, изучению курсантов и выявлению среди них честных советских людей, разъяснению им, что при заброске в тыл Красной Армии надо добровольно являться в органы контрразведки. Из шифровок Центра Малов знал, что уже несколько таких людей пришли в «Смерш» и привели своих напарников.

Наладилась система передачи разведданных в Центр.

Все шло так хорошо, и вот… Попасться на обыкновенной провокации…

В разведшколе работала некая Лена. Пару раз услышал, что

она, в осторожной форме, намеками осуждает фашизм.

Поверил, заговорил с ней о том, что советский человек всегда должен помнить о Родине. А она тут же донесла.

Сколько раз удавалось перехитрить провокаторов. И вот — сплоховал. И сидит в камере после страшного дня допросов и пыток.

Поразмыслив, Александр решил: единственная линия поведения, которая может позволить переиграть сейчас абверовцев — утверждать, что, готовясь к новой заброске в тыл советских войск, подбирал себе партнершу и поэтому проверял Лену «на благонадежность».

Кроме информации Лены, у гитлеровцев ничего компрометирующего его, похоже, нет. Значит — стоять на своем. Стоять, несмотря на избиения, допросы и пытки.

Обидно погибнуть, когда победа над фашистами уже так близка.

Нужно бороться и выжить…

XIX

12 апреля 1945 года.

Концентрационный лагерь Бухенвальд.

Восстание началось точно по плану.

Когда стало известно, что гитлеровцы, ввиду приближения линии фронта, получили распоряжение полностью уничтожить концлагерь, чтобы скрыть следы варварских преступлений, подпольный штаб Сопротивления отдал приказ: начинать!

Узники с голыми руками бросились на штурм казарм охраны, сторожевых постов, складов оружия.

Среди руководителей восстания, который вели узников в бой, был Александр Малов.

На следующий день к воротам Бухенвальда, лязгая гусеницами, подъехал первый советский танк.

XX

Декабрь 1972 года.

Город Красный Луч Ворошиловградской области.

Па улице имени Переверзева останавливаюсь возле дома номер 109. Ватага мальчишек играет в снежки. Спрашиваю раскрасневшегося паренька:

— Малов Александр Федорович здесь живет?

— Это вы про папу Сашу? Так он на работе.

— Он — твой отец?

— Нет, у меня свой есть.

— А почему же ты сказал: папа Саша? — удивился я.

Паренек снисходительно посмотрел на меня, мол, ничего эти взрослые не понимают, и объяснил:

— У нас его все так зовут. Добрый он и справедливый, и всем нам — как отец.

В тот миг я не мог знать, что через полгода А. Ф. Малова — горняка местной шахты «Миусинская», скромного и мужественного человека — не станет. Что умрет изможденный войной сорокавосьмилетний папа Саша по-солдатски, в строю.

ГЕННАДИЙ НЕМЦОВ ПЕРЕВЕРТЫШИ

Геннадий Дмитриевич Немцов в органах государственной безопасности служил с 1938 года по 1965 в Ворошиловграде и области, за исключением периода выполнения специальных заданий. Полковник в отставке. Член КПСС с 1941 года.

В центре города Красный Луч высится террикон. Это — шахта № 151 «Богдан».

Нет здесь ни копра, ни подъемных механизмов. Тихо на шахтном дворе, не снуют вагонетки по эстакаде, наглухо закрыт ствол.

Террикон высится над городом. А под терриконом — братская могила.

Там, на многометровой глубине, в безмолвной тесноте подземных выработок, лежат останки более чем двух тысяч советских людей — жертв фашистской оккупации.

НАЗНАЧЕНИЕ

В конце марта 1944 года я назначен начальником Краснолучского горотдела НКГБ. Принимаю новый ответственный участок работы.

Страшные следы оставила война в городе. Взорваны и затоплены шахты № 16 имени «Известий», № 16—16-бис, № 180, № 22—4-бис, № 162, № 17— 17-бис, № 4-бис и другие угольные предприятия, разрушены машиностроительный завод, центральные заводские механические мастерские, мясокомбинат, два хлебозавода и прочие производственные объекты. В руинах Штеровская ГРЭС — первенец ленинского плана ГОЭЛРО. Ущерб, нанесенный Красному Лучу оккупацией, исчислялся в 24 623 900 рублей.

Не просто подсчитать стоимость обращенного в попелища и развалины. А какой ценой измерить злодеяния изуверов, совершенные на этой земле?

Прифронтовым городом Красный Луч стал в ноябре 1941 года, когда на рубеже реки Миус стремительно наступавшие гитлеровские войска натолкнулись на непреодолимую оборону, основу которой составляли добровольцы — горняки, рабочие местных предприятий, колхозники, студенты.

До середины лета 1942 года в десятке километров от города держался Миус-фронт. Гитлеровцы не только бомбили и обстреливали Красный Луч, они забрасывали свою агентуру, различные разведывательные и контрразведывательные органы фашистов направляли сюда острие своих атак.

В июле 1942 года гитлеровцы оккупировали город и хозяйничали в нем до сентября 1943 года. Здесь концентрировались карательные и разведорганы, многочисленные подразделения спецслужб. О масштабах террора, чинимого захватчиками, свидетельствует, например, такой факт: на территории города находились четыре концлагеря смерти. Тут были замучены десятки тысяч советских патриотов и военнопленных, а шурф шахты «Богдан» — лишь одна из братских могил на этой земле.

Получив назначение в Красный Луч, я знал, что становлюсь во главе группы чекистов, призваннных не только обезвреживать гитлеровскую агентуру, но и выявлять, передавать правосудию военных преступников — палачей и предателей, обагривших свои руки кровью советских людей.

ПО СЛЕДАМ ЗОНДЕРГРУППЫ

С первых же дней освобождения Красного Луча советские контрразведчики начали расследование злодеяний врага.

Одна за другой раскрывались страницы кровавых преступлений подразделений службы безопасности СД, ГФП (полевой жандармерии) и других карательных органов. Поиск изуверов был нашим служебным и гражданским долгом. Гитлеровские войска отступали, но и в пекле сражений чекисты не забывали выявляемые имена палачей.

Враг, огрызаясь, уползал в свое логово. Но возмездие шло на кончике штыка советского солдата, и не было силы, способной остановить победную поступь воинов-освободителей. До взятия Берлина оставались еще долгие месяцы сражений, но мы, чекисты, обязаны были назвать имя каждого военного преступника и привести каждому из них перечень преступлений и доказательства, способные уличить этих нелюдей.

Действия гитлеровцев ужасали. Здравый рассудок не способен был понять или объяснить происходившее.

Не менее страшными были зверства предателей Родины, прислуживавших фашистам в городской полиции, украинской криминальной полиции и зондергруппе «Петер». Последняя особенно привлекла чекистское внимание.

В период гитлеровской оккупации зондергруппа прослыла самым жестоким и кровавым карательным формированием. Она повинна в гибели тысяч советских патриотов в Красном Луче и прилегающих к нему Ивановском, Боково-Антрацитовском и Ровеньковском районах Ворошиловградской области. Позднее следы зверств прослеживались на территории Донецкой, Днепропетровской, Запорожской и Николаевской областей, куда она передислоцировалась вместе с отступавшими гитлеровскими войсками.

Возглавлял зондергруппу «Петер» Голофаев — матерый преступник и лиходей. Весной 1942 года он, будучи командиром танка Т-34, в районе Харькова изменил Родине, в упор застрелил членов экипажа и сдался врагу.

Гитлеровцы встретили предателя с распростертыми объятиями, а узнав, что его отец — крупный в прошлом торговец, дед — бывший владелец шахты «Богдан», прониклись к нему большим доверием.

В Красном Луче предатель появился вместе с оккупантами. Начальник службы СД города Пауль Бехерер в знак особого расположения поручил Голофаеву создать специальную группу по

выявлению на оккупированной территория советских разведчиков, партизан, коммунистов, комсомольцев, патриотов.

Зондергруппа наделялась большой властью. Начальники городских и районных полицейских органов обширной прилегающей территории обязаны были ежедневно докладывать Голофаеву о происшествиях, всех задержанных и арестованных полицией, беспрекословно выполнять его приказания.

Голофаев руководил массовыми арестами и облавами, плодил сеть провокаторов, вместе со своими подручными истязал советских патриотов, санкционировал массовые казни.

В состав зондергруппы, насчитывавшей около двадцати человек, подбирались отпетые предатели, в основном из местных. Бывший начальник связи треста «Донбассантрацит» Пашкин, уклонившийся от эвакуации с предприятием и добровольно предложивший оккупантам свои услуги, возглавлял следственное отделение. Начальник отдела капитального строительства треста «Донбассантрацит» Щукин, тоже изменивший Родине, руководил оперативным отделением зондергруппы.

Следователем служил бывший сотрудник отдела снабжения завода имени Петровского некто Кнутов. Он столь умело до войны носил личину патриота, что местные партизаны накануне прихода фашистов устроили в его доме явочную квартиру. Этот предатель выдал явки и базы Ивановского партизанского отряда и лично участвовал в операциях карателей по уничтожению подпольщиков и партизан.

Под стать этим изменникам были и остальные сотрудники зондергруппы «Петер». Они погубили множество честных советских людей, патриотов, боровшихся против гитлеровских захватчиков.

Кровавые следы зондергруппа оставила в разных районах оккупированной территории Украины. Ее жертвы взывали к возмездию.

После освобождения Красного Луча и предварительных следственных мероприятий в 1944 году всех бежавших с гитлеровцами сотрудников зондергруппы «Петер» мы объявили во всесоюзный розыск, а ее руководящий состав — Голофаева, Чашкина и Щукина — искали как особо опасных преступников.

СВОЯКИ

Когда трест «Донбассантрацит» эвакуировался в угольные районы востока страны, начальник отдела капитального строительства Щукин исчез и объявился в Красном Луче только после прихода гитлеровцев, в июле 1942 года. Свои услуги в качестве инженера-шахтостроителя он предложил оккупантам сразу, пообещав не щадить сил «для укрепления экономического могущества рейха».

Бывалые специалисты из фашистских спецслужб быстро разглядели в «добровольце» махрового антисоветчика и назначили предателя начальником украинской криминальной полиции города. На этом поприще Щукин лез из кожи вон, чтобы угодить хозяевам. Рвение изменника было замечено, и последовало назначение в зондергруппу «Петер».

На новой должности Щукин усердствовал пуще прежнего. Начальник оперативного отделения лично участвовал во всех проводившихся Голофаевым операциях зондергруппы по выявлению и ликвидации партизанских отрядов, поиску и уничтожению советских разведчиков, поимке и аресту оставшихся па оккупированной территории коммунистов и комсомольцев, а также в массовых карательных акция против мирного населения.

Тут он тоже преуспел, и до такой степени, что получил под свое начало концлагерь, созданный гитлеровцами на территории шахты № 17— 17-бис, где содержались до казни арестованные СД, жандармерией и полицией советские патриоты. Не раз Щукин цинично бахвалился, что в борьбе против Советской власти он воюет за двоих, поскольку находится сразу на двух должностях.

Щукин активно склонял на путь предательства и других людей, а двух свояков пристроил на службу в концлагерь: одного — охранником, а второго — завхозом. Первый не слишком оправдал надежды Щукина, зато в лице второго он получил себе крепкого подручного.

Завхоз оказался рьяным пособником оккупантов, изощренно издевался над узниками концлагеря, охотно участвовал в казнях. В качестве поощрения от гитлеровцев и Щукина он получал одежду заключенных, которых перед вывозом на шахту «Богдан» для уничтожения раздевали до исподнего. Этой одеждой своих жертв палач бойко торговал на рынке.

Когда под напором Красной Армии гитлеровцы оставили город, Щукин ушел с зондергруппой «Петер» на запад, прихватив с собой обоих свояков.

ИСКУПЛЕНИЕ КРОВЬЮ

Поиск преступников велся непрерывно. Он требовал от чекистов огромных усилий и напряжения, ведь предатели старались замести следы и скрыться, раствориться в людском море. Мы по крупицам собирали сведения о палачах, орудовавших в период оккупации r Красном Луче.

Достоверных известий о Щукине не поступало. Наконец, весной 1945 года мы узнали, что в одном из окрестных поселков появился щукинский свояк, служивший охранником в концлагере.

С группой чекистов отправляюсь на задержание. Но арест не состоялся. И вот почему.

Направлялись мы за ярым врагом, а встретили инвалида в солдатской гимнастерке с орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Это был не маскарад, к которому часто и охотно прибегали предатели и фашистские агенты.

Тщательная проверка показала, что бывший охранник, казавшись в районе Днепропетровска, осенью 1943 года был мобилизован в Красную Армию, направлен на фронт и смело сражался с гитлеровцами. Сознавая свою вину за службу оккупантам, он стремился собственной кровью смыть позор и заработать прощение соотечественников.

Он не раз отличался в боях, заслужил высокие солдатские награды. В марте 1945 года, после тяжелого ранении, потерял ногу, демобилизован из действующей армии и вернулся в родные места.

Поскольку было установлено, что к акциям по уничтожению советских людей он не причастен, в охране концлагеря оказался по настоянию Щукина из боязни быть угнанным фашистами на каторжные работы в Германию и учитывая чистосердечное раскаяние, добросовестную службу в рядах Красной Армии и тяжелое ранение, полученное в боях против врага, решили к уголовной ответственности его не привлекать как искупившего вину перед Родиной собственной кровью.

Приятно, что мы не ошиблись. Всей последующей жизнью этот человек оправдал доверие, прощение сограждан…

Проанализировав собранные данные, мы активизировали поиски следов Щукина в районе Днепропетровска. Безрезультатно. Матерый преступник как в воду канул.

В декабре 1945 года объявился второй свояк. Чекистам удалось установить, что завхоз концлагеря на шахте № 17 — 17-бис скрывается в Новобугском районе Николаевской области. Его взяли под наблюдение, но арестовывать не торопились:

предполагали, что от этого предателя ниточка может потянуться к логову Щукина.

Полгода чекисты терпеливо ждали зацепку, которая помогла бы выйти на опасного военного преступника. И такая зацепка появилась. В конце мая стало известно, что жена завхоза получила весточку от своей сестры — жены Щукина, где сообщалось, что она с мужем благополучно живет на свободе.

Наступила пора активных действий. Мы решили больше не откладывать арест завхоза и выходить на Щукина в процессе следствия.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Организованный в Красном Луче комбинат «Донбасс-антрацит» для производственных нужд арендовал звено самолетов По-2. Этим я и воспользовался, начиная чекистскую операцию.

Поскольку задержание нужно было произвести стремительно, ошеломив и обескуражив затаившегося врага, предупредить возможную утечку информации, я попросил у руководителей комбината самолет.

Из Красного Луча вылетели ночью, чтобы утром быть на месте и в тот же день вернуться назад.

Сначала все шло по плану. Около 9 часов утра, долетев до Новобугского района, приземлились на окраине населенного пункта, задержали завхоза. Но в ходе обыска в квартире арестованного произошла неожиданность: свежее письмо, отправленное из Курска, написано рукой жены Щукина.

Это послание мы читали с особым вниманием и почерпнули много полезных сведений. В нем сообщалось, что Щукин служит в инженерном подразделении, восстанавливающем в городе Курске железнодорожные мосты, имеет звание майора и уверен в собственной безопасности.

Не было сомнений: в наши руки попал ценный документ. Сразу же вношу коррективы в план операции, так как упустить возможность задержания Щукина по открывшемуся адресу было бы просто преступно.

Арестованного сдаю в Новобугский райотдел милиции. Самолет, поскольку летчик без специального разрешения высоких инстанций не имел права лететь за пределы Украины, отправляю в Красный Луч с приказом чекистам нашего горотдела выслать конвой за арестованным. А сам, не теряя времени, со своим опытным помощником, старшим оперуполномоченным Строковым, еду в Курск.

Действую, что называется, на собственный страх и риск: связи с Ворошиловградом нет, посоветоваться с руководством управления госбезопасности невозможно.

Что ж, чекист должен уметь брать ответственность на себя…

ПРИВЕТ ИЗ КРАСНОГО ЛУЧА

Двое суток непрерывно в движении. Рабочими и товарными поездами, попутными паровозами через Знаменку, Черкассы, Бахмач, Конотоп едем в Курск.

Дорога вымотала до крайности. Однако, ступив на перрон Курского вокзала, мы со Строковым не позволили себе ни минуты передышки.

Первым делом через дежурного военной комендатуры железнодорожной станции установили, что в городе действительно дислоцируется соответствующая воинская часть. Потом обратились за помощью в местные органы милиции, где нам выделили сотрудника, хорошо знающего город.

С милиционером отправляемся по адресу, указанному в письме жены Щукина.

Нас не ждали. Дверь открыла заспанная женщина, которая не сразу поняла, кто и зачем явился к ним среди ночи.

Щукина дома не оказалось — он дежурил в своей воинской части, и я поспешил туда. В штаб, благодаря чекистскому удостоверению, прошел беспрепятственно. У кабинета дежурного остановился, переводя дух, проверил оружие и взглянул на часы. Стрелки показывали 5 часов утра.

Операция вступила в заключительную фазу.

Шагнув в кабинет, закрываю за собой дверь. Оружие в кармане, на боевом взводе.

Сидевший за столом майор поднял голову и строгим голосом спросил:

— Кто такой? Кто пустил? Штатским тут не положено!

Я был в гражданской одежде, чтобы не привлекать к себе особого внимания. Расчет усыпить бдительность преступника оправдался.

— Я привез привет из Красного Луча, — говорю, достав пистолет.

Щукин вздрогнул, лицо его покрылось смертельиой бледностью, рука скользнула к кобуре.

— Руки вверх! Встать! Лицом к стене! — скомандовал я. — При попытке сопротивления буду стрелять!

Щукин молча подчинился и тяжело поднялся из-за стола.

Два года краснолучские чекисты искали этого предателя и палача.

Теперь он стоял с поднятыми руками…

Все сотрудники зондергруппы «Петер» не ушли от ответа. Усилиями чекистов их нашли, обезвредили и передали в руки

правосудия. Только Голофаев избежал суда. Кровавый изменник и каратель, награжденный гитлеровцами за предательскую деятельность железным крестом, через много лет после войны обнаружился в Бразилии.

К сожалению, он — не единственный военный преступник, скрывшийся в Латинской Америке.

ВЕСНА НА БАЛКАНАХ

1952 год. Расписываюсь, что ознакомлен с приказом руководства органов государственной безопасности страны. Получаю документы и отправляюсь из Ворошиловграда в долгосрочную командировку. В Болгарию.

Задача группы советских чекистов — помочь болгарским товарищам, по просьбе правительства, в налаживании работы по защите молодой республики народной демократия, борьбе против контрреволюции и происков западных спецслужб. А обстановка — и в политическом, и в оперативном отношении — сложная.

После Сентябрьской революции 1944 года, свергнувшей монархо-фашистский строй, Болгария, вступая на путь социалистического развития, получила в наследство из тяжелого прошлого множество острейших проблем. Очень слабая экономика — страна десятилетиями использовалась как аграрный придаток капиталистической Европы, собственной промышленности не имела, если не считать маленьких частных-полукустарных заводиков по переработке сельскохозяйственной продукции. Катастрофическое положение с кадрами — высшее образование было доступно только представителям привилегированных классов, которые получали специальность в учебных заведениях Италии, Германии, Англии. Вылазки и провокации местной буржуазии и иностранных фирм, которые после национализации лишились своих капиталов и источника постоянных барышей. Эти и другие проблемы усугублялись массированным давлением Запада, стремившегося любой цепой затормозить и обратить вспять процесс становления народовластия.

Верный интернациональному долгу, СССР помогал республике налаживать новую жизнь. При содействии Советского Союза началось невиданное по масштабам Болгарии строительство. Возводились первый в стране металлургический завод в городе Димитрове (ныне — Перник), судостроительный завод в Варне, химический комбинат и ТЭЦ в Димнтровграде, крупнейший на Балканах содовый завод в Девне, комбинат полиметаллов в Хаскове, завод сельскохозяйственных машин и уникальный мост через Дунай в городе Руса, целый ряд других промышленных объектов, в корне менявших экономическое лицо страны и выводивших ее из вековой отсталости.

Через крупнейшие стройки Болгарии пролег не только своеобразный водораздел между старой и новой историей страны.

В те дни здесь пролегла невидимая линия фронта, на которой

болгарские контрразведчики вели нелегкую борьбу против врагов Сентябрьской революции. И советские чекисты помогали им своим опытом, знаниями, практической работой.

Расскажу об одной операции. Началась она с того, что Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии поручил группе контрразведчиков проанализировать все Учащающиеся случаи внезапного и необъяснимого повышения западными фирмами цен на оборудование и материалы, необходимые стройкам страны. Каждый раз это происходило именно в тот момент, когда Министерство внешней торговли готовилось приступить к переговорам с конкретными фирмами, и касалось только тех товаров, которые собирались купить болгары.

Картина действительно складывалась любопытная.

Советский Союз обеспечивал основные поставки оборудования и материалов на эти объекты и выполнял обязательства четко, несмотря на собственные трудности, вызванные необходимостью восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Только некоторые виды оснащения, техники и материалов Болгария вынуждена была закупать в других странах. И цены на них на мировом рынке стояли весьма невысокие, но лишь до той поры, пока правительственные органы НРБ не начнут изучать возможность покупки.

Едва в кабинетах Министерства внешней торговли созревало решение обратиться, скажем, к английским фирмам, как цены, словно по команде, вырастали у этих фирм в десятки раз. Стоило только подумать о переориентации на итальянские или французские фирмы, то же самое происходило и там.

Странное «опережение событий» давало основание предположить, что иностранные фирмы заранее получают информацию о появляющихся у болгар сложностях и планируемых путях их преодоления.

Контрразведчики приступили к выявлению источников утечки важной экономической информации.

Другие чекисты, занимавшиеся совсем иными вопросами, примерно в тот же период обратили внимание, что в одном из частных ювелирных магазинов Софии в продаже появилось множество золотых заготовок для зубных коронок. Настораживало необычное их количество и отсутствие на пластинах клейма с пробой.

Пробирная палата проверила несколько пластин и дала заключение: заготовки для зубных коронок изготовлены из золота английских стандартов.

Над этим фактом мы задумались всерьез, когда стало известно, что владелец магазина регулярно встречается с

сотрудником Министерства внешней торговли Младеновым. Дружить, как говорится, никому не возбраняется, но что же связывает оборотистого ювелира с государственным служащим, занимавшим при монархическом правительстве заметный пост во внешнеторговом ведомстве?

Решили присмотреться к этой дружбе, и вскоре в наше поле зрения попала еще одна колоритная фигура — Апостолов.

Крупный в царской Болгарии торговец, поставлявший отборные македонские табаки в Англию, в последние год-полтора свернул свое дело. Образ жизни стал вести довольно странный: не работая, все время разъезжает по стране на собственном лимузине американского производства и почему-то систематически оказывается в тех местах, где строятся важнейшие промышленные объекты.

Проработка соответствующих материалов показала, что в среде частных предпринимателей Апостолов слывет очень богатым человеком, располагающим миллионными вкладами в английских и швейцарских банках.

Данные, полученные разными путями об этой троице, все более настораживали, и руководство органов госбезопасности санкционировало арест владельца ювелирного магазина. Основание: нарушение торговых правил — продажа золотых пластинок, не прошедших пробирную палату.

Под грузом предъявленных обвинений ювелир сознался, что золотые заготовки для зубных коронок получает для реализации от Апостолова и основную часть вырученных денег возвращает ему же.

Незамедлительно арестовали Апостолова. При обыске на его загородной даче оперативная группа обнаружила хитроумно оборудованный тайник, где хранились восемь стандартных банковских слитков золота с клеймом английского банка общим весом более 78 килограммов, около десяти тысяч золотых заготовок для зубных коронок и приспособления для их штамповки. Нашлось и немало специфичных предметов, не имеющих ничего общего с коммерцией, но составляющих обязательный шпионский набор.

Следствие шаг за шагом восстанавливало события.

Еще до войны Апостолов был завербован английской разведкой и активно сотрудничал с ней. После Сентябрьской революции по команде британских спецслужб постепенно прекратил торговую деятельность в ожидании новых заданий.

И дождался. Второй секретарь английского посольства в Болгарии передал ему на связь целый ряд агентов разведки, в числе которых были и крупные частные предприниматели, и

чиновники бывшей монархической администрации (среди них — Младенов), и инженерно-технические работники, в свое время окончившие высшие учебные заведения в Англии.

Ставка в широкомасштабной шпионской акции делалась на гуманность и демократичность народной власти, правительства Отечественного фронта Болгарии и трудности, испытываемые республикой с кадрами. Поскольку чиновников и специалистов, оставшихся в стране и пожелавших работать в государственном секторе, охотно принимали на службу, в задачу агентуры входило внедрение в правительственные учреждения, на важнейшие предприятия и стройки.

От агентуры Апостолов, как резидент, получал информацию о политической и экономической обстановке в стране. Особенно настойчиво британская разведка требовала сведения о развитии производственного потенциала Болгарии, о строящихся и планирующихся промышленных объектах, чтобы готовить экономические диверсии против молодой республики.

Все собранные шпионские данные резидент передавал по секретному каналу в английское посольство в Софии.

Из показаний Младенова выяснилось в частности, что он, используя свои возможности сотрудника Министерства внешней торговли, выведывал планы этого государственного органа и сообщал Аностолову о намечающихся закупках материалов и оборудования. Английское посольство информировало соответствующие спецслужбы, то, в свою очередь, оказывали давление на фирмы-производители этих товаров, побуждая взвинчивать цены на технику, оснащение и материалы, выдвигать кабальные условия поставок, чтобы наносить народной Болгарии серьезный ущерб.

Ну, а золото?

Английское посольство в НРБ, через которое британская разведка рассчитывалась со своими наймитами, испытывало затруднения с болгарской валютой и для оплаты шпионской деятельности агентуры наделило Апостолова золотыми банковскими слитками. Резидент штамповал из них заготовки для зубных коронок, реализовывал через своего агента-связника — владельца ювелирного магазина и получал болгарские деньги для агентуры.

Всего по делу этой шпионской группы органы государственной безопасности НРБ разоблачили и обезвредили 13 агентов британской разводки. В победу немало труда вложили и мы — советские чекисты.

АНАТОЛИЙ МОИСЕЕВ «ДОСТОВЕРНО УСТАНОВЛЕНО…»

Анатолий Арсентъевич Моисеев в органах государственной безопасности служил с 1949 года по 1980, в Ворошиловградском областном управлении КГБ — с 1959 года до ухода в отставку. Полковник в отставке. Член КПСС с 1943 года. Участник Великой Отечественной войны.

ЧАСТЬ 1-я

3 декабря 1947 года работник Дублянского райкома партии Павел Иванович Головко по служебным делам уехал в село Велика Белина. Срок командировки истек, но обратно он не вернулся.

Райкомовцы, обеспокоенные судьбой товарища — энергичного коммуниста, бывшего фронтовика, до конца не залечившего боевые раны, — не обнаружили Головко ни в селе, ни на единственной ведущей в райцентр дороге. Человек как в воду канул.

К поискам подключили нас, чекистов. Установить удалось немногое: 3 декабря Павел Иванович действительно приехал в Велику Белину, райкомовский транспорт — сани — отпустил, сказав ездовому, что на обратном пути воспользуется колхозными лошадьми. Днем местные жители его видели в селе, но никто не мог ответить, где Головко был вечером, уехал или остался ночевать.

Обследование окрестностей ничего не дало. И только на кромке Белинских болот — обширных и труднопроходимых топей, местами не замерзавших даже в сильную стужу, — были обнаружены временная стоянка и следы группы людей, оставленные сутки-двое назад.

Эти следы, терявшиеся в болотной хляби, навели на мысль, что партийного работника постигла страшная участь.

В Дрогобычской области (она была создана в 1939 году и в 1959 году влилась в состав Львовской области), как и в ряде районов западных областей Украины, орудовали банды буржуазных националистов. После изгнания гитлеровских захватчиков Советской Армией боевики ОУН не сложили оружие. Они зверски убивали коммунистов, честных, преданных Родине людей, уничтожали государственное и колхозное имущество, поджигали общественные здания, грабили магазины, терроризировали мирное население, стремясь затормозить процесс социалистических преобразований в крае.

У Белинских болот в это время в округе была зловещая слава — там укрывались оуновцы, совершавшие кровавые преступления в Дублянском, Мединичском и других районах области.

Не оставалось сомнений, что Головко попал в руки бандитов, буквально охотившихся за партийными работниками, советскими активистами. К сожалению, виновников трагедии сразу найти не удалось.

Весной в Великой Белине бесследно исчез первый

комсомолец села Василий Равлюк. Достоверных сведений было крайне мало, строились разнообразные версии, но анализ оперативной обстановки, сопоставление ситуаций и данных, которыми располагали чекисты, говорили о том, что произошел террористический акт.

Загадочные исчезновения коммуниста и комсомольца в Великой Белине, несмотря на усилия оперативных работников, долго оставались нераскрытыми, но мы не опускали руки и, наперекор трудностям и неудачам, продолжали поиск преступников.

В 1952 году в результате проведенной чекистской операции по разгрому вооруженной банды, возглавляемой националистом по кличке «Билый», были захвачены важные документы местных оуновцев. При этом сдался член банды по кличке «Прут».

На счету бандгруппы Билого было не одно кровавое преступление. Документы, свидетельства очевидцев и показания бывшего боевика, поисковые материалы и другие данные — все это было соотнесено между собой и подтверждало, что террористические акты в Великой Белине совершила банда Билого.

Так следователи-чекисты, среди которых был и я, приступили к новому этапу расследования дел пятилетней давности.

Борьба против вооруженных группировок ОУН, гитлеровских приспешников, политических террористов и озверевших мародеров была трудной, жестокой, непримиримой. Операции по их обезвреживанию порой превращались в настоящие сражения, когда чекистам противостоял враг с минометами, пушками, пулеметами (фашисты, а потом и западные спецслужбы позаботились, чтобы националистические формирования были вооружены, что называется, до зубов).

В бой чекисты вступили бесстрашно, не щадя себя. Но всегда помнили, что стоят-то они на страже закона, защищают свой народ, его покой, мир и интересы. И даже самый лютый враг должен отвечать только перед законом, а для этого каждое преступление нужно расследовать до мельчайших деталей, неопровержимо доказать вину переступившего границу закона. Иначе возмездие за преступление может обернуться беззаконием. Не месть, а неотвратимое наказание в соответствии с тяжестью содеянного и меру наказания определяет суд.

Задача чекистов — расследовать преступление, обезвредить врага и передать его в руки правосудия…

Шаг за шагом мы восстанавливали обстоятельства гибели коммуниста Головко.

Выяснилось, что работник Дублянского райкома партии был

захвачен и тайно вывезен из Великой Белины по распоряжению Билого. На Белинские болота был доставлен уже мертвым. Тело брошено в незамерзающую бездонную трясину.

Явный террористический акт по политическим мотивам.

Нам предстояло ответить на вопросы: как и от кого бандиты узнали о приезде партийного работника? Кто выдал его намерение задержаться в селе? Кто и как заманил в ловушку? Кто участвовал в похищении? Кто, почему и как убил?

Вывод: в селе у банды были пособники, активно участвовавшие в подготовке и осуществлении террористического акта. Но кто же они? Кате найти их — изворотливых, хитрых, рядящихся под мирных тружеников и внешними проявлениями, конечно же, не выделяющихся среди местных крестьян?

Параллельная работа по исследованию факта исчезновения Василия Равлюка позволила нам с помощью новых материалов определить, что комсомолец стал жертвой террористического акта так называемой легальной боевки ОУН — группы националистов, живущих на легальном положении под видом мирных тружеников и поддерживающих с бандитами-нелегалами тесную связь.

Оба дела переплелись, и мы разработали подробный план расследования, которым предусматривалось сначала раскрыть убийство Равлюка, а затем — Головко.

Псевдонимы, под которыми в банде Билого были известны члены боевки, чекистам дали мало. Мы сосредоточили усилия на том, чтобы установить место гибели комсомольца.

Круг поисков постепенно сужался, и накопившиеся данные привели нас к заброшенному дому семьи Сердюков, которые пару лет назад почему-то уехали из села, оставив неплохую усадьбу и за бесценок распродав свое хозяйство. Покинув Велику Белину, они практически прервали всякие связи с родственниками и односельчанами.

Прямыми уликами против них чекисты не располагали. Их нужно было добыть. И мы пришли на заброшенную усадьбу.

Пересказывать ход чекистских умозаключений долго и не слишком интересно. В работе розыскников, честно говоря, мало детективного блеска и гениальных озарений в духе Шерлока Холмса. Это тяжелая, кропотливая, объемная работа.

Начали раскопки вдоль завалившегося забора. Копать пришлось долго и на большой площади, ведь точно не знали, где искать, да и уверенности, что труп спрятан именно здесь, не было.

Наша настойчивость увенчалась успехом — на пятый день в земле обнаружили останки человека. На шее — веревка с вдетой в

узел палкой: так называемая удавка-закрутка, орудие оуновекпх палачей.

Родные опознали в задушенном Василия Равлюка, а экспертиза подтвердила дату гибели комсомольца.

С санкции прокурора супруги Григорий и Анна Сердюки были задержаны и доставлены в Велику Белину для следствия.

Сначала они полностью отрицали свою причастность к убийству Равлюка. Впрочем, мы и не ждали быстрых признаний. Опираясь на опыт расследования преступлений украинских буржуазных националистов, можно было предположить, что муж и жена Сердюки вряд ли являются непосредственными виновниками гибели комсомольца, однако преступники им должны быть известны.

Мы предъявили Григорию Сердюку материалы поиска Равлюка, фотографии, протоколы экспертизы и опознания останков, вещественные доказательства. Под грузом неопровержимых улик он начал давать показания об обстоятельствах и участниках злодейского убийства. Показания Анны Сердюк целиком совпадали с полученными от ее мужа и подтверждались документами следствия.

Чекисты установили достоверную картину преступления. Дело обстояло так. Однажды Равлюк допозна задержался в поле, возвратился в село один и зашел в дом к Сердюкам. Вскоре сюда заявились односельчане Кочкинович, Герович и Басюк, выманили комсомольца во двор, набросили на шею удавку и задушили его. Хозяевам велели молчать о случившемся, пригрозив в противном случае расправой.

Двое из участников террористического акта — Герович и Басюк — по-прежнему жили в Великой Белине и даже слыли в местном колхозе активистами. На первых допросах они запирались, напрочь отрицали любые обвинения, тогда чекисты провели серию очных ставок с Григорием и Анной Сердюками и Прутом — бывшим членом банды Билого.

Следствию пришлось немало поработать, чтобы изуверы поняли бесполезность попыток обмануть чекистов. Мы оперировали фактами, документами, показаниями, материалами экспертиз, о которые разбивались любые увертки и ложь.

Мы установили, что в легальную боевку ОУН, действовавшую в селе, входило пятеро националистов — участники террористического акта против комсомольца и бывшие местные жители Мещерский и Третьяк, которые примкнули к банде Билого и были убиты во время операции по разгрому бандгруппы, с оружием в руках.

Чекистам, боровшимся против оуновских палачей,

доводилось встречаться со всякими садистами и заплечных дел мастерами, творившими кровавые преступления на украинской земле. Наибольший гнев и отвиашепие у меня вызывали так называемые легалы. Они избегала открытых столкновений, орудовали только исподтишка, проявляя при этом особую жестокость и коварство.

В этом я очередной раз убедился, выясняя обстоятельства гибели работника Дублянского райкома партии Головко.

По крупицам удалось восстановить события 3 декабря 1947 года. В Велику Белину Головко приехал утром и сразу же отпустил райкомовские сани. Герович тут же сообщил в банду Билого, скрывавшуюся на кромке болот, что партийный работник в селе один, и получил задание с членами боевки выкрасть его и тайно доставить на расправу в логово оуновцев.

План действий боевка построила на вероломстве. Поскольку Герович в колхозе считался активистом и пользовался доверием, он предложил партийному работнику вечером отвести его в райцентр. В условленном месте на околице сани остановили Кочкинович и Басюк, якобы тоже направлявшиеся в Дубляны. Такие попутчики — местные колхозники, да еще активисты — не должны вызвать у Головко опасений.

Выехав на дорогу, бандиты втроем набросились на партийного работника, еще не залечившего фронтовые раны, скрутили его, натянули на голову мешок, швырнули на дно саней и уселись сверху. Задыхавшийся человек бился в агонии, а они гнали сани на болото.

На бандитскую стоянку Головко был доставлен уже мертвым. Тело бросили в незамерзающую трясину, где найти его невозможно, а сами, как ни в чем не бывало, возвратились в село.

Как ни юлили преступники, следствие собрало неопровержимые доказательства, и тогда убийцы стали валить вину один на другого.

Руководитель боевки Кочкинович, незадолго перед изобличением перебравшийся во Львов, пытался даже представить себя в роли жертвы националистов: мол, бандиты Билого убили отца и мать, ранили сестру.

И здесь следствию пришлось устанавливать истину. Картина открылась омерзительная. Действительно, в 1949 году члены бандгруппы Билого явились в дом Кочкиновича, застрелили его отца и мать, ранили убегавшую через окно сестру. За полгода до этого Билый передал Кочкиновичу крупную сумму денег, чтобы тот достал разные предметы экипировки. Легал прокутил деньги во Львове и в селе больше не объявлялся. Оуновцы требовали либо привезти экипировку, либо вернуть сумму обратно, но он

спрятался и от родных, и от бандитов. Подручные Билого явились в дом, перевернули все вверх дном, но не нашли ни денег, ни Кочкиновича и выместили злобу на родителях.

Следствие завершилось.

Наша чекистская задача была полностью выполнена — преступники обезврежены и изобличены. Дело передали в суд, который и определял меру наказания каждому по закону, опираясь на достоверные факты.

ЧАСТЬ 2-я

О краснодонской «Молодой гвардии» я узнал из газет в сентябре 1943-го, в перерыве между боями. Беспримерный подвиг мальчишек и девчонок поразил тогда всех бойцов нашего танкового взвода. «Молодая гвардия» оказалась первой подпольной молодежной организацией, о которой были собраны и опубликованы довольно подробные сведения. К тому же это была организация, созданная не ветеранами революционной борьбы, не мастерами конспирации, а вчерашними школьниками, моими ровесниками, которые впервые вступили в бой с врагами и проявили ь нем мужество, достойное испытанных и аакаленных бойцов.

Много позже, знакомясь с документами о подпольной организации, вчитываясь в записки из тюремных камор и надписи на стенах фашистских застенков, сделанные ее членами перед смертью, я поражался необыкновенному величию духа, нравственной красоте, нескрываемому презрению, с которым жертвы смотрели на своих палачей, беспримерному великодушию, с которым идущие па смерть молодые люди думали не о себе, а о близких, успокаивали их! Фашизм убивал, фашизм мог завершить процесс растления мещанина, мог купить предателя, но он ни разу не одержал победы над человеком-бойцом! Не потому ли так бесновались палачи, не потому ли «мастера» гитлеровских застенков раньше других, раньше профессиональных солдат и генералов ощутили неизбежность грядущего поражения?!

Меня и сегодня часто спрашивают молодые: а был ли смысл через десятилетия искать тех, кто служил врагу, к давности преступления закон, мол, снисходителен. Оно, конечно, так. Но закон должен быть еще и справедлив. Палачи тоже ходили на двух ногах, были о двух руках и с человеческой речью. Да и воспитывались они в тех же условиях, что и их жертвы. Нет, не должны были они спрятаться от гнева народа. Чуму победили, когда рассмотрели бациллы, которые, поселяясь в человеческом организме, разрушают его. Предательство тоже имеет свои бациллы…

Еще задолго до оккупации Донбасса в фашистской Германии в городе Магдебург была сформирована жандармская команда, насчитывавшая в своем составе около тысячи человек кадровых жандармов и полицейских. Ее целью было установление и поддержание «нового порядка» на захваченной территории. Это были профессиональные убийцы, получившие циничную

инструкцию вместо слова «расстрелян» употреблять выражение «подвергнут особому обращению».

Несколько взводов этой команды и были размещены на оккупированной территории Ворошиловградской области, в том числе в городах Краснодон и Ровеньки. Они сразу же приступили к созданию местного полицейского аппарата.

Один из этой команды старый член нацистской партии, начальник окружной жандармерии гауптман Ренатус Эрнст-Эмиль и гитлеровский комендант Краснодона майор фон Гсдеман создали так называемую украинскую полицию, которую возглавил заклятый враг советского народа Соликовский.

Его заместителем стал Орлов — бывший офицер деникинской армии. Питая ненависть к Советской власти, он умышленно остался на оккупированной территории и с первых же дней «нового порядка» предложил гитлеровцам свои услуги. Позже за проведение активной карательной деятельности вырос до начальника Ровеньковской районной полиции.

Начальником криминального отдела был назначен Захаров (настоящая фамилия — Шульга) — до Великой Отечественной он проживал в Днепродзержинске, систематически занимался кражами, за что был судим. Бежав из-под стражи, похитил документы у гражданина Захарова и по ним скрывался на территории Донбасса до оккупации его фашистами. С первых же дней на службе у врага, за преданность повышен в должности до заместителя начальника Краснодонской районной полиции.

Подтынный — комендант полицейского участка, затем заместитель начальника городской полиции. Бывший лейтенант Красной Армии, сдавшийся в 1941-м в плен и добровольно перешедший на службу врагу. Старшие следователи Районной полиции: Кулешов — бывший белогвардеец, Усачев — сын крупного землевладельца, тоже бывший белогвардеец.

Лукьянов — старший полицейский районной полиции. В 1919–1920 годах служил в белоказачьих войсках генерала Краснова, в 1933 году за отказ от работы общим собранием колхозников исключен из колхоза, в том же году за проведение антисоветской деятельности осужден к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, из-под стражи бежал, скрывался…

Аналогичные биографии и у остальных предателей. Все они считали себя обиженными Советской властью, верой и правдой служили фашистам, пытаясь доказать им свою холуйскую верность, творили кровавые преступления в Краснодоне.

Возмездие настигло убийц «Молодой гвардии». Некоторые из них предстали перед судом еще в годы войны, другие скрывались в течение ряда лет. Однако и они были разоблачены и понесли

заслуженное наказание. Уже в феврале 1943 года, сразу после освобождения Краснодона советскими войсками, были арестовpны предатели подполья Геннадий Почепцов, его отчим Василий Громов, а также старший следователь полиции Михаил Кулешов. В августе того же года фронтовой военный Трибунал приговорил их к смертной казни. Не ушли от справедливого возмездия бургомистр Краснодона Стаценко, начальник шахты Жуков, с помощью которого Почепцовым был передан донос, полицейские Лукьянов и Давиденко, пытавшиеся при наступлении Красной Армии вместе с оккупантами покинуть город. Был пойман и главный организатор расправы над «Молодой гвардией» бывший начальник окружной гитлеровской жандармерии, дослужившийся до полковника, Ренатус.

Летом 1959 года органами государственной безопасности разоблачен матерый преступник, палач и убийца многих советских людей Василий Подтынный. Во время судебного следствия он вынужден был рассказать всю правду о страшных днях, проведенных героями «Молодой гвардии» в застенках гестапо. Его признания пролили свет на многие, долго остававшиеся неизвестными обстоятельства трагической гибели отважных молодогвардейцев.

К сожалению, ушли от возмездия начальник Краснодонской полиции Соликовский, его заместитель Захаров, их верный помощник полицейский Мельников.

В начале шестидесятых годов я, тогда еще молодой следователь КГБ, снова и снова возвращался к этим трем зловещим фигурам. Пытался представить мотивы, логику их поступков. Перечитывал собранные в несколько томов архивно-следственные документы, показания подсудимых и свидетелей. Жуткие, уму непостижимые картины истязании и пыток, которым подвергались шестнадцатн-восемнадцатилетние парни и девушки, описаны там.

Начальник жандармского округа Ренатус свидетельствовал, что полицейским была выдана специальная инструкция, предписывающая им применять всевозможные «меры физического воздействия» при допросах арестованных. И те старались, не скупясь. Бывший бургомистр Краснодона Стаценко вспомнил на следствии, например, такой эпизод. Кода Соликовский и Захаров привели в кабинет Сергея Тюленина, он был изуродован до неузнаваемости. И тут же эта свора вновь набросилась на него, кулаками сбили с ног. Коваными сапогами били по чем попало, стараясь наносить удары в живот, спину и лицо. Едва подававшего признаки жизни, его выволокли из кабинета и бросили в камеру. При последующих допросах на глазах Сережи

избивали его обнаженную мать, потом на глазах матери мучили сына…

Участие в арестах, засадах, допросах, расстрелах на счету и Мельникова. Уже тогда меня поразило свидетельство матери Сергея Левашова. Сесть о смерти сына она узнала от жены полицейского. Дело в том, что после оккупации города новоиспеченный «блюститель порядка» Иван Мельников захватил свободную квартиру в одном доме с семьей Сергея Левашова.

Мельников же и конвоировал связанного Левашова к месту казни. И когда юноша понял, что его ведут на расстрел, он сказал полицейскому: «Передай отцу и матери, что я погиб. Пусть они меня не ищут…» Естественно, Мельников сам и не думал ничего передавать, а вот жене похвастал… Та и сообщила семье Левашовых. А полицейский, каждое утро встречаясь с матерью казненного, лишь издевательски улыбался.

Я вглядывался в фотографию Мельникова. Ниже среднего роста, маленькие глаза, удивительно большие уши. Родился в 1912-м в Ростовской области, русский, образование начальное. До воины проживал в Краснодоне, работал забойщиком на шахте. Жена умерла. Видимо, не сладко ей было ходить по краснодонским улицам.

Анатомия предательства… Да, не все люди поднялись в дни войны на борьбу с врагом. Встречались и такие, которые ради своей безопасности готовы были поступиться всем, вплоть до собственной чести и совести. Причем старались не просто отсидеться, дождаться лучших времен, но и любыми путями обставить это ожидание по возможности большим комфортом. И если им случалось привлечь внимание полиции или гестапо, от них без особых усилий добивались любых сведений, даже таких, которые могли стоить жизни десяткам людей. Я знаю это не по рассказам, а по войне, часто приходилось встречаться с такими в освобожденных городах и селах.

Мельников не стал ждать, пока его позовет новая власть, сам пришел в полицию. Ему поручили рубить дрова да носить воду для кухни. Но уже это одно дало ему право вломиться в ту, соседнюю с Левашовыми квартиру, свысока поглядывать на сограждан — вот, мол, какой я, нигде не пропаду. Вскоре, оценив усердие и старание предателя, фашисты одели на его руку повязку полицейского и выдали винтовку.

Ранее неприметный в Краснодоне Иван Мельников во временно оккупированном городе стал известной и зловещей фигурой.

Итак, по свидетельским данным, Соликовский находился где-то в Англии, Захаров погиб от рук таких же, как он, изменников в

Италии, след Мельникова терялся в феврале 1943 года, когда наши войска освободили Краснодон.

Нет, конечно же, это не моя только идея была искать Мельникова. На него, как и на других изменников Родины, был объявлен всесоюзный розыск. Огромную работу проделали сотрудники Краснодонского райотдела УКГБ бывшие фронтовики Михаил Петрович Решетников, Иван Митрофанович Золотарев, Алексей Петрович Щербак. Вместе со мной вели поиск ворошиловградские чекисты Петр Егорович Костюнин, Сергей Степанович Терещенко. Первый, как и я сам, начал войну красноармейцем, насмотрелся и на героев, и на предателей. Второй в боях не участвовал, но мальчишкой в партизанской Белоруссии повидал немало. И трудно сказать, у кого из них было больше ненависти к тем, кто, став предателем, вместе с врагами топтал родную землю.

У Мельникова была одна дорога, у тех, кто искал его, — тысячи. Первичным планом розыскных мероприятий предусматривалась проработка нескольких версий. Одна из них, на первый взгляд, самая простая — Мельников скрывается у родственников в Краснодоне. Она была тщательно и в короткие сроки проработана. Не подтвердилась.

Вторая версия — бежал с гитлеровцами и проживает где-то за границей. Вполне реальна. Иногда, вслушиваясь в различные пророчества многочисленных западных радиоголосов, ловлю себя на мысли, а не подобный ли Мельникову или Соликовскому вещает у микрофона? Сейчас, во время гласности и демократизации, у нас другое отношение к подобным передачам. Но стоит ли забывать, что идеологическая борьба продолжается и бывшие каратели советского народа, предатели и изменники, играют в ней не последнюю роль?

Разрабатывалась и третья версия — Мельников жив и находится на территории нашей страны. Кого предстояло искать? Фамилия довольно распространенная. Имя-отчество — Иван Иванович — и того больше. Плюс фамилию эту легко изменить — Мельник, Мельниченко, Меленков, Мельков, Мельниченков…

Конечно, как мы рассчитывали, совершенно новую фамилию он себе брать не будет. Мог где-то встретиться с земляками, и тогда все раскроется… Но зато год и место рождения, всю биографию — можно сочинить заново. Поэтому для начала были написаны сотни запросов в разные города страны. Надеялись ли мы на успех? Честно говоря, не очень. По данным адресных бюро, прописанными значились тысячи граждан, имеющих сходные данные. А на проверку лиц, осевших в послевоенный период в непаспортизированных районах страны, могли уйти десятки лет.

И все равно эту версию, не отработав, отбрасывать было нельзя!

Второе направление поиска — беседы с людьми, которые знали Мельникова до войны и прошли с боями в тех районах, где предположительно могли отступать вражеские части и полицейские команды, ранее дислоцировавшиеся в наших краях. В военкоматах были просмотрены сотни личных дел тех, кто когда-то работал вместе с предателем на шахте, жил от него недалеко, мог по той или иной причине сталкиваться с ним. Затем были беседы с этими людьми.

И здесь нас ожидала первая удача. Один из краснодонцев, бывший фронтовик, рассказал, что встречал Мельникова где-то в конце 1944-го в действующей армии. Встрече этой в то время значения не придал, так как ушел воевать в первые дни войны и не знал, что Мельников впоследствии служил в полиции.

Решено было срочно проверить ходивший раньше слух о том, что жена Мельникова якобы получила письмо с фронта, в котором Иван сообщал, что служит в рядах Советской Армии. Но письмо якобы у нее кто-то забрал, а номера воинской части она не помнит. Данные о получении письма подтвердила хозяйка квартиры, у которой в то время жила Мельникова с детьми. Значит, необходимо уделить особое внимание проработке этой линии, продолжить розыск через архивы Министерства обороны СССР. Но каков район боевых действий части, в которой служил Мельников?

Мне и моим товарищам приходилось беседовать с сотнями людей. И разное у них было отношение к сотрудникам госбезопасности. Еще свежи были в их памяти 1937 и 1949 годы, суд над Берией, Абакумовым… Но ни разу не услышали мы отказа в помощи. Особенно от краснодонцев. Ведь от рук палачей погибли не просто подпольщики, мученически погиб цвет города, его молодость и гордость.

Параллельно с поиском Мельникова велся сбор документов, свидетельских показаний о «деятельности» изменника. Мы поднимали судебные и архивные дела, беседовали о нем с теми, кто сидел в застенках гестапо, но остался жив, родственниками молодогвардейцев. Начался розыск лиц, которые в Краснодоне или позже могли служить вместе с Мельниковым в полиции и ныне отбывали наказание в местах свободы.

Так был раскрыт путь падения этого человека. Вернее, уже не падения, а преступлений.

…Первое время он патрулировал по городу, вводя «новый порядок». Многие отмечают его услужливость — спичечку гитлеровцу вовремя поднести, чтоб прикурил, по поручению сбегать. И в то же время требовательность к своим, особенно во

время патрулирования по городу — здесь в ход шли и ругань, и кулак.

Вскоре в знак высокого доверия его приставили охранять камеры, в которых сидели арестованные советские граждане. Свидетели рассказывали, как Мельников в знак благодарности за поощрение в октябре арестовал и доставил в полицию своего соседа, бывшего товарища по работе в шахте, коммуниста, стахановца-орденоносца М. С. Бирюкова.

Бывший партийный работник З. П. Петрухин вспоминал: «Вместе со мною в камере, которую охранял Мельников, сидел бывший заведующий Новосветловским райземотделом Л. Г. Мороз. После допроса привели его назад окровавленного, изуродованного, три дня он не мог пошевелиться. Так избили его нагайкой с металлическим наконечником гитлеровские холуи Мелышков и Лукьянов».

В августе — сентябре 1942 года в Краснодоне была арестована большая группа советских и партийных активистов. Тридцать два патриота были вывезены в местный парк и живыми закопаны в землю. И к этой зверской расправе причастен Мельников. Он вместе с другими полицаями охранял автомашину, когда в нее сажали советских людей для отправки на казнь.

Неопровержимые доказательства непосредственного участия Мельникова в засадах на отважных молодогвардейцев и в издевательствах над их родителями привели Елена Николаевна Кошевая, Александра Васильевна Тюленина, Мария Андреевна Борц, Елизавета Алексеевна Осьмухина…

Мельников был и в числе тех, кто сопровождал на смерть две группы молодогвардейцев, среди которых были Евгений Мошков, Михаил Григорьев, Анатолий Ковалев и другие. Около самого шурфа шахты № 5 Анатолию Ковалеву удалось освободить руки, и он бросился бежать. Всю ночь Мельников разыскивал его, но обнаружить отважного патриота ему так и не удалось.

Вот что рассказал бывший полицейский Давиденко о казни второй группы подпольщиков. Когда обреченных подвезли к шахте, началось страшное зрелище. Молодогвардейцев поодиночке сбрасывали с саней и избивали. Но они мужественно бросали в лицо истязателям слова ненависти и презрения. Тогда палачи стали поднимать платья у девушек и закручивать над головами, а ребят избивать…

П. А. Черников, первый бургомистр Краснодона, показывал, что Мельников однажды пожаловался ему, мол, раньше пачки махорки хватало на несколько дней, а сейчас курит одну папиросу за другой, так как был на страшной операции, бросали в

шурф арестованных…

После расправы каратели возвращались с «трофеями»: почти каждый нес кожушок, валенки или шапку — фашистскую «плату» за кровавые злодеяния.

Полицейский Бауткин на очной ставке с Подтынным рассказывал: «В тот период, когда молодогвардейцев расстреливали и сбрасывали в шурф шахты, как-то утром я пришел в полицию и заступил на дежурство. В одной из комнат, где до этого сидели девушки из „Молодой гвардии“, я увидел Подтынного, который вместе с Мельниковым и другими полицейскими делили вещи расстрелянных».

Конечно же, после всех этих злодеяний преступникам оставалось одно — бежать вместе с хозяевами. Они уже поняли: пересидеть неделю-другую в городе не удастся. Мужество советских людей, казненных ими молодогвардейцев было самым красноречивым свидетельством того, что фашисты не смогут победить в этой войне.

И вот нами обнаружен и опрошен бывший полицейский из Краснодона Нечай, через которого удалось уточнить, каким путем отступали подразделения карателей. Причем он назвал еще девять бывших полицейских, которых предстояло разыскать и опросить.

В результате кропотливой работы был определен маршрут бегства: село Селезневка, что недалеко от Коммунарска. И там под руководством Подтынного Мельников продолжал нести службу полицейского. Он принимал участие в облавах в селах и на шахтах, задерживал советских воинов, попавших в окружение. В поселке Уткино им было убито два наших солдата, а один задохнулся в шахте от газов, отказавшись сдаться. Несколько задержанных солдат были отправлены в лагеря.

И отсюда, боясь ответственности за совершенные преступления, Мельников бежит в город Дебальцево Донецкой ооласти и там вступает в гитлеровскую армию. В то время фашистам нужны были больше не каратели, а солдаты… Дальнейший путь отступления: Запорожье — Хортица — Николаев — Одесса — Александров. Последний раз видели Мельникова у села Манзир. После проведения Советской Армией Ясско-Кишиневской операции многие полицейские были захвачены наступающими войсками или оказались в тылу. Не исключалось, что Мельников мог быть призван в действующую армию, как это произошло с тем же Нечаем.

Мы установили десятки наших воинских подразделений, дислоцировавшихся в районе села Манзир. Особое внимание обращалось на запасные части, которые формировались в конце

1944 — начале 1945 годов. Наконец, было доказано, что И. И. Мельников проходил службу в 596-м полку в звании ефрейтора. Но в августе 1945 года часть была расформирована.

Все предстояло начинать сначала. Вновь через архивы розыскиваем сослуживцев И. И. Мельникова. Ответы необнадеживающие: «Не прибыл», «На учете в военкомате не состоит», «Умер в… году». Одновременно ведется розыск их родных и близких. Пусть подскажут, где живут ныне бывшие солдаты.

И вот в Киеве найден сослуживец разыскиваемого — Минин. Да, Ивана Мельникова помнит, приметы совпадают, рассказывал, что работал на шахтах, всю войну был на фронте, семья погибла в период оккупации. Минин назвал еще несколько фамилий солдат, которые могут знать Мельникова, так как в последние дни перед расформированием они работали в одной бригаде в городе Хмельницке на овощной базе.

Снова поиск, снова ответы: «Не помню», «Не знаю», «Не состоит на учете в военкомате», «Умер». В мае 1962 года нашли бывшего офицера Вакарева, который назвал еще несколько офицеров полка, причем не точно — Лицовский, Бойцовский, Войцеховский. Опять розыск…

Поступают ответы и о розыске Мельникова — Херсонская область — 10 человек, сходных по облику и данным, Николаевская — 9, Ростовская — 25. Итого — несколько сотен. Но ведь каждого из них необходимо было проверить, это мог сделать лишь человек, знавший И. И. Мельникова!

Снова запросы по областям и неутешительные ответы из Полтавы, Тбилиси, Днепропетровска, Одессы…

Вдруг нам, в областное управление КГБ, пришло срочное сообщение из Краснодона. Одна из женщин отдыхала в Одессе и на рынке якобы видела торгующего овощами Мельникова. Но ведь Одесские паспортистки ответили, что такой не проживает!

Даем новый запрос в Одессу, теперь уже в военный комиссариат. Наконец, 16 марта 1965 года из Одесского облвоенкомата поступил ответ и приложенная к нему учетная карточка на Ивана Ивановича Мельникова. Да, до 1963 года состоял на учете в Раздельнянском райвоенкомате. При графическом исследовании его рукописи было дано заключение: почерк имеет полное сходство с почерком разыскиваемого.

…И вот мы с Сергеем Степановичем Терещенко летим в Одессу. В Великомихайловском райотделе милиции начальник, еще раз сверившись с данными паспортного стола, подтверждает: такой не значится.

— А на хуторе Три Криницы?

— В колхозах паспортный режим не введен, да я ведь оттуда родом, отец там до сих пор живет…

— А Иван Мельников?

— Иван Мельников, так это ж его сосед…

Жены Мельникова — он успел завести здесь новую семью — дома нет, где-то в поле. Да и весь хутор будто вымер, весенний день, как и летний, говорят, год кормит. Иван же дома, спит, на столе самогонка, закуска. Разбудили, начальник милиции представил нас. Иван враз протрезвел: «Я ждал вас каждый день…»

Пока шел обыск, свечерело. Весть о нашем приезде быстро облетела хутор. У дома собрались все — от мала до велика. Когда выводили арестованного, селяне потребовали: объясните, за что?

Я ответил: «Вы о Краснодонской „Молодой гвардии“ слышали? Это один из ее палачей».

Тогда одна из женщин не выдержала: «Знаете, как мы его между собой звали? „Полицай“! За злость…»

Было это 14 мая 1965 года, через несколько дней после всенародного празднования двадцатилетия Великой Победы.

Три дня переполненный Дворец культуры имени «Молодой гвардии» города Краснодона, где проходило заседание выездной сессии судебной коллегии по уголовным делам областного суда, пылал гневом. Чувства присутствовавших понятны. Можно ли быть спокойным, когда перед тоооой раскрываются все новые и новые страшные картины преступлений фашистских выродков и их прислужников?!

Бывший полицейский И. И. Мельников то подтверждает свои предыдущие показания, то отрицает их, уклоняется от прямых ответов. В полицию, оказывается, пошел, потому что нечем было кормить двоих детей. Но потом двадцать два года и не вспоминал о них. Издевался над своими жертвами, потому что, оказывается, был такой порядок. В расстрелах участвовал потому, что за отказ мог поплатиться сам.

Мне были знакомы эти доводы бывших карателей — то злобные, то недоумевающие, то претендующие на философичность. Ссылки на вынужденность, на давление обстоятельств. Все так, от легкой жизни в холуи не полезешь. Но за роковой чертой предательства спасения уже не было.

Стальные челюсти фашизма, а значит, ненависти к человеку разгрызали и не такие орешки. Оставалось одно: неуклонно погружаться в трясину. Нескончаемая агония человека, чужого на своей земле, говорящего не своими словами…

Вот эту философию, списывающую преступления на стихию обстоятельств, устраняющую персональную ответственность за

совершенное им, мы и опровергали семь долгих месяцев следствия, разыскивая все новых и новых свидетелей, документы, неопровержимые улики.

Был ли выбор у Ивана Мельникова? Да, был. Он мог оказаться среди подпольщиков, среди партизан, наконец, просто игнорировать «новый порядок», как сотни тысяч людей, оказавшихся на временно оккупированной территории. Он сам выбрал свою мишень. И вместе с надетой на руку полицейской повязкой перестал существовать как человек.

ВИТАЛИЙ ПАРФИЛЕНКО
РАНДЕВУ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Виталий Степанович Парфиленко в органах государственной безопасности служил с 1948 по 1979 год в Ворошиловградской области. Полковник в отставке. Член КПСС с 1943 года. Участник Великой Отечественной войны.

На нескольких железнодорожных станциях Ворошиловградской области почти одновременно появились листовки откровенно антисоветского характера.

Начинался 1949 год — пора очень непростая, изобиловавшая крупными и сложными проблемами. В марте 1946 года Уинстон Черчилль произнес в Фултоне печально известную речь с призывом к превентивной войне англо-американского блока против СССР. Запад встал на путь «холодной войны», строились планы подрыва социалистического государства, в том числе и его ослабления антисоветскими элементами изнутри.

В реальной обстановке начала 1949 года антисоветские листовки не могли не встревожить ворошиловградских чекистов. В результате умелой и настойчивой работы уже в апреле удалось вскрыть на территории области религиозно-монархическое подполье, именовавшее себя «Истинно православной церковью» (ИПЦ). Листовки изготовлены и распространены были им.

В ходе расследования стало известно, что преступной деятельностью ИПЦ руководил некий странник Павел, утверждавший, что он прибыл в страну из-за океана «с великой миссией», что скоро Советская Армия будет разгромлена, а активных участников подполья «ждет большое будущее».

В кругу сектантов, как особый секрет, бытовал слух о том, что странник — член царской фамилии Романовых.

Опыт органов государственной безопасности свидетельствовал: если в каком-то городке или деревушке через три с лишним десятилетия после революции объявляется самозванный отпрыск царского рода — это либо аферист, либо матерый преступник.

Установить личность человека, место его нахождения и степень опасности — эту задачу нужно было решить чекистам.

В областном управлении МГБ создали оперативно-поисковую группу во главе со старшим лейтенантом Федором Ивановичем Шитовым, по словесным описаниям воссоздали портрет странника, начали выявление и проверку его связей.

Версия об аферисте отпала почти сразу: мошенник или авантюрист-уголовник не станет организовывать монархическое подполье с листовками. Даже те отрывочные сведения, которыми мы располагали, показывали, что действует фигура калибром покрупнее. Профессиональное владение методами конспирации уже само по себе говорит о многом, а к этому добавлялись умелое и тонкое использование религиозного фанатизма, формы и политическая направленность деятельности. И еще одна существенная деталь: многих сектантов держало в страхе предположение, что странник лично причастен к убийству члена ИПЦ — женщины, которая якобы намеревалась сообщить органам власти о существовании подполья.

Чекисты по крупицам собирали данные, искали нить, которая могла бы вывести на зловещую фигуру. К делу на разных этапах подключились подполковники Геннадий Дмитриевич. Немцов и Леонид Николаевич Дубинин, майор Михаил Викторович Дрокин, старшие лейтенанты Николай Алексеевич Анненко и Иван Михайлович Копитонов, другие опытные оперативные работники и криминалисты. И именно коллективные усилия и настойчивость принесли первый ощутимый результат.

Да, как раз так мы расценили выход на новый след таинственного странника. Наряду с оперативными мероприятиями каждый из сотрудников встречался и беседовал со множеством советских граждан. В потоке разнообразной информации внимание чекистов привлек рассказ жителя Ворошиловграда П. В. Доброва.

Петр Васильевич, инвалид Великой Отечественной войны человек честный и открытый, рассказал, что после повторного длительного лечения фронтовых увечий наведался к своим родителям в глухое село Воронежской области. Мать, верующая старушка, под большим секретом поведала ему, что несколько месяцев назад в доме гостила ее давняя знакомая Настя с «братом во Христе» Алексеем, который вроде бы святой человек и сын самого царя Николая Второго.

Фронтовика до глубины души возмутило, что какой-то проходимец морочит голову и обирает бедных стариков. Мы же в «святом человеке» уловили знакомые черточки.

В Воронежскую область немедленно выехала оперативная группа под руководством начальника подразделения старшего лейтенанта Алексея Сергеевича Борисова. На месте сведения полностью подтвердились, а отец Доброва поделился своими наблюдениями: гость, оказывается, в дальнем углу сада соорудил шалаш «для уединения и размышлений», запретил всем близко подходить к этому месту, сам же отправлялся туда с запертым на

замок чемоданчиком и мотком проволоки, и из шалаша доносились треск, какое-то попискивание и другие непонятные звуки.

Что мог представлять собой чемоданчик, издающий треск и попискивание, с проволокой для антенны, сообразить было не трудно. Снаряжение такого рода плохо согласуется с образом «брата во Христе». Зато по ряду признаков сведения о нем совпадали с тем, что мы знали о страннике Павле. По времени же получалось, что в селе брат Алексей появился вскоре после начала чекистской операции по ИПЦ, когда странник бесследно исчез с территории Ворошиловградской области.

Оперативно-поисковая группа тщательно, но безуспешно прорабатывала воронежские связи самозваного родственника венценосцев, стремясь нащупать место его нынешнего пребывания. Концы он рубил профессионально, не оставляя, казалось, ни единой зацепки.

В декабре 1950 года из Донецкой области поступила информация, что в городе Артемовск задержаны несколько членов нелегальной религиозной организации, распространявшие антисоветские листовки, так называемые обращения, за подписью «Штаб христиан-демократов» (ШХД). Там следствие установило, что они были тесно связаны с каким-то проповедником-нелегалом и его помощницей — послушницей Клавой, которым удалось скрыться.

Опять знакомый почерк.

Мы объединили усилия с соседями. В результате тщательного анализа накопленных и новых данных, опросов граждан, экспертиз, сопоставления характера подпольных групп и их противозаконных проявлений чекисты бесспорно убедились: действия странника, брата и проповедника, несомненно, аналогичны, осуществлялись одним и тем же лицом.

Существенным толчком в последующей работе послужили показания задержанной в Артемовске участницы ШХД, которая созналась, что в городе Коммунарск Ворошиловградской области помогла незаконно добыть паспорта для проповедника и послушницы Клавы. Документы проповедника на имя Александра Павловича Музренко, а послушницы — на имя Валентины Петровны Даниловой.

Фамилии, конечно же, не были подлинными. Чекистам пришлось выполнить огромный объем оперативно-проверочных мероприятий, частенько идти по ложному следу, но работа продвигалась.

Параллельно с другими линиями решили скрупулезно проверить все, что могло быть связано с личностью по фамилии

Музренко, и выявили немаловажные факты.

В 1944 году на железнодорожной станции Никитовка за серьезное правонарушение был задержан некий Музрепко, но по пути в Горловку бежал из-под стражи и перешел на нелегальное положение. В 1949 году наряд милиции на станции Дебальцево задержал его вторично, но он вновь скрылся.

В архивных документах сохранилась фотография Музренко. Изображенный на ней мужчина, странник Павел, брат Алексей и проповедник из Артемовска — одно и то же лицо.

Потребовалась немалая работа, чтобы в конце концов узнать подлинное имя «потомка Романовых». По фотографии был опознан Федор Николаевич Рогов, 1910 года рождения, уроженец Кадиевского района Ворошиловградской области, который в октябре 1943 года, после изгнания гитлеровских оккупантов из Донбасса, был арестован за службу в фашистских карательных органах СД и освобожден из-под стражи за малочисленностью улик, имевшихся в тот момент.

Оперативно-поисковая группа занялась этим периодом биографии Рогова и собрала материалы, полностью изобличающие его как предателя Родины и военного преступника.

До войны он подвизался на юридическом поприще, за мздоимство и жульничество исключен из партии и уволен с работы. С началом войны от призыва в ряды Красной Армии уклонился, намеренно остался на оккупированной территории. Фашисты завербовали Рогова в качестве агента СД и использовали для выявления коммунистов, советских активистов и патриотов. В роли провокатора он проявил такое рвение, что гитлеровцы назначили его следователем специального карательного подразделения СД. Кровавый палач погубил жизни множества советских людей.

Расследование продолжалось. Если о прошлом Музренко-Рогова у нас были вполне исчерпывающие сведения, то о его настоящем, в частности — о месте пребывания, мы знали очень мало. И о его помощнице — послушнице Клаве с документами на имя Валентины Петровны Даниловой — представление было далеко неполным. Мы установили, что это Полина Архиповна Куценко, уроженка Харьковской области, запятнавшая себя сотрудничеством с гитлеровцами и с 1944 года находящаяся на нелегальном положении.

Разыскивая преступников, чекисты не сомневались, что след обнаружится, и действовали но скорректированному плану, в котором были учтены особенности методов и поведения этих лжецерковников.

Так и произошло.

Однажды по окраинному району Ворошиловграда пополз невнятный слушок, мол, кого-то навещает «святой человек», который якобы состоит в родстве со свергнутым царем Николаем.

Энергичные проверочные мероприятия подтвердили, что в одном из домов появились неизвестные мужчина и женщина, которые ведут затворнический образ жизни, скрываются от людских глаз, на улицу выходят украдкой, только глубокой ночью.

Очевидцы, мельком видевшие эту женщину, по фотографии Полины Куценко узнали ее. С мужчиной было сложнее — лица его никто из местных жителей не разглядел. И все же напрашивался вывод: если послушница Клава здесь, то ее напарник, вероятнее всего, пресловутый странник.

Опергруппа получила задание немедленно задержать скрывающихся и установить их личности. Операция была проведена четко и быстро.

Хотя мужчина и пытался бежать, оперработники были начеку. Женщину застали врасплох.

При обыске были изъяты пистолет «вальтер» с запасом патронов, несколько комплектов фальшивых документов, радиоаппаратура, чистые бланки советских учреждений, блокноты с шифрованными записями, полный набор портретов членов бывшей царской фамилии Романовых, большая сумма денег и т. д.

Обнаружили мы письма Музуренко-Рогова на имя посла США с антисоветскими бреднями н просьбой о личной встрече, а также с заверенияхми о готовности активизировать враждебную деятельность против социалистического строя, список номеров автомашин посольства и чертежи их стоянок.

Выяснилось, что «святой странник» с кровавым прошлым стремился установить тайную связь с американским посольством, выйти на прямые контакты с западными спецслужбами. Он специально ездил в Москву, наблюдал за зданием посольства, его сотрудниками и транспортом, а потом, соответствующим образом проинструктировав своих пособников, отправлял их передать собственные послания, пышащие злобой к Советскому Союзу.

Он назначал встречи. Однако ни одно подметное письмо по независящим от него причинам в посольство не попало. Вместо заокеанских гостей появились чекисты.

Дальнейшее расследование взяли в свои руки республиканские органы государственной безопасности.

Меня же занимал вопрос: для чего предатель Родины и военный преступник рядился святошей, отпрыском царской

семьи. Оказывается, используя религиозный фанатизм отдельных людей, преступнику удобнее было скрываться от закона, овладевать слабыми душами и творить зло на нашей земле, которую он столько раз предавал и бесчестил.

ВИКТОР КАТЫРЕВ
ВОЗМЕЗДИЕ

Виктор Васильевич Катырев в органах государственной безопасности служил с 1942 года, с 1943 года по 1977 год — сотрудник Ворошиловградского областного управления КГБ. Подполковник в отставке, почетный сотрудник госбезопасности. Член КПСС с 1942 года.

Закаспийская пустыня. Куда ни глянь — сыпучие скаты барханов, по которым ветер гонит ручейки песка. Бесконечное мертвое пространство, рассеченное железнодорожной насыпью и строчкой телеграфных столбов вдоль нее.

Из арестантского вагона штыками и прикладами выталкивают на песок двадцать шесть человек… Между телеграфными столбами 116 и 117 гремят выстрелы, свистят шашки, брызжет кровь… Умирают большевики, бакинские комиссары.

207-я верста.

20 сентября 1918 года…

Спустя десятилетия эхо трагедии 26 бакинских комиссаров постучалось в служебные кабинеты ворошиловградских чекистов неказистой папкой с лаконичным названием: «Материалы дознания о возможной причастности гр. Черняка А. Ф.[6] к красноводским событиям 1918 г.».

Итак, расскажу по порядку…

— Предварительно ознакомившись с имеющимися в данном деле документами, считаю целесообразным обратить на него внимание руководства, — говорит Саннинский, развязывая тесемки серенькой папки.

Я понял его сразу. Само название материалов указывало на то, что их характер радикально отличен от дел, которыми мы в то время занимались. Необычность дела вызывала повышенный к нему интерес. Этим, в частности, объясняется и то обстоятельство, что и теперь, когда пишутся эти строки, я до мельчайших подробностей помню все, что связано с работой по данному делу. Тогда же, полагая, что эмоции в серьезных делах неуместны, и пытаясь несколько охладить его, я спросил Саннинского:

— С какой же целью обратить внимание руководства? Что вы предлагаете, Борис Яковлевич: возбуждать новое уголовное дело или для личного состава нашего управления прочитать лекцию о

Бакинской коммуне?

Шутка звучит довольно жестко, но необидно. Как заместитель начальника оперативного отдела управления МГБ УССР по Ворошиловградской области знаю увлекающуюся натуру своего сотрудника и друга — бывшего школьного учителя, боевого фронтовика, тонкого знатока литературы, интеллигента-максималиста. Легкая словестная шпилька, разумеется, если позволяет обстановка, всегда действует на него отрезвляюще.

То же происходит и сейчас. Старший лейтенант Саннинский, докладывающий мне о поступивших делах и материалах, эмоциональными фразами и скороспелыми выводами больше не злоупотребляет, старается обосновывать свою точку зрения аргументами и фактами.

— Дознание но делу Черняка в 1927 году начинал окружной отдел ОГПУ территории, которая теперь входит в состав нашей области, — говорит старший лейтенант, и только угловатость жестов выдает сдерживаемое внутреннее волнение. — Поскольку материалы опять попали в наши руки, они требуют самого пристального внимания. Падение Бакинской коммуны и гибель комиссаров во главе со Степаном Шаумяном окружены цепью контрреволюционных заговоров, предательств, и провокаций, к которым причастны иностранные войска и разведки. Борьба против интервентов и вооруженных националистов разных маетен за установление в Закавказье Советской власти была длительной и кровопролитной. Пользуясь сложной обстановкой, немало контры ушло от возмездия: одни бежали за границу, другие, заметая следы, спрятались подальше от Каспия. Нет ничего удивительного, что в двадцатые годы чекистам было очень непросто расследовать такие дела.

Слушаю Саннинского, перебираю в памяти все, что знаю о бакинских комиссарах, и думаю об особенностях нашей профессии. За окном догорает тихий осенний вечер 1951 года. Между ним и сентябрем 1918 года пролегли десятилетия и множество событий, советские пятилетки и мировая война. Между Донбассом и Закаспием — тысячи километров. И вот сидят два офицера, достаточно обремененные чекистскими заботами, и пытаются мысленно проникнуть сквозь стену времени и расстояния. А что скрыто за этой стеной? Имя честного человека, обывательская жизнь приспособленца или обагренные кровью руки преступника? Задача, которая по плечу далеко не каждому ученому-историку. А для нас — обычная рядовая работа.

Поймав себя на отвлеченных рассуждениях, останавливаю Саннинского:

— Ваша позиция, Борис Яковлевич, понятна. По материалам

дела подготовьте справку для доклада. Коротко и максимально объективно.

— Слушаюсь! Завтра документ будет представлен.

Из справки старшего лейтенанта Саннинского

«Черняк Андрей Федорович родился в 1892 году в богатой крестьянской семье. Отец владел мельницей и 30 десятинами земли, где использовал труд наемных рабочих, батраков. После окончания школы по ходатайству отца Черняк принят учеником писаря в волостную управу, где работал до 1909 года. По протекции знакомого своих родителей, служащего Среднеазиатской железной дорога, прибыл в Ашхабад, работал внештатным конторщиком, потом конторщиком Красноводского материального склада железной дороги. В 1913 году назначен помощником заведующего материальным складом, находился в этой должности до 1919 года.

В июле 1918 года в результате контрреволюционного мятежа Совет рабочих и солдатских депутатов в городе Красноводске был уничтожен. Власть захватил так называемый „стачечный комитет“ во главе с эсером Куном. Черняк был секретарем стачкома, затем редактором газеты „Бюллетень Красноводского стачечного комитета“.

В феврале 1927 года Л. Ф. Черняк арестован окружным отделом ОГПУ. Основанием к аресту послужили показания бывшего члена так называемого „Туркестанского учредительного собрания“ Чайкина и бывшего министра просвещения „Туркестанского правительства“ Браже. Эти контрреволюционные деятели, давая на следствии показания о событиях в Красноводске, называли Черняка одним из возможных активных участников этих событий. После ареста Л. Ф. Черняк был направлен в Москву и находился под следствием в ОГПУ СССР.

31 мая 1927 года по делу выпесено заключение: в связи с тем, что при дознании прямых улик, свидетельствующих о контрреволюционной деятельности Черняка, не обнаружено, а установлен только факт его секретарства в стачечном комитете, за что привлечение к ответственности нецелесообразно из-за давности, и принимая во внимание, что в течение семи лет Черняк при Советской власти занимал различные ответственные должности, по которым характеризовался положительно, следствие по его делу прекратить и Черняка А. Ф. из-под стражи освободить. Заключение введено в силу постановлением Коллегии ОГПУ СССР от 7 июня 1927 года».

— Вы по-прежнему настаиваете на первоначальном мнении? — спрашиваю, отложив справку на угол стола.

— Настаиваю, — отвечает Саннипский.

— Честно признаться, пока серьезных оснований не видно. Биография не безупречная, но и не криминальная.

— А стачечный комитет?

— Не убедительно, Борис Яковлевич. Человек уже находился под следствием и освобожден, как вы пишете, коллегией ОГПУ, а это, копечно же, серьезно.

— Я нисколько не оспариваю решение коллегии, Виктор Васильевич. Лишь настаиваю на самом пристальном рассмотрении того, что попало в поле нашего зрения.

За окном опять догорает тихий осенний вечер. На улице, рассыпая трели звонка, простучал по рельсам трамвай. Из недалекого парка поплыли звуки духового оркестра — на танцевальной площадке белым вальсом начинается вечернее гуляние.

Жизнь идет своим чередом, и люди, на своих плечах вынесшие недавнюю войну и тяжким трудом поднимающие страну из разрухи, тянутся к радости и покою.

Дорогой ценой оплачен нынешний мирный вечер на фронтах Великой Отечественной и раньше, в годы гражданской войны. Однако еще далеко не каждый бой завершен окончательно, не в каждой схватке поставлена последняя точка. Об этом часто не знают и не думают люди, которые сейчас работают в заводском цеху, сидят дома за семейным столом, трясутся в дребезжащем трамвае или кружатся в вальсе на танцплощадке.

Они свое отвоевали на фронтах и в тылу, а незаконченные схватки возложили на нас — на чекистов.

Вот и сидим мы, два офицера органов государственной безопасности, и размышляем о загадке тридцатитрехлетней давности. С чем же мы столкнулись? С банальным случаем политической незрелости молодого человека, по роковому стечению обстоятельств оказавшегося подле кровавой трагедии? С соучастником преступления, прощения которому нет и не будет ни в какие времена? Правомерно ли нам, «периферии», ничем не связанной с Закавказьем и Каспием, вновь поднимать дело, следствие по которому вели столичные органы? Где основания, чтобы брать под подозрение полноправного гражданина нашей страны? И в то же время оставить без впимания эти материалы мы не можем. Профессиональная интуиция подсказывает, что мы не вправе от них отмахнуться, так как они относятся к событию, имеющему большое значение в познании истории нашей Родины

и борьбы за победу революции. Значит, прежде всего надо тщательно изучить имеющиеся документы, а потом уже принимать решение о дальнейших действиях.

— Какие материалы есть в деле? — спрашиваю у Саннинского.

Старший лейтенант заметно оживляется и, тряхнув рыжеватой шевелюрой, говорит, тщательно подбирая и взвешивая каждое слово:

— Следствие 1927 года, к сожалению, почти не располагало документами. Кроме выписок из показаний Чайкина и Краже и нескольких материалов весьма общего характера расследование строилось на показаниях самого Черняка. Впрочем, в тот момент исчерпывающими сведениями о красноводских событиях ни чекисты, ни историки еще, вероятно, не располагали. Если внимательно проанализировать показания Черняка сквозь призму исторических данных, которые известны сейчас, думаю, многое может проясниться.

— Хорошо, — соглашаюсь с настойчивым офицером, прикидывая в уме, как освободить его на несколько дней от хлопотных и трудоемких текущих дел. — Поручаю вам сделать такой анализ.

Из докладной записки старшего лейтенанта Саннинского

«В показаниях следствию, производившемуся органами ОГПУ в 1927 году, гражданин Черняк А. Ф. изложил события и свое участие в них таким образом.

В июле 1918 года в Красноводск прибыла делегация рабочих Кизыл-Арватских железнодорожных мастерских. По инициативе этой делегации общее собрание рабочих и служащих Красноводской железнодорожной станции и депо распустило местный Совет рабочих и солдатских депутатов как несправившийся с возложенными обязанностями и избрало временный стачечный комитет. Черняк был выбран секретарем этого комитета, но занимал должность непродолжительное время и участвовал лишь в нескольких заседаниях, а затем отошел от этой работы, по предложению представителей интеллигенции организовал и возглавил редакцию местной газеты, в которой публиковалась информация, поступавшая по телеграфу и радио из Москвы.

В сентябре 1918 года ему от местных жителей стало известно, что в Красноводск пришел пароход, на котором прибыли большевистские деятели из Баку. Потом, тоже из случайных

разговоров, узнал, что эти деятели были сняты с парохода, арестованы и находились в тюрьме. О дальнейшей их судьбе до него доходили только отрывочные слухи.

Летом 1919 года Черняк выехал в Баку, а затем в Ставрополь, где под фамилией Сергеев (литературный псевдоним) до 1922 года работал ответственным секретарем в газете. Потом вернулся на родину, год работал председателем волостного исполкома, перешел в уездный исполком, до ареста находился на ответственных должностях в уездных и окружных организациях. После освобождения из-под стражи в 1927 году продолжал работать в окружных и районных организациях.

Особого внимания заслуживают следующие факты. Первое: в 1918 году из Кизыл-Арвата в Красноводск прибыла не делегация рабочих железнодорожных мастерских, а крупный вооруженный отряд контрреволюционного Туркестанского правительства, Совет рабочих и солдатских депутатов был уничтожен в результате контрреволюционного мятежа. Второе: в сентябре 1918 года в Красноводске находились регулярные войска английских интервентов, включая подразделения Хэмпширокого полка, а также соответствующие английские спецслужбы. Третье: из Красноводска Черняк переезжает в город Баку, где находится буржуазно-помещичье правительство мусаватистов, а в 1920 году, когда там восстанавливается Советская власть, уезжает в Ставрополь, где его никто не знает, Четвертое: именно в этот период Черняк меняет фамилию на литературный псевдоним…

Сопоставление косвенных данных позволяет выстроить рабочую гипотезу, из которой следует, что при дознании в 1927 году, воспользовавшись отсутствием прямых улик и недостатком достоверных сведений, Черняк обманул следствие, скрыл опасные для него обстоятельства и ушел от ответственности».

Приняв эту гипотезу за исходное, отправное положение, мы приступили к проведению проверочных мероприятий.

На запрос соответствующий районный отдел милиции сообщил, что Андрей Федорович Черняк действительно живет в этом райцентре, с тридцатых годов никуда не выезжал, работает бухгалтером.

Признаюсь, эта история заинтересовала меня с первого момента и чисто по-человечески, и с профессиональной точки прения. Немало времени провел над документами, изучая материалы и размышляя над ними. И споры со старшим лейтенантом Санниискими были как бы продолжением этого — я проверял справедливость собственных мыслей, побуждая офицера к поиску убедительных аргументов для создания серьезной версии, объясняющей события.

Теперь ситуация усложнилась. Из сферы абстрактных размышлений и умозаключений дело вышло в реальную жизнь, где есть конкретный человек.

Множество вопросов, возникших вокруг папки со старым узлом, требовали ответа. Нужно было внести ясность и полностью разобраться с ситуацией, в которой обнаружились несоответствии между некоторыми событиями и их трактовкой в показаниях Черняка, проникнуть в логику его поступков того периода, чтобы снять с человека необоснованные подозрения, либо иайти им подтверждение.

Всесторонне обсудив с Сапнинским положение, я поручил ему собрать всю возможную информацию о Черняке, чтобы судить о человеке не только по бумагам далеких десятилетий. Старший лейтенант не питал надежд на особые находки и не скрывал сомнений.

— С целью сбора данных и точной информации поработав в райцентре, конечно же, надо, — сказал он, получив задание. — Но на успех рассчитывать, думаю, не приходится Если, уезжая нз Красноводска, он заметал следы, трудно предположить, что возобновил какие-либо связи, тем более после ареста в 1927 году.

— Вот, Борис Яковлевич, и присмотритесь к этому загадочному Черняку повнимательнее: чем жил, так сказать, чем дышит? Небезынтересно узнать, как вел себя во время войны, в оккупации.

— Наверное, тихо отсиживался и выжидал, чья возьмет, или действовал крайне осторожно. Будь иначе, внимания наших товарищей ему бы не миновать.

— На месте будет видней, — заключил я. — Полагаю, от вас потребуется осмотрительность, потому что Черняка лучше пока не тревожить, не дать почувствовать интерес к его особе. Тем более что мы еще не знаем, с кем имеем дело: для врага любой наш неверный шаг будет сигналом опасности, а для невиновного может стать темным пятном на всю оставшуюся жизнь.

Саннинский справился с заданием быстро. Его рассказ позволял воочию представить себе обстановку, окружающую Черняка.

Добротный дом за высоким забором, ухоженный огород, хороший сад, в хозяйстве две коровы, свиньи с поросятами, птица. Семья довольно большая, трудолюбивая. Хозяин бухгалтерствует, через год-другой собирается на пенсию. Жаден, личные выгоды не упустит, но закон при этом не преступает. После ареста в 1927 году от служебной карьеры вскоре отказался, за престижными постами больше не гонялся, довольствуясь должностями счетовода или мелкого бухгалтера. Аполитичен. С началом войны

добровольцем в армию не рвался, но и в период оккупации в сотрудничестве с гитлеровцами не замечен, однако притеснениям с их стороны но подвергался.

— Большой знак вопроса, повисший над этим делом, как видите, не уменьшился в размере и продолжает висеть, — загадочно усмехнулся старший лейтенант, и я понял, что вернулся он не с пустыми руками.

И зацепка действительно была. Очень маленькая, почти призрачная, которую мог нащупать только опытный, думающий чекист-оперативник. В захваченном фашистами райцентре Черняк часто пьянствовал с головой районной управы и как-то в споре бросил фразу: «Я боролся с Советами, когда вы еще под стол пешком ходили».

Что это? Пьяная болтовня или признание, сорвавшееся с уст в запале?

Ниточка слабая, клубочек с такой не распутаешь, однако в сочетании с другими вопросами и фактами она говорила о многом. Во всяком случае, обсудив итоги черновой работы, мы с Саннинским решили; пора!

И я доложил руководству о предварительно собранных данных по поступившему к нам старому делу Черняка.

Начальник областного управления полковник Коновалов задумался, снедаемый сомнениями, которые беспокоили и нас, его подчиненных. Стоит ли дальше всерьез заниматься этим делом? Ведь основания для подозрений мизерные, новых сведений в нашем распоряжении почти нет, а давнее столичное расследование завершилось достаточно аргументированным постановлением коллегии ОГПУ СССР…

Окончательное решение, однако, было принято в тот же день — стоит. Палачи бакинских коммунаров, скрывшиеся от ответственности, должны ответить за злодеяния. Надо найти, рано или поздно, но найти. Одних сожалений и скорби о погибших героях недостаточно. Память о них требует возмездия, каждый палач должен предстать перед судом и получить по заслугам.

Последовало распоряжение: возобновить дело, начать расследование, раз и навсегда установить истину, чтобы либо снять с Черняка тень подозрений, либо привлечь к суду, если он действительно был соучастником преступления.

Возглавить следствие было поручено мне. С Саннинским мы приступили к тщательной проверке биографии Черняка по всем направлениям и сразу же словно бы уткнулись в глухую стену. На запросы из прежних мест жительства и работы интересных в оперативном отношении сведений не пришло. И на

подозрительные связи намеков не просматривалось. Несколько архивов и научных учреждений, куда мы обратились, ответили, что материалами о гражданине Черняке А. Ф. не располагают.

Расследование понемногу дополнялось мелкими деталями. Дело потихоньку разбухало от оперативных донесений, справок и официальных бумаг, но не продвигалось вперед. Все словно повисло в воздухе.

На оперативных совещаниях с сотрудниками страсти накалялись.

— Как видите, — сказал я на очередном обсуждении обстановки, — перед нами множество неразрешенных загадок. Каждая возможная версия требует самого тщательного анализа. Факты, факты и еще раз факты — вот чего нам недостает.

— Получается, что это дело куда сложнее, чем я его себе представлял, — сокрушенно вздохнул Саннинский, который на глазах осунулся от перегрузки и систематического недосыпания.

— И к тому же абсолютно безнадежное, — подхватил кто-то из молодых сотрудников.

— Безнадежное? — тут я уже вспылил. — Откуда у вас такой пессимизм? Время, хоть и незаметно, работает на нас. Но если хотите успеха, надо работать и самим, упорно, терпеливо, работать и работать. И результат не заставит себя ждать.

Так я закончил то совещание, подбадривая не только своих сотрудников, но и самого себя.

Неделя за неделей подряд шла внешне незаметная, кропотливая работа по всем основным линиям расследования. При этом львиную долю времени у сотрудников забирали текущие дела, которыми они занимались параллельно с историей Черняка. Двойная нагрузка изматывала людей, создавала дополнительные неудобства.

Естественно, я регулярно докладывал о ходе следствия вышестоящему начальству. Ход расследования весьма интересовал Сергея Васильевича Коновалова, но и он не мог предоставить в наше распоряжение самое дорогое для оперативного работника — время.

Впрочем, у чекистов не принято сетовать на перегрузку. Тем более в эти послевоенные годы, когда и город, и деревня самоотверженными усилиями поднимали страну из разрухи.

Больше всего моих сотрудников угнетала не усталость, накапливавшаяся день ото дня, а безрезультатность следовавших одно за другим проверочных мероприятий по Черняку. Мы не могли ни развеять подозрения, ни найти обвинительные материалы. Вытолкнуть расследование из тупика позволила бы только оригинальная следственная версия, которая вывела бы нас

за пределы замкнутого круга наведения.

Но какая?

Идея родилась неожиданно и была на удивление проста. Как-то бессонной ночью, после очередного разбора наших бесплодных поисков, завершившегося нелестными словами взвинченных сотрудников, у меня мелькнула мысль: а если пойти от обратного? Коль не получается через Черняка выйти на события 1918 года, то почему бы не попробовать через события, связанные с гибелью двадцати шести бакинских комиссаров, установить истинную роль подозреваемого?

Ведь прошло более тридцати лет. Не может быть, чтобы по красноводским событиям не проводилось никаких расследований и нет материалов на других лиц. В 1927 году, когда велось следствие по делу Черняка, материалы могли находиться в периферийных органах, о них не знали в Москве и поэтому прекратили его дело. Теперь же, когда организован централизованный учет, упорядочены архивы, ведется их научная разработка, есть все основания полагать, что дела, относящиеся к трагедии бакинских комиссаров, учтены, их местонахождение известно и они доступны для ознакомления. Эти материалы необходимо изучить, так как в них могут быть сведения о Черняке.

Едва дождавшись утра, послал за подчиненными. Вскоре все мои помощники были в сборе. В нескольких словах изложил существо ночных раздумий. Сотрудникам эта мысль тоже показалась перспективной, и мы тут же приступили к детальной разработке новой версии, которую доложили полковнику Коновалову.

Начальник управления предложение одобрил. Было решено начать поиск интересующих нас материалов в Центральном архиве МГБ СССР.

Буквально через двое суток с командировочным предписанием в кармане я уже ехал в столицу, памятуя напутствие Сергея Васильевича: «На работу в вашем распоряжении три дня. Если увидите, что в срок не уложиться, позвоните мне, попробую договориться о продлении командировки».

В устах нашего немногословного начальника это значило миогое, в первую очередь, что дело принимает серьезный оборот и разрешение на командировку досталось нелегко. Значит, решил я, надо укладываться в трое суток. И нужен результат, иначе подведем и себя, и поверившего в версию полковника: за увеселительную прогулку в столицу за государственный счет по головке не погладят.

Прямо с поезда явился в Центральный архив, к указанному мне сотруднику. Ознакомившись с целью приезда, он с порога остудил мой пыл:

«Работа эта очень большая. Постараемся к утру подобрать все материдлы следствий по обстоятельствам гибели бакинских комиссаров и красноводским событиям, тогда и сможете приступить. А пока погуляйте по Москве».

Заминка на первых шагах в столице обескуражила. Пришлось на ходу менять планы, и «гулять» я направился в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина в надежде отыскать в крупнейшем книгохранилище страны документальную литературу — возможный дополнительный источник информации. К сожалению, «улов» здесь оказался небогатый: несколько тоненьких брошюр да воспоминания Левона и Сурена Шаумянов — сыновей легендарного председателя Бакинского Совнаркома Степана Шаумяна — тоже весьма лаконичные.

Свидетели событий писали о героической эпопее Бакинской коммуны, длившейся около ста дней, о заговоре блока контрреволюционных партий, в результате которого 31 июля 1918 года коммуна была разгромлена британскими интервентами, а члены правительства и другие видные большевики арестованы. О самоотверженной борьбе пролетариев Баку за спасение своих вождей. Об отправке комиссаров из тюрьмы, за несколько часов до оккупацип города турецкими войсками, на пароход «Туркмен», который должен был доставить их и несколько сотен мирных беженцев в Астрахань, где сохранялась Советская власть. О цепи злоключений, приведших пароход к Красноводску, захвате судна войсками местных контрреволюционеров, аресте и гибели бакинских комиссаров.

В достоверности этих рассказов сомнений не возникало, но для нашего следствия описания ничего нового не давали, поскольку в красноводском этапе трагедии приводилось лишь несколько одиозных фигур эсеро-меньшевистских предателей и офицеров английских оккупационных войск.

Возможно, среди 14 миллионов книг библиотеки имени В. И. Ленина и были такие, в которых содержались крупицы нужных нам сведений, по их поиск потребовал бы слишком много времени, которым я не располагал.

На следующее утро я сидел в помещении Центрального архива, в отдельной комнате, имея все необходимое для работы. На столе возвышалась стопа архивных дел — около сорока томов. Я раскрыл первую папку, начал перелистывать страницы…

Из архивного дела

«Показания свидетеля Кузнецова:

По инициативе группы рабочих было решено найти тела расстрелянных 26 бакинских комиссаров и их откопать. Руководителем экспедиции был я. Снарядили специальный поезд и выехали. Остановились между станциями Ахча — Куйма и Перевал. Разыскивать долго не пришлось. За песчаным огромным бугром сразу показался на поверхности земли череп, а впоследствии были раскопаны и остатки костей. Во второй могиле, на расстоянии 5–6 шагов, нашли кости, черепа не было. Третью могилу нашли случайно. В могиле находились трупы 8 человек. Были видны волосы, одежда тоже сохранилась. Помню одежду одного матроса. У некоторых найдены были книги, деньги бакинские.

Четвертую могнлу нашли близ железнодорожного полотна. Там находилось 16 товарищей. Трупы все в страшном состоянии. Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов была перебита на части и раздроблена… Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били чем попало, ибо череп разбить на куски одной шашкой нельзя…»

Картина кровавой расправы потрясла. Она же заставила взять себя в руки, сосредоточиться на главном.

Я не ставил целью с документальной точностью и исторической полнотой воссоздать всю цепь трагических событий 1918 года в Красноводске. Это — дело историков, ученых. Я же — оперативный работник и должен уяснить фактическую роль Черняка в этих событиях, собрать документальные материалы, чтобы ответить на основной вопрос: «Кто он — преступник или свидетель событий?»

Отрешившись от эмоций, следую только теме поиска. Беру по порядку папки из стопы и внимательнейшим образом просматриваю документы.

Большинство дел относится к началу двадцатых годов. Чекисты, которые их вели, — вчерашние рабочие и крестьяне, большой грамотностью не отличались. Документы написаны на обоях, неразрезанных листах оберток карамели и чая, газетах, всевозможных обрывках стершимся карандашом или выцветшими от времени чернилами.

На след Черняка нападаю не сразу. Но вот в моих руках части нескольких экземпляров газеты «Бюллетень Красноводского стачечного комитета», в которой редактором был Черняк и, по его словам, печаталась информация из Москвы.

Из «Бюллетеня Красноводского стачечного комитета»[7]

«Общая военная ситуация с окончанием мировой войны сложилась далеко не в пользу большевиков. Союзные войска, поставившие себе задачей воссоединение России и прекращение в ней большевистского террора и анархии, окружают уже большевиков кольцом».

«Днем на платформе пьяные красноармейцы беспрерывно возят сложенные по 5–6 штук едва сколоченные гробы расстрелянных».

«Они, эти большевики, украли твое имя, русский пролетарий, и загрязнили его и твои идеалы».

«Официальный отдел.

Реконструкция власти в гор. Красноводске и его уезде.

На пленарном заседании Красноводский стачечный комитет постановил выделить из себя трех членов и передать им всю полноту распорядительной власти. Избраны: Кун (председатель), Добронравов (его товарищ), Черняк А. (секретарем)».

Газета, полная антисоветской клеветы и контрреволюционных измышлений, подтвердила наши первые подозрения, с которых начиналось нынешнее расследование. Серьезных материалов для обвинения она не содержала, однако показала, что для разработки следственной версии выбрано правильное направление, сделан шаг вперед на пути к развязке.

Изучая очередное дело (седьмое или восьмое — со счета сбился), натыкаюсь на фамилию Черняка, фигурирующую в документе. Дальше она попадается уже довольно часто.

Делаю выписки, снимаю копии, составляю справки, В моей рабочей папке накапливаются материалы, доказывающие, что Черняк активно боролся против Советской власти. Он лично участвовал в ликвидации Красноводского Совета, причем председатель Совета Дмитриев был направлен в концлагерь на территории Персии (Ирана). Энергично орудовал в составе «тройки» стачкома, сконцентрировавшей в своих руках всю реальную власть в городе, был ближайшим приспешником эсера Куна, тесно связанного с английскими интервентами.

Все новые и новые документы с фамилией Черняка.

И вдруг…

Из архивного дела

«Красноводский стачечный комитет, сентября 1918 года.

Начальнику городской милиции.

Копия административно-следственному отделу.

Предлагается принять и заключить под стражу нижеследующих государственных преступников: 1. Шаумян Степан Георгиевич. 2. Микоян Анастас Оганесович… 5. Джапаридзе Прокофий Апракснонович… 7. Фиолетов Иван Тимофеевич… 16. Мартыкиан Сатеник Захаровна.

Председатель Стачечного Комитета — Кун.

Секретарь — Черняк».

«Постановление.

Я, начальник Красноводской городской милиции Алания, сего числа по распоряжению стачечного комитета заключил под стражу в Красноводский арестный дом нижеследующих лиц:

1. Шаумян Степан Георгиевич. 2. Микоян Анастас Оганесович… 5. Джапаридзе Прокофий Апраксионович… 7. Фиолетов Иван Тимофеевич… 12. Шаумян Левон Степанович… 16. Мартыкиан Сатепик Захаровна, — зачислив содержанием за стачкомом».

«Красноводский стачечный комитет, сентября 1918 года.

№ 1559.

В административно-следственный отдел.

При сем список задержанных на пароходе „Туркмен“ государственных преступников.

Председатель Стачечного Комитета — Кун. Секретарь — Черняк».

Три дня командировки пролетели в непрерывной — с утра и до глубокой ночи — работе над архивными делами. Мое время истекло. Сдаю всю стопу материалов сотруднику архива.

Он спрашивает:

— Ну как, нашли что-нибудь?

Вместо ответа протягиваю ему свою распухшую от бумаг рабочую папку:

— Здесь выписки, копии, справки, которые нужно соответствующим образом заверить и оформить. Тут же заявка и список на изготовление фото- и светокопий необходимых документов и материалов. Просим все это сделать срочно и фельдсвязью прислать в Ворошиловградское областное управление.

Оказавшись в вагоне, я сразу же улегся на верхнюю полку и словно провалился в небытие — сказались и почти бессонные ночи в Москве, и огромное напряжение последнего времени. Проводник с трудом разбудил меня, когда поезд уже приближался к Ворошиловграду.

В управлении меня ждали с нетерпением. Прежде всего я поднялся к полковнику Коновалову. Подробно доложив о

командировке, долго отвечал на его вопросы о материалах, обнаруженных в Москве. Из отдельных штрихов и фактов, как из камешков мозаики, постепенно начала складываться общая картина дела, над которым мы столько бились.

— Теперь ситуация ясна, — с удовлетворением отметил полковник. — С окончательными выводами подождем до получения материалов.

Пакет с документами прибыл фельдъегерьской почтой через пять дней.

Из архивных дел

«Показания осужденного Домашнева, бывшего члена Красноводского стачкома:

…По аресте 26 комиссаров я зашел в стачечный комитет к члену стачечного комитета Черняку, который перепечатывал с листа бумаги, на котором было, кажется, если мне не отказывает память, написано 37 фамилий, куда входили и фамилии, как выяснилось впоследствии, расстрелянных комиссаров. В этом списке было отмечено 26 фамилии красным карандашом. Я спросил, что это значит. Он сказал, что это фамилии бакинских комиссаров. Я его спроснл, за что они арестованы и какое им предъявлено обвинение, он ответил, они арестованы за то, что бежали от народного суда».

«Приговор.

1921 года апреля 26 дня 23 часа.

Выездная сессия Революционного военного трибунала Туркестанского фронта… рассмотрев в заседаниях от 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 и 26 апреля всесторонне дело о расстреле 26 бакинских комиссаров Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Фиолетова и других по обвинению в вышеизложенном расстреле:

1. Сотрудника уголовно-следственной комиссии в Ессентуках Яковлева Андрея Матвеевича, 41 года, из буржуазии…

…и по обвинению заочно, ввиду нерозыска, в том же преступлении — расстреле 26 бакинских комиссаров — нижеследующих лиц:

1. Бывш. ревизора движения Кун Василия Генриховича, 40 лет, из жандармской полиции…

12. Бывш. счетовода Черняка Андрея Федоровича, 30 лет, из трудовой интеллигенции…

…Постановил:

Свидетельскими на суде показаниями 74 свидетелей, после оглашения показаний неявившихся в судебное заседание

свидетелей и документов, имеющихся в деле…

…Признать доказанным… что… Кун, Добронравов… Черняк… — все одинаково виновны:

1. Во всех преступлениях, совершенных за период властвования белых в Закаспии над рабочим классом, пролитой за это время рабочей крови как на фронтах, куда силой загоняли рабочих, так и в персидских и иных тюрьмах, куда посылали на страдания тех же рабочих.

2. Виновны в казни 26 бакинских комиссаров, будучи теми, кто разоружал утром 17 сентября на Уфре „Туркмен“, а ночью 19 под 20 сентября увозил и казнил этих вождей рабочего класса.

…Приговорил:

Куна Василия Генриховича…

Черняка Андрея Федоровича…

всех вышеупомянутых лиц объявить вне Закона.

Отныне каждый гражданин СССР при встрече с кем-либо из вышеуказанных лиц имеет законное право расстрела этого лица или обязан немедленно сообщить органам власти о месте нахождения объявленного вне закона для немедленного приведения над ним приговора в исполнение.

Амнистии никому из осужденных не применять как к участникам восстаний против рабочей власти и казни рабочих и коммунистов.

Приговор окончательный».

Полковник Коновалов вслух читал приговор революционного трибунала Туркестанского фронта, и я вместе с членами оперативной группы и руководителями подразделений управления, созванными на совещание в кабинет начальника областного управления, вслушивался в чеканные строки документа эпохи жестоких классовых битв.

Невольно думалось о том, что уже нет, наверное, в живых никого из свидетелей, дававших в 1921 году показаиия этому трибуналу, и членов трибунала нет, но все они сейчас обращаются к нам и через годы требуют приведения приговора в исполнение.

Матерый палач Кун, бежавший с английскими интервентами, по-прежнему скрывается где-то за границей, по его подручному, «скромному бухгалтеру» с обагренными кровью руками, замести следы все же не удалось.

— Наконец, можно поставить точку в этом затянувшемся деле, — сказал полковник, закончив чтение, и обратился ко мне: — Товарищ Катырев, подготовьте для прокуратуры материалы для санкции на арест Черняка.

Переглянувшись с сотрудниками, я встал:

— Товарищ полковник, разрешите поручить это старшему лейтенанту Саннинскому? — И объяснил: — Инициатором нашей работы был именно он, много сил отдал этому расследованию.

— Пусть будет так, — улыбнулся начальник управления. — Раз он начинал, ему, по справедливости, и заканчивать.

После ареста Черняка я только однажды видел задержанного. Даже на первых допросах не присутствовал. Не мог. Перед мысленным взором представала картина: закаспийская цустыия, сыпучие барханы, 26 бакинских комиссаров… Опасался, что, слушая, как изворачивается изобличенный палач, не смогу сдержаться. А чекисту это непозволительно.

Вскоре по требованию МГБ УССР арестованный и дело были направлены в Киев. Дело по обвинению А. Ф. Черняка рассматривал военный трибунал Киевского военного округа.

ИВАН СОБКО
«ПУСТЯКОВАЯ» ИСТОРИЯ

Иван Алексеевич Собко в органах государственной безопасности служил с 1942 года. С 1957 года по 1978 — сотрудник Ворошиловградского областного управления КГБ. Подполковник в отставке. Член КПСС с 1945 года. Награжден 15 правительственными наградами.

В последние дни марта 1970 года весна уверенно завладела Ворошиловградом. Стало тепло и солнечно. В сквере, перед зданием управления КГБ, с шумом и перебранкой суетились скворцы, облюбовывая места для гнездовий; воробьи весело чирикали, сбившись стайками у лужиц.

В это утро я прихал в управление рано и в тишине обдумывал план работы на день.

Первый телефонный звонок раздался задолго до девяти часов. К себе вызывал начальник подразделения.

Виктор Петрович возглавил подразделение недавно. Нелегкая для него сейчас пора: нужно освоиться в роли руководителя коллектива, найти верный тон с подчиненными, разобраться с новым объемом работы, свыкнуться с умножившимся грузом ответственности и задач. Не каждому хорошему оперативнику дано стать хорошим чекистом-руководителем.

Виктор Петрович сидел за столом, читая документы. Он пожал руку и сказал:

— В приемной — посетительница. Кажется, по вашей линии. Побеседуйте.

Познакомились. Ульяна Сидоровна Пахомова, вдова, пенсионерка, живет в Ворошиловграде в районе 3-го километра, имеет собственный домик, который все трудней содержать в порядке вдовьими руками.

Надеялась дожить, сколько осталось, в тишине и покое, рассказывала Пахомова, но судьба опять обошлась жестоко. Года два назад сосед (положительный был человек, степенный) продал свой дом Серкову, и начались для нее черные дни.

Пожилая женщина плакала и перечисляла «злодейства», учиненные новоявленным соседом, не иначе как задавшимся целью «сжить беззащитную старуху со свету». Обижает на каждом шагу, никакого сладу.

Пришлый человек — он и есть пришлый, толковала женщина. И семья живет как-то не по-людски. Сам — бирюк, истукан

каменный, только и норовит каверзу людям устроить. Из его жены слова не вытянешь, молчит, как немая. Зато свирепущего пса завели, бегает вдоль забора, скалится. Даже почтальонша Марийка, которая во все дома вхожа, там за калитку не переступит.

Как мог, успокоил я женщину, постарался объяснить, что органы госбезопасности занимаются совсем другими вопросами, и посоветовал обратиться в исполком или в райотдел милиции, где помогут найти управу на «злодея».

О беседе доложил Виктору Петровичу.

— Наверное, пустяковая история, — сказал он. — И все жо посмотрите, что там к чему.

С первых дней своей чекистской службы я, как и любой сотрудник органов госбезопасности, твердо усвоил простую истину: в оперативной работе мелочей не бывает. Каждый сигнал, особенно от рядовых граждан, должен быть всесторонне взвешен, тщательно проверен или передан в другие государственные и общественные органы, более компетентные в конкретных вопросах. Ведь одна из главных заповедей Феликса Эдмундовича Дзержинского гласит, что чекисты сильны тесной связью с народом и его доверием.

В карточке адресного бюро Андрей Александрович Серков значился 1905 года рождения, уроженцем города Новороссийска. Семейное положение не было указано, а место работы на момент прописки — мелькомбинат. По материалам нашего управления КГБ он не проходил, и оставались мелкие формальности, чтобы навсегда забыть об этой пустяковой истории, но…

Новороссийские товарищи на запрос сообщили: «Гражданин Серков А. А. уроженцем Новороссийска не является».

Я насторожился, стал изучать другие документы.

Из пенсионного дела Серкова следовало, что в нашу область он приехал в 1943 году и до конца войны работал на молокозаводе в поселке Станично-Луганское. И трудовая книжка там выдана.

Опять несоответствие: молокозавод действовал с конца 1944 года, значит, либо Серков там никогда не работал, либо…

Места работы после 1945 года подтвердились. В любом случае, две такие неточности вызывали подозрение: а но скрывается ли человек под чужим именем?

Поинтересовался женой Серкова — Надеждой Платоновной Кононовой. Открылась нелегкая судьба: гитлеровцы, оккупировав Донбасс, угнали ее с маленькими детьми на руках в Германию, на фашистскую каторгу.

Беседы со знакомыми и товарищами Кононовой по работе

дало мало — женщина неграмотная, забитая, очень скрытная, о муже и семейных делах никогда ничего не рассказывает.

И все же внимание привлекали два факта: что Надежда Платоновна — уроженка поселка Станично-Луганское и что репатриирована из Германии в 1945 году.

В начале октября 1970 года Серков внезапно исчез из Ворошиловграда. Больше месяца — никаких следов, никаких вестей.

Тут-то я и вспомнил о почтальоне Марийке, о которой рассказывала Пахомова в беседе весной.

Не часто приходится встречать человека, который заслуженно вызывает всеобщую симпатию абсолютно всех, кто с ним соприкасается. Мария Ивановна Лысенко оказалась именно такой. И я невольно испытывал неловкость, что, беседуя с ней о разных разностях, не мог раскрыть истинную причину обращения к ней.

Впрочем, имя Серкова в разговоре возникло без малейшей с моей стороны инициативы.

— Нет на свете справедливости, — рассуждала почтальон. — Вот, скажем, баба Ульяна, ей теплое слово позарез нужно, а я письмо несу Сычу.

— Кому-кому? — переспросил я.

— Да Сычу этому, Серкову.

И она рассказала такую историю. Накануне в адрес Серкова пришло письмо. Встретив Кононову у ворот, почтальон отдала его и хотела уйти, но Надежда Платоновна попросила прочитать письмо, мол, неграмотная, муж уехал на Север и вернется не скоро.

Пришлось почитать. Письмо из Киргизии, из города Токмака, от Марии Марченко. Это почтальон запомнила точно — мать до замужества носила такую же фамилию. Писали, судя по всему, родственники.

— Вот я и говорю: где на свете справедливость? — вопрошала Мария Ивановна с наивным недоумением. — Кому письмо нужнее: одинокой старушке или этому бесчувственному чурбану? Так нет. Этому все: и письмо, и родственники, и еще не по-русски что-то написано.

Выяснив, что «что-то пе по-русски написанное» — несколько строк на каком-то иностранном языке, я сделал вид, что этим не интересуюсь, и распрощался с милым почтальоном. Хотя в глубине души чувствовал, что встреча, наверное, не последняя.

И не ошибся. Через пару недель Мария Ивановна прншла в управление КГБ и потребовала меня. На этот раз она сообщила, что Серков прислал жене письмо из поселка Каджером Коми АССР.

Желая остудить напор добровольной помощницы, чтобы «частное расследование» не завело ее слишком далеко, попытался объяснить, что ни сам Серков, ни его адрес нас не интересуют.

Мария Ивановна не на шутку обиделась.

— Может, я и необразованная, и глупая, — сказала она. сдерживая наворачивавшиеся слезы. — Только я в Ворошиловграде пережила оккупацию и видела, как фашисты и предатели вешали наших, слыхала про расстрелы женщин и детей. Может, и Серков — из таких? Чего ему пишут не по-нашему?

Из Токмака ответили, что в городе действительно живет Мария Александровна Марченко, немка по национальности, а с нею — мать, Мария Генриховна Шеленберг. Отец Марченко — Шеленберг Александр Александрович — перед войной осужден за уголовное преступление, семья получила извещение о его смерти в местах отбытия наказания. Личность Серкова установить не удалось.

Пустяковая история, начавшаяся с вдовьей обиды, переместилась в иную плоскость. Руководство подразделения, обсудив ситуацию, утвердило мою рабочую версию: Серков, вероятно, немец по национальности и скрывается под чужой фамилией, боясь ответственности за какие-то преступления.

С первых шагов в этом деле главную роль играли простые советские граждане. Размышляя над дальнейшими действиями, я решил следовать тем же путем, опираясь на помощь общественности.

Мы попросили Виктора Карловича — немца по национальности, честного, скромного человека, патриота Советской Родины — помочь нам установить личность Серкова и его национальную принадлежность. Узнав суть обстоятельств, Виктор Карлович четко сформулировал свою позицию:

— Если это скрывающийся преступник, он должен ответить перед народом, если попавший в беду — ему нужно помочь.

Разобрали несколько вариантов действий и остановились на следующем. Виктор Карлович отправляет письмо в Киргизию женщинам, которые переписываются с подозреваемым. В нем указываются обстоятельства смерти А. А. Шеленберга в местах лишения свободы.

Ответ не пришлось ждать долго. Коротким письмом Мария Генриховиа Шеленберг известила Виктора Карловича, что к нему обязательно придет родной брат ее покойного мужа.

Ни фамилии, ни места жительства брата, ни других сведени в письме не было. Оставалось набраться терпепия и дать событиям развиваться своим чередом.

В конце февраля 1971 года Серков приехал домой и на следующий же день явился к Виктору Карловичу на работу. Убедившись, что в комнате больше никого нет, назвался Андреем Александровичем и спросил:

— Вы писали Марии Шеленберг?

— Да, писал, — ответил Виктор Карлович, не сразу сообразив, что за посетитель пришел. — Писал по просьбе отца, которого уже нет в живых.

Серков с опаской взглянул на двери и сказал, что муж Марии Шеленберг — его родной брат, невинно арестованный и расстрелянный в лагере.

— Не расстрелян, а умер — несчастный случай на работе, придавило бревном, — поправил Виктор Карлович и по-немецки спросил: — Так кто же вы? Шеленберг?

— Шеленберг, Шеленберг! — затароторил тот. — Живу под фамилией Серков, но я — Шеленберг!

Он суетился, бегал по комнате, бросался обниматься, приговаривая:

— Человек нашей крови! Как я рад! Нашей крови…

Вытащив из кармана бутылку, требовал выпить на брудершафт, как положено «истинным немцам». Но пить пришлось самому, перемежая тосты пьяными откровениями.

Виктору Карловичу стоило больших усилий сдержаться и не выставить за дверь захмелевшего «брата по крови», излагавшего свой жизненный путь.

Серков-Шеленберг рассказывал, что родился в Новороссийске, но жил в Пятигорске, работал на почте. В 1940 году послали на лесозаготовку, попался на спекуляции древесиной, был осужден к двум годам лишения свободы.

Когда в июле 1942 года фашистские войска вторично овладели Ростовом-на-Дону и рвались к Волге, лагерь с осужденными был эвакуирован на Кавказ. По дорого бежал, скрывался в Пятигорске. После вступления в город гитлеровских войск сразу пошел на службу в жандармерию «мстить Советам за себя и брата».

С фашистами бежал в Германию, скрыться в западной зоне не смог, оказался в лагере перемещенных лиц во Франкфурте-на-Одере. Заметая следы, назвался Серковым и под этой фамилией приехал в Ворошиловград с Надеждой Кононовой.

В Пятигорск полетел повторный запрос с уточненными данными. На этот раз местные чекисты информировали нас, что старые работники почты по фотокарточке опознали Шеленберга, а по документам, захваченным у гитлеровцев, он значится сотрудником секретного отдела управления Пятигорской

жандармерии.

Настала пора встретиться с Серковым-Шеленбергом. Держался он уверенно, даже нагловато: мол, с какой стати цепляетесь к старику, пенсионеру, ветерану труда? Задаю первый вопрос:

— Вы работали на Станично-Луганском молокозаводе?

— С конца 1943 года, — отвечает он без запинки.

— А где завод располагался?

Он морщит лоб, словно пытается вспомнить, бормочет что-то невнятное и заявляет, наконец:

— Забыл. Вон когда дело было, а память у старика слабая.

Предъявляю справку молокозавода, которая гласит, что в 1943 году предприятие не существовало, открыто в конце 1944 года, и что гражданин Серков А. А. на нем никогда не работал.

Он побледнел, но самообладание не потерял.

Взяв в руки папку с документами, задаю следующий вопрос:

— Где и кем вы работали в 1942 году в городе Пятигорске?

В августе 1971 года из Пятигорского городского отдела КГБ поступило сообщение: чекистские органы собрали убедительные свидетельства преступной деятельности Шеленберга-Серкова как предателя Родины и пособника гитлеровцев. Готовятся материалы на его арест.

Так закончилась «пустяковая» история.

ВАЛЕНТИН ЗАНУРДАЕВ
ТРИ ЧАСА И ВСЯ ЖИЗНЬ

Для сотрудника Комитета государственной безопасности Рудченко эта командировка не предвещала особых сложностей. После двухлетнего пребывания в Афганистане он вернулся в Ворошиловград и получил новое назначение. Сейчас и ехал по делам службы в одно из подразделений, осуществляющее охрану исправительно-трудового учреждения.

Покрытая свежим асфальтом трасса то опускалась в долину, то круто взбиралась на взгорья. Проскочили окраину Михайловки. Задрав нос, машина выбралась на крутой холм и облегченно помчалась по ровной дороге. Впереди из-за горизонта появились трубы металлургического комбината, а через минуту-две справа открылась панорама Коммунарска.

Что-то дрогнуло в душе Анатолия Михайловича. Он смотрел на родной город. Здесь рос, окончил школу и профессионально-техническое училище, работал на стройках, отсюда был призван в войска КГБ, служба в которых круто изменила его дальнейшую жизнь.

Воспоминания так захватили Рудченко, что он не заметил, как проехали остаток пути по автотрассе Ворошиловград — Донецк, свернули налево, и машина замерла у проходной колонии — на том самом месте, где вскоре ему суждено было вступить в вооруженную схватку с бандитами.

Пробыв два дня в подразделении, охраняющем эту колонию, Рудченко переехал в соседнее, находящееся в каких-то десяти — двенадцати километрах. Они сидели в кабинете с Михаилом Григорьевичем Калинушкиным, рассматривали планы на случай чрезвычайных обстоятельств и еще не знали, что в промышленной зоне колонии эти обстоятельства уже возникли и что спустя несколько минут делать им придется не все то, что предусмотрено этими планами.

До этого дня Ковш и Акимов, отбывавшие наказание в ИТК, уже перечитали все публикации в центральной прессе о действиях и крахе террористической группы Якшиянца в Орджоникидзе, проанализировали каждую мелочь, тщательно готовясь к совершению подобной бандитской акции.

— Усек, на чем они погорели? — спросил во время очередной встречи в промышленной зоне Акимов.

Хмурый и молчаливый Ковш лишь хмыкнул и мотнул из стороны в сторону головой.

— Лопух ты, — перекосил в ухмылке рот Акимов, кичась своей проницательностью. — Они же сразу выложили ментам все карты, даже то, что полетят в Израиль. Не-е-е, мы им таких шансов не дадим. Как с бомбами? — поинтересовался он.

— Порядок, — Ковш вдруг оживился. — Представляешь, в лавку завезли необычные коробки, большие — в каждой по 200 спичек. А проносить все равно разрешают, как и маленькие коробки, по одной. Так что дело пошло веселей.

— Ну вот н добренько, — сквозь зубы процедил Акимов. — Четыре — пять этих игрушек за тобой, — тоном, не допускающим возражений, закончил он.

Оставшись один, Ковш задумался: как он попал под влияние Акимова. Он, Олег Ковш, одного лишь взгляда которого достаточно было, чтобы подельник схватил раскаленный утюг и приложил его к телу очередной жертвы, он, который из двадцати прожитых лет уже семь по крупному конфликтует с законом, он позволяет Акимову разговаривать с ним таким тоном. Ответ напрашивался сам по себе: семь лет разницы в их возрасте уже многое значат. По, видимо, не это главное. Дело в том, что у него, Олега, первая судимость, тогда как у Акимова — третья. Да и «дела» последнего посерьезнее, среди которых есть и «мокруха». Не последнюю роль в том, что Ковш чувствовал себя зависимым, играл и тот факт, что не он, а Акимов предложил бежать, захватив заложниц, а потом решил, что надо изготовить для этого взрывные пакеты, самодельный пистолет.

Для шести сотрудниц отдела труда и заработной платы это солнечное весеннее утро ничем не отличалось от других, когда начинался их обычный рабочий день. Каждая выполняла свою привычную работу. Было начало одиннадцатого. По делам службы к ним зашли две работницы других отделов. И вдруг дверь резко распахнулась, в ней появились двое в черных спецовках, какие носят осужденные.

— Всем оставаться на местах! — дико осклабясь, гаркнул тот, что пониже, поводя из стороны в сторону двухствольным самопалом.

— С этой минуты вы — заложницы. Будете сидеть смирно — будете жить, нет — прикончим!

Который повыше в это время был уже возле одной из женщин и угрожающе наставил на нее нож.

Охнув, рухнула на пол без сознания одна из сотрудниц. В мгновение ока преступники выволокли ее в коридор и бросили на пол. Вернувшись, забаррикадировали дверь столами. Один из них подошел к телефону и набрал номер начальника колонии Анатолия Александровича Сороки…

Телефон на столе Калинушкина зазвонил в тот момент, когда Рудченко поднялся, чтобы перейти к заместителю начальника учреждения Анатолию Дмитриевичу Напольскому. По тому, как побледнел Михаил Григорьевич, слушая телефон, Рудченко сразу понял: произошло что-то чрезвычайное.

— Звонил начальник, — скороговоркой сказал Калинушкин, кидая трубку на рычаг. — В промзоне осужденные Акимов и Ковш захватили заложниц… Требуют выпустить их из колонии. Я — туда.

— Я с вами, — уже на ходу бросил Рудченко. Через минуту вместе с Сорокой и Напольским они мчались в УАЗике к двухэтажному административному зданию промышленной зоны.

— Анатолий Дмитриевич, немедленно сообщите о происшествии в райком партии, областные УВД и КГБ, выведите из зоны всех вольнонаемных и позаботьтесь об общественном порядке. За вами, Михаил Григорьевич, — предупреждение волнений среди контингента, — на ходу в машине давал указания Сорока. — Мы с Рудченко — к бандитам.

Резко затормозив, машина замерла у двухэтажного здания заводоуправления. Начальник колонии бросился было к двери ОТиЗ, но из-за нее раздался грозный окрик Акимова:

— К двери не подходить, стрелять буду! Переговоры — по телефону. Наши условия, начальник, такие, — продолжал он, когда Сорока, зайдя с Рудченко в кабинет напротив, позвонили бандитам, — не позже, чем через полчаса подогнать к двери заправленный и зашторенный автобус с рацией и обеспечить нам вместе с заложницами безопасный выезд из зоны. Что дальше — скажем потом.

— Опомнитесь, Акимов. Выпустите женщин, сдайтесь — заслужите снисхождение, — попытался уговорить преступников Анатолий Александрович.

— Не теряй времени, майор, — резко прервал его Акимов. — Оно работает против вас. Не будет через полчаса транспорта — получишь первую покойницу.

— Что будем делать? — обратился Сорока к Рудченко, положив трубку.

— Давайте так, — отозвался тот, напряженно думая. — Готовьте на всякий случай автобус, а я попробую поговорить с ними. Главное сейчас — сделать все возможное, чтобы избежать жертв среди женщин, пока не прибудут руководители из области.

Оставшись один, Анатолий Михайлович позвонил Акимову и представился. Но тот заявил, что с «кагебистами дела иметь не желает». Только после третьего настойчивого звонка Рудченко он не сразу бросил трубку и поинтересовался:

— А где начальник?

— Майор Сорока готовит автобус. А мне надо уточнить некоторые ваши требования.

— Ладно, подходи к окну, хочу посмотреть, какой ты смелый.

К этому времени преступники выбили в окне стекла. Когда Анатолий Михайлович подошел к нему, из-за вмонтированной в наличники металлической решетки в виде расходящихся лучей солнца на него смотрели два ствола самопала. Выше них он увидел лицо Акимова. Оно показалось чекисту сплошной серой маской, на которой четко выделялись лишь полоска плотно сжатых розовых губ и налитые кровью злые глаза бандита.

В глазах Акимова не только ненависть, но и наглость, и выжидание, и даже что-то наподобие торжества. Однако надо выдержать этот взгляд, как бы унизительно и неприятно это ни было. Ради жизни каждой из семи женщин. Одно неосторожное слово, и может произойти трагедия: Акимов в любую минуту готов применить свой самопал, а Ковш пустить в ход нож, который сейчас демонстративно приставил к шее одной из заложниц. Нет, ни в коем случае нельзя злить бандитов. Наоборот, надо их успокоить, расположить к себе. И тянуть, тянуть время. Сейчас уже наверняка десятки людей включились в операцию. Рудченко знал, что она будет проведена. И уверен, что проведена успешно, преступников настигнет неминуемая кара. Как знал и то, что сейчас именно от него, почти случайно оказавшегося в эпицентре событий, от его выдержки и умения найти такой тон и слова в разговоре с бандитами, которые удерживали бы их от крайних мер, зависит жизнь людей. А потому, приглушая в себе чувства, Анатолий Михайлович вел с Акимовым торг.

— Где автобус? — почти крикнул бандит, как только Рудченко подошел к окну.

— Не психуй, Владимир, — спокойным голосом сказал Рудченко. — Ваши требования выполняются.

Ему хотелось сказать не «Владимир», а «бандюга», но он сдержал себя.

— Как выполняются? — суетился Акимов. — Осталось восемь минут.

— Ну, во-первых, не восемь, а двенадцать, — уточнил Анатолий Михайлович, бросив взгляд на часы. — А, во-вторых, вы с Олегом не понимаете, что назначенный вами срок нереальный. У единственного в колонии ЛАЗа полетела помпа, чтоб найти автобус на стороне, нужно время.

— Берите автоматы, выходите на трассу и гоните сюда первый же «ЛАЗ» или «Икарус».

— Можно и так, — согласно сказал Рудченко, хотя в нем все клокотало от того, что бандит толкает их на противоправные действия. — Допустим, мы последуем твоему совету. Но чтобы дождаться автобуса, высадить людей, дозаправить и заделать машину шторами, как вы требуете, надо по крайней мере часполтора. Все будет сделано как обещано, только не торопитесь, — добавил Анатолий Михайлович и сунул руку в карман.

— Не шути, начальник, — предупредил Акимов, вскинув самопал.

— Сигареты. — сказал Рудченко, доставая пачку «Родопи». — Может, закуришь?

— Это мы с удовольствием, — изменил тон преступник. В то время, когда он закуривал, среди заложниц возникла какая-то возня. Они зашумели.

— Женщины, — обратился к ним Рудченко, боясь, чтобы те не спровоцировали бандитов на агрессивность, — прошу вас вести себя спокойно, не паниковать. Все будет хорошо.

— Здесь одной плохо, сердечный приступ, — послышалось из глубины кабинета.

Анатолий Михайлович взглянул на Акимова. В глазах у того мелькнула растерянность.

— Ты же человек, Акимов. Освободи женщину. Умрет — ее смерть за тобой будет числиться, — сказал Рудченко.

— Позовите двух зэков — пусть заберут, — после минутного раздумья согласился Акимов.

— Сейчас сделаем. Я там задержусь: узнаю, как дела с автобусом. Не наделайте тут без меня глупостей, — сказал Рудченко, собираясь уходить.

— Постой, начальник, — остановил его Акимов — Дай еще сигаретку.

Рудченко хотел отдать ему всю пачку, по подумал, что этим он оборвет важное звено, которое помогает ему смягчать и поддерживать отношения с бандитом. Он вытащил и подал через решетку сигарету.

— А ты действительно не трус, начальник, — сказал Акимов, когда, возвратившись к окну, Анатолий Михайлович предложил себя вместо заложниц. — Только за шесть баб выкуп можно получить больший, чем за тебя одного. А может, ты задумал как-то повязать нас с Ковшом? Выбрось это из головы — прихлопну в момент, — закончил он, поигрывая самопалом.

— Так я же в наручниках к вам пойду.

— Не пойдет и в «браслетах», — коротко отрезал Акимов.

— Не пойдет, так не пойдет. Давай-ка лучше еще закурим. Да убери ты свою «пушку», наконец, — сказал Рудченко, глядя, как

бандит все время наготове держит самопал. — Я не в такие дула смотрел.

— Это где же?

— Только из Афганистана вернулся.

— О-о! — искренне воскликнул Акимов. — «Афганцев» уважаем…

Да, против душмановских минометов, реактивных установок и автоматов, самопал Акимова — детская игрушка. Когда в январе 1987 года Анатолий Михайлович прибыл в дружественную страну и был назначен на новую для него должность в воинскую часть, круг его обязанностей был обозначен четко: борьба со шпионажем и контрабандой, тесное взаимодействие в этих целях с нашими пограничниками, афганскими органами госбезопасности, милицией, племенными формированиями, которые перешли на сторону революция. И, по возможности, никакого участия в боевых действиях.

Но разве всем об этом расскажешь? Да и не положено никому знать о том, чем занимается, как и где должен вести себя чекист. Но как работать с солдатами и офицерами, если они не видят тебя, человека в форме капитана, рядом с собой в бою?! И Рудченко никогда не прятался за спины других. Наоборот, при необходимости кидался в самое пекло сражений.

Так было и под кишлаком Джузгарай. В то памятное январское утро их колонна растянулась на несколько километров, направляясь в район Мусакалы, где советские воины должны были блокировать захваченный «духами» город и поддерживать авиацией наступление афганских войск.

Головная колонна — две роты сопровождения с двумя танками, оснащенными тралами, в авангарде, — наконец, вырвалась из плена сопок на ровную открытую местность. Командир разведывательного подразделения Степан Дмитриевич Солодовников выглянул из командноштабной машины и осмотрелся. Вокруг ни деревца, ни кустика, уныло и серо, с неба моросил мелкий дождь. В бронетранспортере с бортовым номером 32 Солодовников увидел Рудченко и приветливо помахал ему рукой.

И в этот момент загрохотали выстрелы. Стреляли с окраины показавшегося впереди кишлака Джузгарай. «Установки эрэсов, минометы, орудия», — механически отмечал Рудченко. В нашей колонне факелом вспыхнули один, за ним другой грузовики с провиантом.

— Вальсом — в бой! — скомандовал по рации Солодовников, и наши танки и бронетранспортеры, рассредоточившись и маневрируя, ринулись вперед. Мины и снаряды рвали вокруг них

землю, стоял оглушительный грохот, но бронированные машины, попеременно обгоняя друг друга и ведя на ходу огонь из пушек и пулеметов, неудержимой лавиной неслись к киризам (глубокие и широкие, напоминающие траншеи, канавы для подводки воды), где засел враг. Краем глаза Рудченко заметил, как под колесами соседнего бронетранспортера вздыбилась от мины земля и тот, чуть подпрыгнув, замер на месте. Но остальные шли вперед.

— Десант — к бою! — прозвучал по рации голос комбата. Рудченко имел право, более того, обязан был оставаться в бронетранспортере. Но как только тот на несколько секунд замедлил ход, он крикнул: «За мной», вместе с пятью десантниками спрыгнул на пожухлую траву и побежал по ней, на ходу стреляя из автомата по киризам, где появлялись и исчезали головы в чалмах.

Рядом с Рудченко и его товарищами на левом фланге оказался командир разведывательной роты Хочепуридзе. Анатолий Михайлович вдруг увидел, как рядом с ним взметнулся столб земли. Капитан упал. «Убит», — хлестнула страшная мыслъ, и он бросился к Хочепуридзе. Но тот оказался жив и невредим, только каска отлетела далеко в сторону.

— Дерево слева видишь? — прохрипел комроты. — За ним радиостанция и корректировщик. Мы отвлечем его, а ты зайди со своими орлама слева и сними его.

Рудченко поднял залегших за валунами десантников. Короткими перебежками они приблизились к дереву, уничтожили корректировщика, захватили радиостанцию и без передышки бросились к киризам, которые были уже совсем рядом. Над головой Рудченко свистели пули. Одна из них ударила в правый бок и отрикошетила от бронежилета. Над бруствером вдруг возник душман с гранатометом. Рудченко полоснул по нему очередью из сзоего АКС, прыгнул через опустевшую первую линию киризов и понесся дальше. По тому, как со стороны душманов стали звучать лишь отдельные ружейно-пулеметные выстрелы, он понял, что противник не выдержал стремительной атаки наших десантников, смят и бежит. Вместе с десантниками он продолжал преследовать его, пока кишлак полностью не был очищен от врагов революции.

Утром следующего дня Анатолия Михайловича пригласили к телефону. Звонили из штаба армии.

— Вы что там из себя Чапаева изображаете, — отчитывал он Рудченко. — Ваша задача другим делом заниматься, а не в атаки ходить.

Но орден Красной Звезды за мужество, проявленное в боях под Сон-Бором и Кандагаром, Анатолию Михайловичу все же был

вручен. К нему вскоре прибавились две афганские награды.

Рудченко сумел-таки расположить к себе террористов. Вот уже окол двух часов ведет он с бандитами переговоры, выкурил с ними почти две пачки «Родопи». Диалог с ним больше ведет Акимов, Ковш лишь иногда появляется за окнами решетки, чтоб бросить реплику, в очередной раз продемонстрировать свою агрессивность.

Вот сейчас, направляясь уже в который раз к окну, Анатолий видит в нем напряженно ждущую фигуру Акимова. И так же в который раз уже тот встречает чекиста нетерпеливым: «Где автобус?»

— Автобус подготовлен, подойдет с минуты на минуту. Сейчас водителя подыскивают, — стараясь не выдать возникшего только что на летучем заседании кризисного штаба волнения, говорит Рудченко.

Только что, коротко посовещавшись, члены кризисного штаба определили группу захвата, в которую был включен и Рудченко.

Операцию решено было провести в любой удобный момент после выезда террористов с заложницами за пределы колонии. Поэтому и шел Рудченко к преступникам, несколько волнуясь.

В правоте своих, сказанных на заседании штаба слов, Анатолий Михайлович убедился во время этой, последней, их встречи.

— Допустим, у вас получится то, что задумали, и вы окажетесь на свободе, — обратился Рудченко к Акимову. — А дальше что? Снова грабежи, а может, и того хуже. Снова за решетку? Может, хватит конфликтовать с законом? Подумайте, пока не поздно. Освободите женщин, вернетесь в зону — это может быть квалифицировано как явка с повинной.

— Поздно, начальник, поезд ушел. Слушай, надоел ты мне с этими песнями, — почти вскрикнул Акимов. — Давай автобус, а то пущу на воздух и себя и всю эту компанию. Олег, подбрось одну штучку, чтобы он знал, что я не треплюсь.

Ковш подошел к окну, чиркнул спичкой и взмахнул рукой. Угрожающе шипя, мимо Рудченко пронеслась и метрах в десяти — двенадцати от него шлепнулась на землю медная, загнутая с двух сторон, трубка. Так же шипя, она полежала, как бы выжидая несколько секунд, и вдруг в том месте сверкнул огонь и сильный взрыв огласил все вокруг. Рудченко инстинктивно прижался к стене здания.

— И таких игрушек у нас припасено несколько, — с ухмылкой сообщил Ковш. — А чтоб фейерверк поярче был, бензинчик имеется. — Он показал литровую банку с бензином.

«Да, я не ошибся там, на заседании штаба: этих надо

обезвреживать, — думал Рудченко, слушая Ковша. — Эти способны на все».

Ему все время приходится кого-то обезвреживать. Даже в Чернобыле, куда он со специальным подразделением прибыл через несколько дней после аварии на атомной электростанции и где, казалось бы, всеобщая беда должна была вызывать в человеческих душах только самые благородные побуждения. Но и там встречались мерзавцы, не имеющие ничего святого за душой, стремящиеся на чужом горе погреть руки.

Как-то ночью комбата Николая Ивановича Шерепу поднял звонок телефона.

— Товарищ подполковник, получено сообщение: в Дитятках мелькают огни, — раздался в трубке голос дежурного.

«Кто бы это мог быть: местность заражена, жителей из села вывезли в другие места. Возможно, кто-то из них решился на этот небезопасный шаг, чтобы взять что-то из оставленного добра», — терялся в догадках Шерепа, по-военному спешно одеваясь.

Группа резерва выехала в Дитятки на трех бронетранспортерах. Рядом с комбатом в головном БТРе сидел Л. М. Рудченко.

В селе разбились на несколько групп. В одной из них обходил подворья и дома Анатолий Михайлович. Вдруг шедший рядом солдат Приешко взял его под руку и прошептал:

— Свет…

— Где? — посмотрев по сторонам и ничего не увидев, спросил Рудченко.

— Во второй хате, слева мелькнул.

Неслышно подойдя к разбитому окну, Анатолий Михайлович прислушался. Да, в доме кто-то был: время от времени там раздавались шорох и приглушенные голоса. Рудченко расставил людей у окон, а сам с двумя солдатами, резко распахнув дверь, шагнул в дом. Лучи карманных фонариков выхватили из темноты две фигуры. Один неизвестный снимал книги с полки, другой копался в платяном шкафу.

— Руки вверх! — крикнул Рудченко. — Кто такие?

Неизвестные оказались мародерами. В сарае за разборкой «Жигулей» застали их третьего дружка. У них изъяли чужие сберегательные книжки на крупные вклады, японские системы, изделия из золота, другие ценные вещи. Вскоре каждого из них осудили на длительный срок изоляции от общества.

Акимов еще продолжал наслаждаться эффектом от взрыва. Когда лицо его внезапно приняло совсем другое выражение, глаза еще больше сузились и, глядя вдаль, мимо Анатолия Михайловича, радостно заблестели. Рудченко оглянулся: от

проходной промзоны к заводоуправлению медленно, как бы нехотя, полз голубой «ЛАЗ».

— Порядок, Ковш, идет наша лайба, — торжествуя, крикнул Акимов вглубь комнаты, а затем к Рудченко: — Я вижу, что ты не фрайер, шеф, не обманул. А теперь мотай отсюда, — стал наглеть он, пьянея оттого, что все идет по намеченному плану. — И передай своим, чтобы, когда будем садиться в автобус, за двести метров от нас никого не было. Иначе… Приготовиться, бабоньки, сейчас прокатимся с ветерком, — обратился он уже к заложницам и, впадая в эйфорию, дико заржал сквозь желтые, как у старика, зубы.

А ведь Акимову всего двадцать семь лет. Из них восемь он провел в заключении, в том числе и за убийство человека.

Прежде чем уйти от окна, Рудченко привстал на носках и посмотрел через прутья решетки на женщин. Он увидел белые, измученные пребыванием под ножами бандитов лица. На Анатолия Михайловича смотрели молящие глаза: «Вы у нас единственный, через кого мы связаны с тем миром радости и свободы, в котором еще три часа назад жили. Верните нам его, на вас вся надежда». Уходя от окна, Анатолий Михайлович знал: какой бы опасности ему ни пришлось еще подвергнуть себя, он доведет дело до конца и вернет этих женщин их детям.

Прошло десять томительных минут. За это время террористы, прикрываясь своими жертвами, заняли места в автобусе. Вот он, мрачный от темных штор, появился из проходной промышленной зоны и направился к автостраде Ворошиловград — Донецк. Следом за ним двинулась кавалькада из легковых и грузовых автомашин с работниками правоохранительных органов. Впритирку к автобусу шла черная «Волга» с группой захвата.

— Кто же согласился сесть за руль? — поинтересовался сидевший рядом с Рудченко старший лейтенант Владимир Григорьевич Фоменко.

— Водитель Авершин, — откликнулся майор Александр Николаевич Бобров. — Двадцать пять лет в колонии работает. Сам пришел в штаб и заявил: мой автобус — я и поведу. Ему говорили — подумайте: возраст, две дочери-невесты… Настоял на своем.

«Пока такие люди есть, с любой бандой справимся, — думал А. М. Рудченко. — А их у нас, таких Авершиных, миллионы. Да и не только у нас — во всем мире»… На память пришел эпизод, когда в декабре прошлого года банда Якшиянца захватила автобус с детьми. Сколько людей включилось тогда в операцию по их освобождению. Даже в Израиле, где не питали симпатий к нашей стране, отвергли террористов и выдали их советским

властям.

— Направляемся сейчас к соседней колонии, — раздался по рации голос Ковша. — А ты, начальник, дай команду, чтоб там подготовили и передали нам Толика Минаева.

— Сделаем. А дальше что?

— Потом узнаешь… — Рация замолчала.

— Мы обращаемся к вам еще раз: проявите благоразумие и освободите женщин, — предложили бандитам.

— Давай, не медли, а не то… — прорычал Ковш и замахнулся ножом на одну из женщин.

Стало окончательно ясно, что бескровно конфликт разрешить невозможно. Был дан условный сигнал. Загремели выстрелы…

В заметке, помещенной через день в центральной и местной газетах, в частности говорилось: «Благодаря профессионально грамотным и согласованным действиям майора КГБ Л. М. Рудченко, прапорщика внутренних войск С. П. Немова и водителя А. К. Авершина террористы, которые оказали яростное сопротивление, были обезврежены. Ни одна из женщин не пострадала»,

notes

Примечания

1

Голущко Н. М. Не создавать врагов там, где их нет // Рабочая газета. — 1988.— 3 дек.

2

Чебриков В. М. Перестройка и работа чекистов // Правда. — 1988.— 2 сент.

3

Ныне город Артемовск Донецкой области.

4

Звенягин Авраамий Павлович — впоследствии дважды Герой Социалитического Труда, заместитель Председателя Совета Министров СССР.

5

Здесь и далее радиограммы даются в авторском изложении. В радиограммах в НКГБ УССР подполковник Сидоров именовался «Алексеем».

6

Фамилия изменена.

7

Здесь и далее в цитируемых документах сохранена орфография оригиналов.